

С. В. Явон

# Семейные ценности молодежи



Москва  
2018

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**С. В. Явон**

**Семейные ценности  
молодежи**

**Монография**

Издательство Московского гуманитарного университета  
2018

ББК 60.56  
Я22

**Рецензенты:**

О. И. Волжина, доктор социологических наук, профессор;  
Ю. А. Зубок, доктор социологических наук, профессор;  
Вал. А. Луков, доктор философских наук, профессор,  
заслуженный деятель науки РФ.

**Явон, С. В.**

Я22 **Семейные ценности молодежи** : монография / С. В. Явон. — М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2018. — 150 с.

ISBN 978-5-907017-78-8

В монографии проанализирован и систематизирован опыт эмпирического исследования семейных ценностей российской молодежи. Представлены главные тенденции, актуальные проблемы и современное состояние предпочтений молодежи в семейно-брачной сфере.

Рекомендуется для специалистов в области социальных наук, широкого круга читателей, интересующихся проблемами молодежи, семьи и брака.

ББК 60.56

ISBN 978-5-907017-78-8

© Явон, С. В., 2018  
© Московский гуманитарный университет, 2018

# Оглавление

Введение .....	4
<b>Глава 1</b>	
<b>Социальная динамика семейных ценностей российской молодежи .....</b>	<b>8</b>
1.1. Молодежь в условиях социокультурных изменений .....	8
1.2. Семейно-брачные приоритеты молодых мужчин и молодых женщин .....	23
1.3. Ценностное восприятие сексуальности: тенденции и проблемы .....	43
<b>Глава 2</b>	
<b>Предпочтения региональной молодежи в семейно-брачной сфере (опыт социологических исследований) .....</b>	<b>62</b>
2.1. Ценностные ориентации молодежи Ульяновской и Самарской областей в семейной и сексуальной жизни .....	62
2.2. Семья и брак в предпочтениях молодежи Оренбургской области .....	81
2.3. Жизненные сценарии раннего материнства (г. о. Тольятти) .....	90
2.4. Семейные ценности молодежи Самарской области и Республики Татарстан .....	101
Заключение .....	113
Список использованных источников .....	118

## Введение

Современная молодежь оказывается в эпицентре происходящего в социуме. Экономика, политика, развитие науки и следующей за ней технологии, состояние общества в целом определяют условия, в которых осуществляется жизненное самоопределение юношей и девушек. На их ориентации и социальное поведение воздействуют демографические процессы, состояние системы образования, ценностные ориентации различных значимых индивидуумов, массовые коммуникации... Здесь проявляет себя сложная гамма жизненных смыслов, ценностных ориентаций, социальных устремлений юношей и девушек, вступающих в самостоятельную жизнь.

Молодежь приобретает свои характеристики в процессе социокультурной эволюции поколений, формируется вместе с обществом, в процессе общественного развития и прогресса. В этом процессе соединяется культурный, социальный опыт, знания, традиции общества. Молодежь становится субъектом посредством включения в общественное целое, его культуру через определенные социальные институты, которые являются способом ее участия в общественной жизни. Характер субъектной деятельности определяет способы вхождения и взаимодействия молодежи с обществом, форму и характер этого взаимодействия, устремленность в формировании социальных связей, их действенность, диапазон возможностей молодежи в реализации ею своих способностей, интересов, потребностей. Процесс субъективации проблематичен в разновременных культурных и социальных пространствах.

В современных обществах положение молодежи характеризуется некоторыми своеобразными чертами: это дезориентированность и проблемы социальной адаптации; противоречивый и прерывистый характер социализации молодежи, обусловленный сосуществованием множества агентов социализации и культурным плюрализмом, а также быстрым темпом социальных изменений; вынужденная конкуренция с людьми более зрелого возраста; отсутствие «ступеней взросления», санкционированных культурой и ритуально отмечен-

ных моментов перехода из одной возрастной группы в другую; самостоятельность, автономия.

Динамика жизненного самоопределения российской молодежи связана с характером этого самоопределения как целенаправленного, стандартно-нормативного, долгосрочного процесса в направлении к легитимированию стихийности, вариативности, разнорочности, рискованности.

Первый выход на арену сексуальных и собственных семейных отношений происходит именно в молодежном возрасте. Молодежь является дебютантом в данных сферах социума. Для представителей молодого поколения семейные и сексуальные ценности (или отсутствие таковых) определяют индивидуальные стратегии сексуального поведения, семейных взаимоотношений, которые имеют долгосрочный проективный характер.

Будучи первичным институтом социализации личности, семья определяет основные нормы поведения индивида в зависимости от пола и формирует ценности, связанные с организацией приватной жизни человека в рамках континуума фемининности-маскулинности. Субъектно-объектные позиции семьи не остаются неизменными, они вписаны в определенный исторический контекст, который в современном обществе характеризуется особой динамичностью. Фоном, на котором разворачиваются основные «сюжеты» семейной жизни сегодня, являются структурные изменения рынков труда и автономизация финансовых рынков, растущая территориальная мобильность и демографическая модернизация. Все эти процессы выступают по отношению к семье как внешняя сила, вызывающая противоречивые и неоднозначные последствия для ее жизнедеятельности. Причем какие бы оценки ни давались тем или иным факторам социального и экономического воздействия на семью, наиболее влиятельными из них становятся сами темпы происходящих изменений и их наложение друг на друга. Социальные трансформации, охватившие все регионы мира, вызывают широкий спектр адаптивных реакций. С одной стороны, в функционировании семьи актуализируются традиционные механизмы самосохранения, а с другой стороны,

происходит пересмотр ранее существовавших норм внутрисемейных отношений в сторону эгалитарности. В результате семьи переходят в другое эволюционное качество или распадаются. Первый опыт взаимоотношений с другими людьми у молодого человека происходит в контексте семьи. Семья является определяющим фактором качественного формирования жизненных установок.

Информационная и эмпирическая база монографии определяется:

– использованием информационно-статистических данных, в которых содержатся демографические характеристики современной молодежи и выявляются тенденции их изменения (материалы министерства по вопросам семьи материнства и демографического развития Самарской области, Оренбургской области, комитета по делам молодежи мэрии г. о. Тольятти, г. о. Ульяновска, Федеральной службы по труду и занятости, Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан и т. д.);

– анализом периодической литературы, посвященной данной тематике;

– изучением многочисленных эмпирических работ (80-е годы XX в. — 10-е годы XXI в.), в которых содержатся результаты социологических исследований молодежи в аспектах динамики ценностных ориентаций в семейной сфере;

– анализом социологических исследований Комитета по делам молодежи мэрии г. о. Тольятти, проведенных с участием автора: «Молодежь Тольятти: сегодня и завтра» — 1995 г.,  $N = 600$ , 102 эксперта; 2000 г.,  $N = 600$ , 102 эксперта; 2002 г.,  $N = 600$ , 100 экспертов; «Город молодых» — 2007 г.,  $N = 670$ , 100 экспертов;

– проведением собственных социологических исследований среди молодежи 14–35 лет:

– «Молодежь в современном обществе» — 2002 г.; г. о. Тольятти;  $N = 1000$  человек 14–30 лет (анкетирование);

– «Жизненные сценарии раннего материнства» — 2007 г.; г. о. Тольятти; методы: экспресс-опрос жителей —  $N = 100$ , глубинное интервью с несовершеннолетними беременными и матерями до 18 лет (автобиография и интервью/беседа) —  $N = 10$ ;

– «Правовая социализация в семейной сфере: гендерные аспекты» — 2008 г.; г. о. Тольятти;  $N = 102$  студента УРАО очно-заочной формы обучения юридического факультета;

– «Место и роль молодежи в современном обществе» — 2009 г.; г. о. Ульяновск, г. о. Тольятти, сельские поселения Приволжского федерального округа (Ульяновской области, Самарской области);  $N = 3000$  человек 14–30 лет, сегментированных на подгруппы по критерию гендерной принадлежности, возраста, территории проживания, занятости;

– «Отношения молодежи к брачности, сексуальности, прокреации и ценностям семейной жизни» — 2016 г.; Самарская область и Республика Татарстан;  $N = 484$  человека 14–30 лет (анкетирование);

– «Молодежь Оренбургской области» — 2018 г.; Оренбургская область;  $N = 420$  человек 18–35 лет (анкетирование).

Представленный материал может быть интересен исследователям проблем молодежи, преподавателям, аспирантам, студентам, изучающим и работающим с данной категорией населения, а также всем, кто интересуется современной молодежью, ее проблемами, ценностями, жизненными установками.

## Глава 1

### Социальная динамика семейных ценностей российской молодежи

#### 1.1. Молодежь в условиях социокультурных изменений

Современные социальные изменения — одна из основных проблем в гуманитарном познании. Для ее изучения используются различные методологические подходы. Эволюционные теории социальных изменений развивались О. Контом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом и другими социологами. Согласно эволюционизму общество проходит в своем развитии определенные стадии, прогрессируя от простых форм к более сложным и дифференцированным. Подобным же образом и структурный функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон) рассматривает социальные изменения как эволюционный процесс адаптации системы к окружающей среде на основе дифференциации и увеличения структурной сложности. Противоположный подход к социальным изменениям был развит К. Марксом, который подчеркивал значение классовых противоречий и классовой борьбы, порождаемых противоречием производительных сил и производственных отношений. Согласно марксизму развитие общества происходит путем революционного перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Социальная революция — это коренной, качественный переворот во всей структуре общества. Такой переворот невозможен без политической революции — завоевания государственной власти прогрессивным классом, способным осуществить революционные преобразования всего общества. Теории индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл, О. Тоффлер и др.), исходящие из методологических установок технологического детерминизма, решающую роль в социальных изменениях отводят технологическим изменениям, которые происходят в ходе технологических революций (неолитическая революция, промышленная революция

XVIII–XIX вв., научно-техническая революция 50–60-гг. XX в., информационно-компьютерная революция конца XX в.). На этом основании выделяют три стадии исторического процесса — доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную.

Так, многие зарубежные исследователи рассматривают период изменений в обществе, начиная с первых десятилетий XX в. Как отмечает А. Турен, в начале XX в. на смену власти денег пришла власть государства. Сложились самые различные (удачные или неудачные) формы государства, которые можно определить как волонтаристские или мобилизованные (*mobilizing*). Начиная с 60–70-х гг. XX в. мировое общество входит в фазу, характеризующуюся главным образом сокращением числа таких волонтаристских и мобилизованных государств. Столетие назад власти капитала был брошен вызов, политические и социальные силы были на подъеме, сегодня ситуация противоположная.

По мнению А. Турена, основное отличие ситуаций конца XIX и конца XX столетий заключается в том, что речь идет о культурных, а не о социальных изменениях. В конце XIX в. акторы, протесты, проблемы и их решения носили социальный характер. Проблемы были связаны с работой, производством, производственными отношениями, социальными классами, социальными правами, правом на труд и т. д. Сегодняшние проблемы больше касаются целей коллективной деятельности, чем ее средств, и потому затрагивают вопросы культуры и личности. Как заметил Декарт, человек должен быть преобразователем или хозяином природы, однако сейчас воздействие направлено на культуру, личность, индивидуальность, тело и разум человеческих существ и влияет тем самым на ценности и нормы, а не только на технику и оборудование.

Трансформация — процесс, «охватывающий все сферы жизни общества и выраженный в преобразованиях способа деятельности человека (культуры), форм отношений между людьми в ходе их деятельности (социальности)»<sup>1</sup>. Социокультурная трансформация как особый

---

<sup>1</sup> Лапин Н. И. Пути России: социокультурная трансформация. М. : Институт философии РАН, 2000. С. 38–40.

вид социальных изменений отражает комплексные преобразования общества, сочетающие различные способы воздействия от целенаправленного регулирования до спонтанности саморегуляционных процессов. Комплексным этот процесс становится в силу направленности на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт общества, когда, по определению П. Штомпки, «помимо количественных наблюдаются качественные изменения», такие как: 1) «изменение структуры, сопровождаемое существенной модификацией всей сети взаимосвязей ее элементов в социальной системе или социально-культурном поле» и 2) «изменение функций с важной модификацией в действиях системы»<sup>1</sup>. Качественное изменение всего комплекса системных характеристик общества обуславливает состояние социальной неопределенности. Оно определяется самим процессом общественного воспроизводства, сопровождающимся отрицанием уходящего этапа развития общества, когда старые механизмы утрачивают свою эффективность, и утверждением наступающего этапа, на котором социально-экономические механизмы еще только оформляются.

Поэтому детерминантами неопределенности в таких обществах выступают характерные черты трансформации: вторжение в системообразующие элементы общественной системы, в ее социальную природу; радикальность и относительная быстрота изменений; отсутствие отчетливо поступательной, а главное, положительной направленности изменений; длительность и глубина аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых; принципиальная зависимость хода и результатов процесса от субъективных факторов, которые по значимости практически равны объективным (или, скажем так, объективируются в самом процессе), в том числе от поведения правящей верхушки и групп влияния; слабая управляемость и предсказуемость процесса; существенная доля стихийных элементов развития и непредрежденность его итогов<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-пресс, 1996. С. 39.

<sup>2</sup> См.: Заславская Т. И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. № 3. С. 133 ; Локосов В. В. Российское общество: трансформация целей, интересов, ценностей. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 42–43.

Неопределенность в переходном периоде трансформации обществ неизбежно приводит к социальной нестабильности. Если основной характеристикой социальной стабильности признана «непрерывность существования социальной и культурной модели внутри общности или общества в целом без внезапных и резких изменений в каждом из главных сегментов этих моделей»<sup>1</sup>, то нестабильное общество лишено непрерывности, переживает различные переломы, колебания, периодические всплески и подъемы. Подобные переломы свидетельствуют о кризисном состоянии общества.

С точки зрения общей теории институциональных трансформаций на рубеже XX и XXI столетий Россия переживает великую трансформацию, как это происходило с западной цивилизацией со второй половины XIX до первой половины XX в., поскольку изменения осуществляется одновременно по трем осям:

- по формационной оси — наемная модель трудовых отношений трансформируется в договорную (контрактную), а зрелая формация заменяется интегральной;

- по институциональной оси — новый институциональный цикл на основе институциональной матрицы сочетает доминирующие раздаточные отношения с рыночными механизмами;

- по оси государственности — происходит переход от монархического принципа построения государства к демократическому, т. е. осуществляется преодоление сакральности власти и формируется механизм равноправного диалога в обществе<sup>2</sup>.

Специфика российского общества, кроме прочего, состоит в том, что процесс глобализации накладывается на противоречивый процесс трансформации, сопровождающийся углублением социального неравенства (по всем показателям) и маргинализацией значительной части населения<sup>3</sup>; массированным нарушением социального

---

<sup>1</sup> Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. академик РАН Г. В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. С. 339.

<sup>2</sup> См.: Бессонова О. Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 21, 22.

<sup>3</sup> См.: Голенкова З. Т. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 83.

регулирования в результате недостаточной моральной и социальной интеграции<sup>1</sup>; наложением на специфические проблемы, естественным образом присущие молодежной общности, проблем системного характера общества «переходного периода»<sup>2</sup>. Молодежь попала под двойное воздействие и общих, и особенных негативных факторов, и условий, детерминирующих ее функционирование в переходном обществе, или «обществе риска»<sup>3</sup>.

Трансформационные процессы, набравшие силу в начале 1990-х гг., движимые новыми идейными представлениями об общественном устройстве, обусловили глубинные изменения во всей системе общественных отношений, в положении различных категорий молодежи, их роли и месте в обществе. Как формирующийся субъект общественных отношений молодежь включалась в меняющееся общество, оказываясь на стыке противоречий, встречаясь с множеством социальных проблем на пути ее интеграции в общество. В фокусе внимания современной социологии молодежи находится, с одной стороны, изучение ее характеристик как субъекта общественных отношений с учетом глубинных процессов общественной трансформации в их взаимосвязи и взаимообусловленности; с другой — собственный жизненный мир молодежи как индивидуальная и групповая конструкция. Эти два взгляда на молодежь — через призму макросоциальных изменений и микропроцессов, протекающих в среде молодежи, реализованы в современных подходах, теоретических концепциях и эмпирических исследованиях.

Изучение влияния общественных процессов на развитие молодежи в условиях неопределенности и риска осуществляется в рамках рискологической парадигмы, основанной на концептуализации молодости как периода неопределенности, рассмотрении этих состояний в качестве специфических сущностных свойств молодежи<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Деболт Дж. У. Причины и следствия неудач модернизации в России. Социокультурный анализ // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 26.

<sup>2</sup> См.: Ховрин А. Ю. Решение демографической проблемы: социальное партнерство молодежи, власти, общества // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 144.

<sup>3</sup> См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2003.

<sup>4</sup> См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты ; под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, В. В. Локосова. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 84–107.

Исходным для данного подхода является понимание риска как явления, характеризующего условия жизнедеятельности, а также саму деятельность в ситуации перехода от неопределенности к определенности и наоборот.

В условиях нестабильности риск приобретает тотальный, перманентный характер, а само общество превращалось в общество риска. Исходя из параметров данного подхода, общество риска — специфический способ организации социальных связей, взаимодействий и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств (условий жизни), физических и духовных сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь воспроизводством самого риска. Такое определение позволяло рассматривать общество риска как фактор развития молодежи.

Коллективная монография В. Чупрова, Ю. Зубок и К. Уильямса «Молодежь в обществе риска» посвящена становлению молодого поколения в переходный период (в ее основу легли результаты нескольких проектов, в ходе которых анализировались особенности «социального облика» молодых поколений России и Запада). Новым является рассмотрение внутр поколенческих конфликтов, вызванных множественностью социальных дифференциаций и растущим неравенством стартовых позиций молодежи. Работу отличает то, что статусная и культурная проблематизация всей российской молодежи дополняется проблематизацией всего общества, связанной с рисками, имманентно присущими современному миру. Особенность авторского подхода заключается в адаптации к российским условиям современной концепции социальной транзисии молодежи: «В процессе транзисии, на пути достижения социальной зрелости молодые люди неизбежно вынуждены вступать в конфликт с обществом... этот конфликт может стать источником развития молодежи, а может превратиться в фактор социального исключения (дискриминации, отчуждения, маргинализации)»<sup>1</sup>. Далее авторы говорят о том, что сама молодежь не готова к выполнению своей «функции», к предписывае-

---

<sup>1</sup> Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. С. 9.

тому ей по умолчанию «новаторству»: «...Важный вопрос... касается способности современного молодого поколения к социальному новаторству, готовности быть не только объектом... успешных интеграционных стратегий, но и субъектом, ускоряющим или замедляющим интеграцию общества, либо изменяющим направленность этого процесса... Деформируется роль и место молодежи... Она отчуждается от своей основной социальной функции, а вслед за этим и от общества. Молодежь теряет отличительный, группообразующий признак, превращаясь из особой социальной в обычную демографическую группу»<sup>1</sup>. Статусная и культурная проблематизация молодежи, дополненные политико-идеологической, приводят, с точки зрения авторов, в целом к кризису молодежной идентичности, следствием чего могут быть либо идентификационный мораторий (постоянство неустойчивой идентичности), либо формирование делинквентной идентичности молодежи. Констатируется полная и окончательная проблематизация российской молодежи, как результирующая все типы конфликтов: молодежи со взрослыми, молодежи с обществом, молодежных групп между собой внутри одного поколения (глобализация конфликтов → расширение зоны риска → маргинализация → социальная дискриминация → отчуждение российской молодежи).

В трудах Ю. А. Зубок разработаны теоретические основы социологического изучения риска в молодежной среде, выявлены противоречия социального развития молодежи, возникающие под влиянием объективной составляющей — риска как условия жизнедеятельности и субъективной — как источника социальной динамики и развития самой молодежи. Анализируя накапливающиеся социальные противоречия как следствие неразрешенных ситуаций риска<sup>2</sup>, Т. В. Черкасова раскрыла механизмы их перерастания в специфически молодежные конфликты, которые в условиях неопределенности статусов, отсутствия общности интересов и внутригрупповой дезинтеграции

---

<sup>1</sup> Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. С. 72.

<sup>2</sup> См.: Зубок Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003; Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

отличаются латентностью<sup>1</sup>. На основании анализа факторов неопределенности в молодежной среде Т. И. Яковук разработаны теоретические подходы к социокультурной регуляции духовной жизни молодежи<sup>2</sup>.

Тема интеграции молодежи в условиях общественных трансформаций анализируется А. Запесоцким в работе «Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции». Стержнем молодежной идентичности, по мнению автора, является диалектика индивидуализации и интеграции в процессе взросления. Стремясь преодолеть нормативность и абстрактность социализирующих подходов, автор соединяет парсоновскую структурно функциональную модель и субъектно-стилевые конструкты. Ключевое понятие — «сфера жизнедеятельности» позволяет, с его точки зрения, охарактеризовать институциональные условия личностного развития, или «модусы жизнедеятельности, где молодой человек расходует свои базовые ресурсы: время и энергию»<sup>3</sup>.

Опираясь на собственное исследование, проведенное в пяти регионах России, и изучение эмпирических материалов других социологов, автор очерчивает проблемное поле молодежного вопроса 90-х годов: социальная и экономическая незащищенность молодежи; отсутствие условий, способствующих продвижению ее интересов, нарушение гарантий социальной занятости и прав на труд и образование; недостаточная востребованность самодеятельной активности; социальная неадаптированность молодых людей, испытывающих трудности в реализации права на участие в образовательной, культурной и трудовой деятельности; психологическая напряженность и атмосфера страха, порожденные ощущением грядущих социальных, экономических и экологических катастроф. Все эти проблемы резко снижают адаптационные возможности молодежи. К самым актуальным автор относит проблемы духовно-нравственной сферы бытия молодежи:

---

<sup>1</sup> См.: Черкасова Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004.

<sup>2</sup> См.: Яковук Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2006.

<sup>3</sup> Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. СПб.: ИГУП, 1996. С. 29.

отсутствие мировоззренческих основ социально-культурной идентификации; разрушение механизма преемственности поколений вследствие общей дезинтегрированности культуры, размывание ценностных основ и традиционных форм общественной морали; снижение интереса молодежи к отечественной культуре, истории, традициям; падение престижа образования как способа социальной адаптации, культурной преемственности и формы личной самореализации; низкая активность молодежи в решении общенациональных, региональных и местных проблем, доминирование ориентации на потребление. Обобщенный портрет молодежи практически демонизируется, а следующей фразой подписывается приговор всему молодому поколению: «Молодежь погружена в духовно-нравственный хаос...»<sup>1</sup> Идея А. Запесоцкого о реализации молодежью жизненных стратегий очень перспективна, не меньший интерес представляет и предложенная им типология внутрикультурных идентификаций: примитивная, аутсайдерская, парциальная, индокринальная, проективная. Однако стержнем интерпретации всех типов идентификаций остается проблематизация.

Либерализация и ослабление традиционных механизмов институциональной регуляции, отказ от унифицированных образцов формирования молодого поколения посредством целенаправленного воздействия на него методами воспитания и, напротив, усиление спонтанности в освоении молодежью социальной действительности заметно повлияли на изменение механизма социализации молодежи. Это обусловило смену парадигм социализации. Научное обоснование новой трактовки социализации принадлежит А. И. Ковалевой и ее ученикам (Т. Жулковской, М. Н. Реут, М. И. Очковскому, А. С. Свиридовой и др.). Ключевым понятием в ней выступают множественные социализационные траектории, представляющие собой интегральный показатель характера социализации, отражающий ее объективную и субъективную стороны, определяющий характеристики направленности и результативности.

---

<sup>1</sup> Запесоцкий А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. С. 34.

На стыке макро- и микроподходов, в известной мере объединяя эти две исследовательских позиции и приближая социологов к пониманию особенностей социальной субъектности молодежи в процессе группового освоения ею пространства «взрослого мира», разрабатывается концепция социального конструирования реальности. Она явилась результатом многолетних разработок В. А. Лукова<sup>1</sup> и его учеников (Д. Л. Агранат, В. В. Воробьев, Я. В. Миневич, Ю. Е. Надточий и др.). Она строится на принципах взаимосвязи объектно-субъектных характеристик молодежи и окружающей ее социальной реальности. Важнейшей ее составляющей, определяющей групповую специфику молодежи и сам процесс конструирования ею социальной реальности, являются распространенные в ее среде тезаурусы, представляющие собой ценностно-нормативные и мотивационно-ориентационные комплексы, в которых установки и ценности образуют ряд, ранжированный не от общего к частному, а от «своего» к «чужому». Состав информации (знаний) и установок в той или иной области жизнедеятельности обеспечивает субъективную аргументацию и жизненные ориентиры молодого человека в окружающей среде, выступая основой конструирования. Не только молодежь конструируется, но и сама молодежь конструирует проживаемую ей реальность во всем ее культурном многообразии, формируя в процессе этого конструирования собственную идентичность.

Авторы коллективной монографии «Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации» (2000), построенной на материалах масштабного исследования, исходят из того, что динамичное изменение массового сознания является неизбежным компонентом трансформирующихся обществ, и в российской ситуации основной вектор этих изменений направлен в сторону рыночных норм и принципов организации жизнедеятельности личности и социальных групп. Более или менее гармоничная переориентация сознания молодежи на традиционные рыночные нормы становится условием их эффективной жизнедеятельности. К традиционным рыночным нормам поведения отно-

---

<sup>1</sup> См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

сятся такие социально закреплённые стандарты, как индивидуальная экономическая свобода и ответственность, самостоятельность, предприимчивость, способность к риску, признание неравенства и конкуренции как нормы<sup>1</sup>. Большинство из опрошенной молодежи продемонстрировало позитивное отношение к новому типу общественного устройства, но отметило при этом, что общество, по их мнению, идет к рынку неправильно. Вместе с тем молодежь не склонна драматизировать трудности, переживаемые страной, и, не желая быть пассивным наблюдателем, активно участвует в преобразовательном процессе<sup>2</sup>. Существенно меняется отношение к образованию, которое все больше становится фактором повышения общей и профессиональной культуры, способом развития новых цивилизованных образцов трудовой деятельности в условиях современного рынка.

Очевидно, что концепция этих авторов о месте и роли молодежи в трансформирующейся России отличается последовательной позитивностью, дифференцированным подходом к анализу новых молодежных реальностей, далеким от панических диагнозов патологизации всего молодого поколения. Свершившимися фактами стали индивидуализация общественной жизни, рост социальной мобильности, существенное изменение роли денег, однако наблюдается и мощная «откатная волна», связанная с необходимостью использовать тактики выживания, связанные с минимизацией потребностей. В этом случае в центре ценностного мира также оказываются «простые понятия» — здоровье, семья, материальное благополучие, однако исключительно адаптационного, нерыночного характера. Перевод значительной части российских семей в режим выживания усилил традиционалистские тенденции в нашем обществе, большинство описанных авторами противоречий молодежного сознания являются «противоречиями между субъективной ориентацией на модернистские ценности и подспудной готовностью бездумно, по инерции следовать традиционным поведенческим схемам...»<sup>3</sup>

---

<sup>1</sup> См.: Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. М. : Изд-во МГУ, 2000. С. 55.

<sup>2</sup> См.: Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. С. 73–81.

<sup>3</sup> Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. С. 222.

Оценка и переоценка окружающего мира порождают новые смыслы и значения, которыми ограждается как символическое, так и реальное социокультурное пространство молодежи, наполняется повседневность бытия молодых людей. Исследование разнообразных социальных практик как следствия различных значений и смыслов, значимых индивидуальных и групповых стратегий осуществляется в рамках концепции повседневности (Е. Л. Омельченко, Е. Лукьянова и др.)<sup>1</sup>. Выделяя в качестве предмета исследования повседневные практики труда, досуга, потребления, формирующиеся вне взрослого контроля, данный подход является логическим продолжением концепции конструирования реальности молодежью в аспекте конкретизации субъектности этой группы. Ставя в центр внимания изучение молодежной повседневности в контексте жизненно-стилевых стратегий, она исходит из наличия множественности современных стилей жизни и формирования индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

Данные подходы способствуют предметному изучению интересов молодежи, стратегий приспособления и выживания в рамках динамичных изменений, индивидуальных способов решения социальных проблем.

Проблема нового качества пространства социальной реальности — индивидуализация в обществе.

Ф. Фукуяма в книге «Конец истории и последний человек» (1992) выражал убеждение, что человек — не винтик социальных отношений, ибо автономен и выше социальных детерминант; не общество проникает в личность, а личность проникает в общество, происходит персонизация общества. Либеральную модель Фукуяма дополнил в книге «Доверие. Социальные добродетели и процвета-

---

<sup>1</sup> См.: Омельченко Е. Л. «Жертвы» и/или «насилыники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов // Другое поле. Социологические практики / под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Перфильева. Ульяновск : Изд-во Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000. С. 238–255 ; Омельченко Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв. : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2005 ; Омельченко Е. Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск : Симбирская книга, 2004; Поколения.net: хроники событий / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск : Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2007.

ние» (1995) идеями «коммунитарного капитализма», основанными на межличностных связях, предотвращающих атомизацию индивидов. В работе 1999 г. «Великое потрясение» в центре внимания Фукуямы вновь автономный индивид и индивидуация в обществе. Человек не «винтик» социальной системы, она сама — «винтики». Разрушены традиционные брак, работа, место жительства, ассоциации, ценности, социальный капитал. Фукуяма видит выход в добровольной социализации личности и добровольной «персонализации» социума<sup>1</sup>.

Теория структуризации Э. Гидденса противостоит безвольному парсонсовскому «актору», аргументация в защиту «агента» близка идеям западноевропейских марксистов 1970-х гг.: человек может быть субъектом, он всегда волен поступать иначе или не действовать вообще. У Гидденса *agency* — агентность, заменившая парсонсовское *action* — действие, — не ряд дискретных актов, соединяемых вместе, а непрерывный поток поведения, «поток реальных или планируемых вмешательств телесных существ в постоянный процесс события-в-мире». «Агентность» — осознанный, целенаправленный процесс, сопровождаемый «мониторингом» субъекта действия своего поведения, ситуации и т. д. «Жизнь в веке информационном требует... большего объема социальной рефлексивности... Нам постоянно приходится думать или размышлять об обстоятельствах, в которых мы проводим жизнь»<sup>2</sup>, — подчеркивает Гидденс.

Поиски идентичности, особенности, отличия и тождества занимают все больше места в самосознании (самоидентификации). Стремясь уйти от прежних социальных фреймов (и структур социальной организации), индивид, познав воздействия и превращения глобального мира, устремлен в сферы личностной идентичности. В пространстве личностных и групповых коммуникаций он пытается управлять презентациями себя в реальной и виртуальной средах, ищет и создает себе эрац-сообщества<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Мальковская И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 22; Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. / под общ. ред. А. В. Александровой. М.: АСТ; Ермак, 2004.

<sup>2</sup> Гидденс Э. Социология: учебник. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 585.

<sup>3</sup> См.: Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепции общности (*Gemeinschaft/ community*) в виртуальном пространстве // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 3–11.

На практике мыслящий человек (субъект или агент) способен оценивать преподносимую ему виртуальную реальность, различать разумное и неприемлемое. Субъект (в отличие от актора) наделен сознанием и волей, множеством самопроявлений, способен к творческой деятельности и взаимным отношениям. Бразильской социолог Б. Лаир полагает, что можно говорить о двух полюсах в современной теории: исключительности актора и его внутренней фрагментации<sup>1</sup>. Множественные «Я» и роли актора инкорпорированы им в практики социального конструирования (П. Бурдьё) и самоконструирования (И. Гофман). Этот конструктивизм построен на убеждении, что человек волен, свободен в выборе.

Процесс субъективации проблематичен в разновременных культурных и социальных пространствах.

Отказ государства от патерналистской опеки населения настоятельно требует формирования у людей, особенно молодых, входящих в жизнь, установки на активное самоопределение, самостоятельный выбор своего жизненного пути, т. е. индивидуализма. В стабильных обществах индивидуализация жизни имеет несколько другие социальные корни.

Индивидуализацию современного общества У. Бек связывает с тем, что на фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий люди освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье и начинают «...в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями»<sup>2</sup>. Возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни.

Процесс индивидуализации является важным моментом взаимоотношения современного человека с обществом, он означает, по мнению У. Бека, то, что биография людей высвобождается из заданных

<sup>1</sup> См.: Lahire B. *Humem plural: os determinantes de acao*. Petropolis, RJ : Vozes, 2002.

<sup>2</sup> Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. С. 106.

привязок и открыто включается в поведение отдельного индивида как задача, зависящая от его решений. Доли принципиальных жизненных возможностей, закрытых для решения, уменьшаются, а доли открытой для решения, самостоятельно создаваемой биографии увеличиваются. Индивидуализация жизненных ситуаций и процессов означает: биографии становятся «авторerefлексивными», социально заданная биография трансформируется в самостоятельно создаваемую, «решения о специальном образовании, профессии, рабочем месте, местожительстве, супруге, количестве детей и т. д. вкуне со всеми решениями подчинительного порядка не только могут приниматься, но и должны приниматься индивидом самостоятельно».

Даже там, где нет ни осознания, ни альтернатив, индивиду придется «расхлебывать» последствия принятых им решений «...посредством институциональных и жизненно-исторических заданностей, возникает как бы биографический «конструктор», блоки которого допускают множество вариантов сборки»<sup>1</sup>.

В индивидуальном обществе индивид должен научиться рассматривать себя как активный центр, как плановое бюро, рассчитанное на собственную биографию, способности ориентации и т. д. В условиях создаваемой биографии общество надо рассматривать как величину «переменную». То есть требуется активная поведенческая модель повседневности, которая, будучи сосредоточена вокруг «я», представляет и открывает ему шансы для действий и, таким образом, позволяет рационально приложить возникающие возможности формирования и решения к собственной биографии «...ради собственного выживания необходимо... выработать эгоцентристское мировоззрение, которое переворачивает соотношение “я — общество” с ног на голову, приспособлявая его к задачам формирования индивидуальной биографии».

В историческом процессе, таким образом, можно проследить тенденцию нарастания личной ответственности за свою жизнь. В традиционном обществе случившееся с индивидами воспринималось как удар судьбы, посланный Богом или природой (война, стихия, смерть

---

<sup>1</sup> Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. С. 199.

супруга), т. е. силами потусторонними, не поддающимися никакому влиянию. У них можно было только просить определенных благ или снисхождения. В классовом индустриальном обществе человек мог чувствовать себя жертвой социальной несправедливости, членом угнетаемого класса, что, конечно, объясняло и извиняло его жизненные трудности, но все же крепло убеждение, что с таким положением вещей можно и нужно бороться (революции, забастовки, профсоюзные движения и т. п.). В современном обществе все жизненные неприятности человека (от провала на экзамене до безработицы или развода) расцениваются как «личный сбой», за который только он несет ответственность. Это, с одной стороны, способствует раскрытию творческого потенциала индивида, реализации его личностных способностей, с другой — провоцирует чувства тревожности, напряженности, одиночества, постоянного страха жизненной неудачи.

Современный человек оказывается перед огромным выбором различных жизненных форм, альтернативных возможностей самореализации. Ценностный и нормативный плюрализм и общественное богатство являются необходимым условием возрастания свободы выбора индивида и многообразия предлагающих себя на выбор жизненных стратегий.

## **1.2. Семейно-брачные приоритеты молодых мужчин и молодых женщин**

Семья как социальная категория создается и переопределяется историческими обстоятельствами, культурой общества. Социокультурные условия оказывают влияние на семейно-брачные отношения, определяя их характер и углубляя внутрисемейные и общественно-государственные противоречия. Семейно-брачные отношения изменяются и развиваются в соответствии с динамикой развития общества, оставаясь при этом наиболее устойчивым и консервативным его элементом, что дает возможность моделирования их на основе исторической, культурной социальной оправданности. Отмечаемые

исследователями содержательные изменения этой категории отражают специфику жизненных условий современной цивилизации. В фокусе комплексного изучения семья предстает не просто одним из звеньев жизнеобеспечения общества, элементом сохранения социального порядка, но и симптоматическим образом нового жизненного уклада.

Наблюдаются эпохальные перемены в гендерном сознании, вызванные радикальным переопределением сексуальной, правовой, образовательной сфер. Вместе с тем не менее очевидна устойчивая инерция в поведении и положении мужчин и женщин на рынке труда и в социальном статусе и материальном обеспечении. Это столкновение, по мнению известного социального ученого Ульриха Бека, приводит к парадоксу обостряющегося неравенства на фоне расширяющегося равенства: «Мы... стоим лишь на пороге высвобождения из «сословных» канонов пола. Сознание опередило обстоятельства... Многое говорит о том, что конфликт будет долгим: противостояние полов определит грядущие годы»<sup>1</sup>.

Содержательные установки сознания опираются прежде всего на стандарты общества потребления. Обиход рационального и вместе с тем комфортного времяпрепровождения — вот что в идеале ассоциируется с понятием современной семьи и что пронизывает, казалось бы, рутинную практику домоводства. Конечно, семейные заботы, связанные прежде всего с воспитанием и образованием детей, морально-психологической поддержкой и защитой от внешних невзгод членов семьи, помощью пожилым и немощным близким родственникам, сохраняются в полной мере. Однако решения житейских проблем находят все чаще неожиданные выражения (например, отказ от больного ребенка, «смена» брачного партнера при первых трудностях или карьерном неуспехе, переселение старых родителей в дома для престарелых и пр.). Люди ищут необременительных, легких рецептов избавления от невыгодных обстоятельств. И хотя семья, по данным множества социологических опросов, воспринимается по-прежнему как оплот жизненной устойчивости, надежности и зрелости че-

---

<sup>1</sup> Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. С. 148.

ловеческого существования, она все меньше сопрягается с бременем ответственности, жертвенности, с мирским самостоянием и опорой на ближних. Верх в общественном представлении о семье берут требование личной независимости, автономности, устремленность к собственным достижениям, обретение территории индивидуальных предпочтений и пристрастий.

Э. Гидденс высказывает точку зрения, согласно которой «современные изменения представляют собой не что иное, как утверждение “чувственного индивидуализма” в качестве руководящего принципа семейно-брачных отношений. Можно с достаточным основанием утверждать, что возросший уровень разводов свидетельствует не о глубоком разочаровании в семейно-брачных отношениях как таковых, а о возросшей решимости людей сделать их более плодотворными и взаимно удовлетворительными. На фоне беспрецедентного роста уровня разводов это подтверждается не менее высоким уровнем повторных браков: подавляющее большинство разведенных вступает в новый брак. Вместе с тем не следует, наверное, однозначно рассматривать это явление как доказательство того, что семья для большинства людей современного общества представляет собой незаменимый источник эмоционального удовлетворения. Реальность гораздо сложнее...»<sup>1</sup>

Принципиально те же тенденции подмечены и немецким социологом Ульрихом Бекон: «... Если в 50-е и 60-е годы на вопрос “Какую цель Вы преследуете в жизни?” люди четко и ясно отвечали в категориях “счастливой семейной жизни”: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, то к началу 90-х годов многие заговорили на другом языке — по необходимости неопределенном — о “самоосуществлении”, “поисках идентичности”, “развитии личных способностей”<sup>2</sup>.

Одна из главных причин происходящего — феминизация труда, интенсивно растущая в секторе женской занятости. Разветвленная и многомерная образовательная сеть существенно облегчила доступ

---

<sup>1</sup> Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 139.

<sup>2</sup> Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. С. 143.

женщин к получению образования, а мощное развитие индустрии услуг и развлечений, расширение сервисной сферы труда, внедрение новых электронных технологий и не в последнюю очередь техническое облегчение быта умножили их возможности профессиональной самореализации.

Общий коммерческо-потребительский строй общественных отношений влияет на условия и принципы жизненного самоопределения молодого поколения, ориентирующегося на более гибкие, подвижные формы общения. В современных исследованиях четко прослеживается тенденция изменения структурно-функционального облика семьи, обозначенная еще в 1916 г. П. Сорокиным: «Семья переживает острый перелом, старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают, уступают место иным формам, известным пока в общих чертах»<sup>1</sup>. Сегодня этот процесс приобретает более явные очертания. Вариативность, плюрализм типов семей отражают повсеместно происходящий процесс размывания стандартной системы ее структуры, семейно-брачных поведенческих норм, содержания семейных ролей. Процесс трансформации затронул все сферы жизнедеятельности семьи, инициировав возникновение множества новых моделей, каждая из которых, как пишет Л. В. Карцева, «удовлетворяет потребности определенной части общества и, следовательно, имеет право на жизнь»<sup>2</sup>.

Существуют две противоположные точки зрения на трансформацию семьи. Коротко их можно охарактеризовать так: модернизация семьи и кризис семьи.

Согласно первому подходу трансформация семьи осуществляется в рамках процесса модернизации, закономерного и объективно обусловленного процесса смены традиционного типа семьи современным. Если советский гендерный порядок определяется исследователями как этакратический с гегемонической позицией государства

---

<sup>1</sup> Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал. 1916. № 2. С. 174.

<sup>2</sup> Карцева Л. В. Семья и брак как предмет исследования социологии // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 96.

при формировании и обеспечении гендерных образцов, то современный гендерный порядок во многих работах называется неотрадиционалистским<sup>1</sup>.

Сторонники теории модернизации семьи отмечают такие позитивные перемены, как переход от патриархальной семьи с господством мужчины, экономической зависимостью женщины к современной семье — с эгалитарными отношениями, партнерскими между мужчиной и женщиной. Ими подчеркивается также важность перехода от нерегулируемой рождаемости к планированию семьи. Эта научная позиция основана на принципе приоритета интересов индивида над интересами семьи и государства.

Другой подход предполагает, что происходящие изменения в семье являются частным выражением глобального мирового кризиса социального института семьи. Этот кризис, в свою очередь, является результатом становления индустриально-рыночной цивилизации. Сторонники данной точки зрения весьма негативно оценивают утрату семьей ее основных функций, разрушение социокультурных норм многодетности и семейного образа жизни.

Исследователи, изучающие процесс трансформации института семьи и брака в обществе<sup>2</sup>, зафиксировали следующие тенденции: снижение брачности, увеличение количества нерегистрируемых браков, увеличение внебрачных рождений, кризис прежних семейных ценностей; разделение институтов брака, семьи, родительства, родства; снижение уровня социальной защищенности семей и рост численности малоимущих семей, обострение проблемы насилия; возникнове-

---

<sup>1</sup> См.: Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М. : Едиториал УРСС, 2003 ; Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. С. 141–146, 192–193.

<sup>2</sup> См.: Бурова С. Н., Демидова А. В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг.) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 97–103 ; Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118; Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). М. : Едиториал УРСС, 1998 ; Население России 2003–2004. Одиннадцатый — двенадцатый демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М. : Наука, 2006.

ние новых типов семьи; изменение групповых характеристик семьи, связанных с размыванием стандартной системы семейно-брачных поведенческих норм, содержанием традиционных семейных ролей и внутрисемейных отношений.

Все эти трудности, противоречия, конфликты выходят далеко за пределы частной жизни, семейной биографии отдельных людей. Они в конечном счете меняют мир повседневности и тип личности. Семья определяет основные нормы поведения индивида в зависимости от пола и формирует ценности, связанные с организацией приватной жизни человека в рамках континуума фемининности — маскулинности. В связи с этим она является одним из наиболее важных и активных агентов социального конструирования гендера в молодежной среде. Жизненное самоопределение юношей и девушек в семейной сфере осуществляется на фоне патриархального характера современного гендерного пространства.

Семья — структурный компонент социальной сферы, специфика которой состоит в реализации человеческих потребностей на основе культурно-символической коммуникации. Это своего рода сеть зависимостей, ритуалов, ожиданий, обязательств, норм и требований, считает П. Штомпка<sup>1</sup>. То, насколько успешно семья будет соответствовать вышеуказанной идеальной модели, зависит прежде всего от первых лет ее жизни, от конструирования и воспроизводства социокультурных отношений «молодой» семьи. Изменения жизненных условий ведут к тому, что механизм воспроизводства ценностной ориентации перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам, что особенно актуально для молодой семьи, вынужденной максимально полно интегрироваться в социальные процессы. В свою очередь, изучение динамики семейных ценностей дает возможность выявить степень адаптации семьи как общности и института к новым социокультурным условиям.

---

<sup>1</sup> См.: Штомпка П. Социология социальных изменений ; Адресная социальная поддержка молодой семьи в Российской Федерации (региональный аспект) : монография / под ред. Т. Н. Кузнецовой, В. Т. Посохова. Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2006. С. 6.

Молодой семьей исследователи Российской Федерации считают семью первых трех лет после заключения брака с детьми или без детей при условии, что один из супругов не достиг тридцатилетнего возраста.

Авторы коллективной монографии «Адресная социальная поддержка молодой семьи в РФ (региональный аспект)», обобщая результаты своего социологического исследования студенческой семьи (64 студенческие семьи Белгородского государственного университета и 44 эксперта из числа сотрудников БГУ) и изучая современные формы семейной организации, особое внимание обращают на признаки внешней неуспешности молодых семей<sup>1</sup>. Согласно распространенной классификации в рамках метатеории выделяются четыре группы причин уязвимости:

- структуральные (ответственность возлагается на несовершенные экономические, социальные и политические системы);
- фаталистические (причина видится в отсутствии удачи: стечение обстоятельств, болезни, малые способности);
- индивидуалистические или личностные (ответственность за неудачи возлагается на черты и поведение личности);
- культурные (ответственность за социальное неблагополучие приписывается особенностям культурно-религиозных стереотипов).

Культурологически социальная уязвимость объясняется наличием субкультуры неуспешности, которая перманентно воспроизводит экономическую недостаточность из поколения в поколение.

К факторам дестабилизации семейного образа жизни относятся прежде всего затраты времени на улучшение своего материального положения, работа в нескольких местах, из-за которой семье уделяется минимум времени. В связи с этим появляется: дефицит общения в семье; бессистемность воспитательных воздействий молодых родителей, ошибки воспитания; воспитание детей лицами, заменяющими родителей (довольно частое явление в студенческих семьях); отсутствие социально-психологического взаимопонимания между супру-

---

<sup>1</sup> См.: Адресная социальная поддержка молодой семьи в Российской Федерации (региональный аспект).

гами<sup>1</sup>. Помимо названных, существует множество проблем, порождаемых социальными факторами. К примеру, немаловажную роль играет и отсутствие у членов молодых семей доступа к различным видам культурного досуга в силу недостатка материальных средств, свободного времени и других причин. Доступными формами проведения досуга для этих семей являются просмотр телевизора, чтение, домашние заботы, а также общение с друзьями.

Оценка своего материального положения студенческими семьями показала, что 68,75% из них удовлетворены им и оценивают его как среднее («денег хватает на повседневную жизнь»); 15,63% респондентов оценивают свое материальное положение как «выше среднего» («мы можем позволить себе покупку дорогих вещей»); 9,38% испытывают серьезные затруднения в материальном отношении («денег хватает только на продукты»); 3,13% оценивают материальный уровень семьи как крайне низкий («мы едва сводим концы с концами») и столько же — 3,13% — как высокий («денег хватает на все»).

Удовлетворенность жизнью оценивалась студенческими семьями в непосредственной связи с коллективным самоощущением в семье, но не на основании личной удовлетворенности каждого из опрошенных. За последние пять лет 32,81% семей оценили уровень жизни как высокий, 45,31% — выше среднего, 7,81% — ниже среднего. Таким образом, очевидны оптимистические установки студенческих семей в оценке собственной актуальной жизненной ситуации и динамики жизни за последнее время<sup>2</sup>.

На вопрос: «Что необходимо сделать лично вам для решения жизненных проблем вашей семьи?» — ответы были следующими: получить хорошее образование — 29,69%; овладеть хорошо оплачиваемой профессией — 25%; добиться поддержки государства — 21,88%; изменить свое отношение к жизни — 7,81%; добиться поддержки родителей — 3,13%; добыть деньги любыми путями — 3,13%<sup>3</sup>. Очевидно, что примерно половина студенческих семей связывают возможности разрешения жизненных сложностей с самостоятельной деятельностью.

<sup>1</sup> См.: Адресная социальная поддержка молодой семьи в Российской Федерации (региональный аспект). С. 30.

<sup>2</sup> Там же. С. 115–116.

<sup>3</sup> Там же. С. 119–120.

Еще в конце 1960-х годов профессор ЛГУ В. Т. Лисовский зафиксировал, скорее неосознанно, начало изменений, происходящих с семьей в нашей стране. Он выяснял «жизненные планы ленинградской молодежи (ЖПМ)», при этом установил в числе прочих «встретить любимого человека»: среди девушек таких оказалось 40,4% из общего числа опрошенных, среди юношей — 38,9% и «создать семью», соответственно 31,4 и 29,7%. Сопоставление двух ориентаций показало, что встретить любимого/любимую и создать семью для одних и тех же респондентов — события не тождественные. Еще рельефнее эти различия выступают при сопоставлении первостепенных (по важности для человека) планов: 72,9% молодых людей (независимо от пола) поставили на первое место «встретить любимого(ую)» и только 38,9% — «создать семью»<sup>1</sup>. Значит, уже в то время юноши и девушки не видели в каждом партнере будущего супруга/супруги, любовные отношения могли привести к заключению брака, но они ценны и сами по себе.

В результате пилотажного обследования, проведенного группой демографов в Тверской области в начале XXI столетия, зафиксирована в молодежных практиках автономия сексуальности от института брака. «Свыше половины участвовавших в обследовании, — отмечают специалисты, — в возрасте до 25 лет полагают, что перед регистрацией первого брака надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства». И далее следует еще более прозрачное указание на возрастную специфику: «Еще либеральнее, по сравнению со взрослыми респондентами, к срокам регистрации брака относятся подростки. Только 13,9% тверских юношей и девушек считают, что регистрация брака должна предшествовать началу супружеских отношений (т. е. говоря точнее: сексуальным взаимоотношениям). Большинство же подростков (61,6%) считает, что перед регистрацией первого брака надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства»<sup>2</sup>. В ходе опроса петербургских студентов (1995 г.) около 70% оправдывали такие от-

---

<sup>1</sup> См.: Лисовский В. Т. Эскиз к портрету. М., 1969. С. 34, 39.

<sup>2</sup> См.: Архангельский В. Н., Антонова О. И., Никитина С. Ю. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 2–16.

ношения, а осуждали менее 5%<sup>1</sup>. Данную тенденцию подтверждают эмпирические исследования, проводившиеся в СССР и в России в 1960–1990-е гг.: четко прослеживается тенденция усиления одобрительного отношения молодежи к добрачным сексуальным отношениям<sup>2</sup>.

Репрезентативный опрос, проведенный в 1996 и 1999 гг. в трех регионах Европейской России (Ивановская область, г. Екатеринбург и г. Пермь), указывает на распространенность незарегистрированных браков. По данным 1996 г., в фактических браках состояли 14% женщин в возрасте 20–24 лет, а по результатам последующего опроса — 17,4%. Относительно общего числа женщин, состоящих в браке в том же возрасте, доля тех, кто живет в незарегистрированных союзах, оказалась еще более впечатляющей — 22% в первом случае и 30% во втором<sup>3</sup>. Судя по результатам всероссийских переписей 1989–2002 гг., сожительство наиболее распространено в молодом возрасте (до 20 лет) и сельских поселениях (примерно на 4%)<sup>4</sup>. Сожительство в общественном сознании нормализуется, т. е. превращается в явление, которое уже не рассматривается как отклонение, а часто представляется желательным.

Потребность в браке, наличии семейного статуса является одной из ведущих в структуре личности и включает в себя осуществление института материнства/отцовства, потребность в любви и дружбе, ощущение своей нужности близким людям, интимное эмоциональное общение, сексуальное влечение.

Многочисленные социологические исследования констатируют, что семья для молодежи остается одной из немногих традиционных ценностей, в отношении которой существует практически полное

---

<sup>1</sup> См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М. : Ладомир, 2005. С. 80.

<sup>2</sup> См.: Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структурация повседневности общества потребления. СПб. : Интсерсоцис, 2007. С. 113.

<sup>3</sup> См.: Население России 2001. Десятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М. : Книжный дом «Университет», 2002. С. 32.

<sup>4</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции ; Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структурация повседневности общества потребления. СПб. : Интсерсоцис, 2007. С. 108–109.

единогласие. Ее важность в своей жизни признают до 90% респондентов, причем отводят «очень важную» и «довольно важную» роль (Краснодарский край, 2006 г.,  $N = 614$  человек)<sup>1</sup>. Результатами исследований смысложизненных ориентаций студенческой молодежи Красноярского края с 1988 по 2004 г. обнаружено возрастание значимости семьи с 48% в 1988 г. до 62% в 2004 г.<sup>2</sup> Почти три четверти респондентов считают, что семейные отношения — неперемное условие счастья, и лишь каждый пятый согласен с утверждением, что «брак — устаревший способ организации семьи». Не согласны с этим утверждением почти три четверти опрошенных.

Результаты фокус-групп показали, что для более 80% респондентов условием семейного счастья являются дети. Среди факторов, обеспечивающих устойчивость и стабильность семьи, респонденты в порядке убывания указали следующие: уважение и поддержка между супругами, супружеская верность, удовлетворенность сексуальными отношениями, достойный доход, нормальные жилищные условия, проживание отдельно от родителей, готовность обсуждать проблемы, возникающие между супругами.

Согласно выводам социологов основными ценностями брачных отношений все чаще становятся личное счастье, сексуальная удовлетворенность в браке, сохранение уважения и любви как основы брака в течение всей супружеской жизни<sup>3</sup>. Такие ценности, как поддержание традиционных норм, формирование отношений, устраивающих широкие родственные группы, становятся менее значимыми

<sup>1</sup> См.: Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденция изменений // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 83–90.

<sup>2</sup> См.: Соколова Е. В. Смысложизненные ориентации студенческой молодежи в условиях реформирования российского общества (на материалах исследований в Красноярском крае с 1998 по 2004 г.) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Красноярск, 2006. С. 19.

<sup>3</sup> См.: Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49; Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования) ; Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденция изменений; Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник-2007. Семья. Традиции и современные тенденции / гл. ред. Л. В. Скворцов и др.; ред.-сост. О. В. Летов / РАН ИНИОН Центр гуманит. научн.-информ. исслед., Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2007 ; Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ.

(особенно в европейской части России). Цели супружества все больше становятся ориентированными (по крайней мере в тенденции) на создание условий для всестороннего развития личности супругов, полноценного воспитания детей, эмоционального, духовного, сексуального удовлетворения. Для большинства молодого населения порядок приоритетов стал иным: прежде всего личностная самореализации, а рождение ребенка рассматривается как исполнение хотя и важной, но не первоочередной нужды (поэтому в модернистской семье оно откладывается на более поздний срок)<sup>1</sup>.

Снижение рождаемости в России сопровождается изменением возрастной модели, пишет В. Н. Архангельский: все большая часть рождений происходит у женщин в возрасте 25 лет и старше. Это необычная динамика возрастных коэффициентов: у женщин старшего возраста показатели рождаемости либо снижались в меньшей степени, чем у более молодых, либо заметнее росли. Можно предположить, замечает автор, что это вызвано, с одной стороны, откладыванием рождений, в том числе в связи с откладыванием вступления в брак, или, по крайней мере, его регистрации, а с другой — частичной реализацией отложенных ранее рождений. В результате у 25–29-летних женщин показатель рождаемости в начале XXI в. вырос более чем на 40% и вернулся к уровню начала 1990-х гг. У женщин моложе 25 лет коэффициенты рождаемости сейчас существенно ниже тех, которые были 10 лет назад<sup>2</sup>. Изменение возрастной модели рождаемости, вероятнее всего, отрицательно скажется на динамике уровня рождаемости: сокращается репродуктивный период и ухудшается состояние репродуктивного здоровья, что может помешать реализации репродуктивных намерений. С возрастом у людей формируется представление об определенном жизненном стандарте, образе жизни, и рождение детей может восприниматься как угроза ему или как препятствие к его достижению. Переход к новой возрастной модели рождаемости происходит неравномерно по регионам страны. Наиболее типична она для Москвы, Санкт-Петербурга, Томской области.

---

<sup>1</sup> См.: Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи.

<sup>2</sup> См.: Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. С. 32.

Тенденция увеличения среднего возраста родителей при рождении ребенка также зафиксирована статистическими данными все-российских переписей населения (1989–2002 гг.). Если в 1989 г. передний возраст матери при рождении ребенка составлял 25,5 года, то в 2002 г. — 26,2<sup>1</sup>. Суммарный коэффициент по первым рождениям в 2004 г. был существенно ниже, чем 10 лет назад, а по вторым и третьим — выше<sup>2</sup>. В 2002 г. показатель среднего числа детей, рожденных одной женщиной в течение ее жизни (суммарный коэффициент рождаемости), составил 1,3 против 2,01 в 1989 г.<sup>3</sup>

Число рожденных детей является результатом репродуктивного поведения. Поэтому, говоря о детерминации рождаемости, следует прежде всего иметь в виду факторы, влияющие на репродуктивное поведение. Кроме того, влияние на рождаемость с целью изменения или сохранения ее уровня возможно только через воздействие на репродуктивное поведение.

Потребность в детях детерминируется социальными нормами детности и ценностной ориентацией, которые неразрывно связаны между собой. В их выборе индивид ориентируется на референтную группу, т. е. на людей, поведению которых он хотел бы следовать. Экономические и социокультурные перемены, происходящие в России в последние 15–20 лет, влияют и на изменение норм детности (можно предположить, что происходит постепенный переход от двухдетности к однодетности как идеальной модели семьи). Возникают новые и актуализируются существовавшие ранее потребности, удовлетворению которых наличие нескольких детей препятствует. К их числу относятся главным образом те, которые связаны с изменением социального статуса (в том числе с карьерным продвижением), достижением и поддержанием престижных жизненных стандартов, проведением досуга.

---

<sup>1</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции ; Чвякин В. А., Гарбузова М. П. Семья в процессе социальных отношений : монография. М. : Экслибрис-Пресс, 2008. С. 77 ; Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. С. 240.

<sup>2</sup> См.: Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. С. 32.

<sup>3</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции.

Социологические исследования показывают, что мужчины ориентированы в среднем на несколько большее число детей, чем женщины<sup>1</sup>. Кроме того, при расхождении репродуктивных ориентаций супругов при принятии решения о числе детей в семье решающее значение имеет мнение того из них, чья установка детности ниже.

На показатели рождаемости влияют различные факторы. Например, в зависимости от уровня образования эти показатели существенно меняются в реальных поколениях женщин. И в отличие от поселенческих различий (город/село), которые постепенно стираются, они не сокращаются при переходе к более молодым поколениям. Происходившее от поколения к поколению изменение образовательной структуры женщин обеспечивало сокращение числа родившихся детей в более молодых когортах. Важно отметить, что при более высокой оценке уровня жизни в среднем, жилищных условий имеет место меньший разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей.

В. Н. Архангельский детально рассматривает также влияние матримонимального поведения на репродуктивное. Он отмечает, что в России неуклонно растет доля родившихся детей вне зарегистрированного брака. В 2006 г. — почти 30% от всех родившихся детей, что в 2 раза выше по сравнению с 1990 г.<sup>2</sup> При этом у городских женщин доля родившихся детей вне зарегистрированного брака составляла в 2004 г. — 28,3%, у сельских — 33,4% (в Нижегородской области соответственно 22,1 и 23,8%)<sup>3</sup>. Чаще всего внебрачные дети рождаются у женщин моложе 20 лет (в 2004 г. — 47,3%). Но своего максимума показатель рождаемости вне зарегистрированного брака достигает в 25–29 лет. Рост доли «внебрачной» рождаемости в общем объеме рождаемости начался в нашей стране со второй половины 1980-х гг. и происходит нарастающими темпами вплоть до настоящего времени (1980 г. — 12%, 1999 г. — 28%, 2003 г. — 30%, 2009 г. — 33%)<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. С. 41, 43–45.

<sup>2</sup> Там же. С. 170.

<sup>3</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции.

<sup>4</sup> См.: Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи; Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 239–241; Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. С. 246–248.

Единственная категория родившихся, продолжающая увеличиваться в абсолютных размерах с 1993 г., — это рождение детей, зарегистрированных по совместному заявлению отца и матери, которые не имели свидетельства о заключении брака (к 2001 г. их доля достигала 47,6%)<sup>1</sup>. Иначе говоря, не заключившие по каким-либо соображениям официального союза мужчина и женщина идут на сознательное зачатие ребенка и, мало того, не скрывают его рождения, производя по обоюдному согласию запись в государственном учреждении. Россия как по уровню внебрачной рождаемости, так и по темпам ее роста, занимает срединное положение в ряду экономически развитых стран.

Отвечая на вопросы о причинах рождения ребенка вне брака, матери моложе 20 лет чаще отмечали вынужденность этого события при нежелании иметь ребенка. Значительная часть опрошенных женщин, в основном около 30 лет, связывали рождение ребенка с желанием быть матерью даже при невозможности вступить в брак. Меньшая часть женщин в качестве причины указывали на стремление побудить отца ребенка вступить в брак. По данным опроса жительниц Омска, мотивами рождения у них внебрачного ребенка были: сознательное создание неполной материнской семьи (31,4%), боязнь аборта (28,6%), обещание отца ребенка жениться (24,9%)<sup>2</sup>. Ранее высокая доля внебрачных рождений имела демографическое объяснение: ее причины коренились в огромной нехватке мужчин молодого и среднего возрастов<sup>3</sup>.

Что касается репродуктивного поведения вступающих в брак, то (по данным многочисленных региональных исследований) создание семьи в более молодом возрасте сопряжено с ориентацией на относительно большее число детей. Можно согласиться с исследователем А. И. Антоновым в том, что «состояние взаимоотношений в семье воздействует не на сам уровень потребности в детях, а на степень реализации при ее наличии».

---

<sup>1</sup> См.: Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. С. 170.

<sup>2</sup> Там же. С. 170.

<sup>3</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции.

Среди мотивов В. Н. Архангельский, ссылаясь на работы А. И. Антонова, выделяет три основные группы: экономическую, социальную и психологическую. К первым относятся побуждения к рождению детей, помогающие в осуществлении каких-либо экономических целей родителей (улучшение материальных или жилищных условий). Социальные мотивы в широком смысле являются «индивидуальной реакцией на бытующие нормы детности» и связаны, например, с повышением общественного авторитета, престижа родителей на производстве, в быту. Психологические мотивы являются, с одной стороны, выражением заботы, опеки, любви, «потребности самому направлять развитие ребенка», с другой — реализацией потребности в самоуважении, в смысле жизни, в ожидании «продлить в детях какие-то свои качества».

Следует заметить, что мотивация, свойственная малодетности (тенденция к которой усиливается), проявляется на примере рождения второго ребенка в семье, так как рождение первенца, по существу, является автоматическим следствием вступления в брак и связано с приобретением супругами новой социальной роли матери и отца (на этот мотив указывают 60% опрошенных)<sup>1</sup>.

В современной России происходит размывание нормативов родительства на уровне представлений. По мнению Т. А. Гурко, предпосылкой этого процесса служит многообразие практик родительства и их артикуляция, в том числе в СМИ, отсутствие действенных механизмов идеологического конструирования «правильной» модели семьи и личной жизни людей со стороны государства и других институтов. Среди молодого поколения и женщин, и мужчин в сравнении с «советским» гораздо реже встречаются такие стереотипы, как «долг каждой женщины быть матерью, а мужчины — отцом», «дети должны непременно жить с матерью после развода», а также осуждающие супругов, которые могут, но не хотят иметь детей, и т. д.<sup>2</sup>.

В современных обществах различия материнства и отцовства, специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных условий и существенно варьируются. В традиционных

<sup>1</sup> См.: Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. С. 178–180, 202–203.

<sup>2</sup> См.: Гурко Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97.

обществах власть и авторитет отца были основаны прежде всего на его роли кормильца и собственника средств производства. Отец определял воспитание детей (особенно сыновей), но повседневную заботу и уход за детьми осуществляла мать. Современные требования к отцовской роли значительно трансформировались. Нормативная модель современного отцовства предполагает гибкое сочетание роли кормильца и роли чуткого, компетентного наставника и друга ребенка и включает в себя по меньшей мере три функции: материального обеспечения, эмоциональной поддержки, участия в жизни детей.

От отца ожидают эмоциональности, теплоты в отношениях с ребенком, большей вовлеченности в его жизнь. Это приводит к столкновению с традиционными стереотипами мужского поведения, а значит, увеличивает число проблем и конфликтов при реализации отцовской роли. Складывающаяся на протяжении веков практика гендерных отношений в семье между отцом и детьми постепенно привела к возникновению социального отчуждения между ними: жесткие гендерные роли и стереотипы препятствуют общению и участию отцов в жизни своих детей. По мнению И. С. Кона, представления о положении и функциях отца вообще в современной семье часто воспринимаются через отрицательные суждения:

- рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье;
- незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими;
- педагогическая некомпетентность, неумелость отцов;
- незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми<sup>1</sup>.

Однако имеются и позитивные тенденции, свидетельствующие о смягчении жестких гендерных норм: мужчины потихоньку перестают бояться проявлять любовь, участие и заботу (традиционно «женские» качества в гендерной системе ценностей) к своим детям; шагом вперед может быть признано введение в новый Семейный кодекс РФ понятия «отцовство» как социально-правового института, которое употребляется наравне с «материнством».

---

<sup>1</sup> См.: Кон И. С. Ребенок и общество. М. : ИПЛ, 1988. С. 231.

Большинство современных россиянок придерживаются позиции, что «главы семьи не должно быть, супруги все вопросы должны решать совместно» (это часто означает главенство жены де-факто), у российских мужчин такой консолидации нет. Мужчины со средним (или более низким) уровнем образования чаще считают, что глава семьи — это муж, в то время как у мужчин с высшим образованием доминирует эгалитарная модель. Очень небольшое число мужчин и женщин придерживаются мнения, что главой семьи должна быть жена. Многие исследователи указывают на наличие дисбаланса власти между мужьями и женами в современной российской семье. Наиболее значимые решения, к которым можно отнести переезд на новое место жительства, покупка дома, принимаются мужчиной, или, по крайней мере, его голос, особенно в случае подкрепления реальными финансовыми ресурсами, имеет решающее значение. В то время как в повседневных делах приоритет остается за женщиной. К области компромиссных или совместных решений исследователи относят в основном вопросы образования детей или проведения отпусков<sup>1</sup>.

54,7% молодежи Краснодарского края (2006 г.,  $N = 614$  человек)<sup>2</sup> выступают за равноправную семью, в которой женщина должна и может вести активную жизнь за ее пределами. Это отражает набирающую силу тенденцию, в соответствии с которой роль женщины в материальном обеспечении семьи возрастает. Так считает большинство мужчин, но, что парадоксально, меньшее число женщин, особенно живущих в сельской местности. Безусловно, ориентация на эгалитарный и партнерский брак является определяющей. Но в то же время почти половина молодых респондентов — сторонники традиционных семейных отношений, заключают многие исследователи<sup>3</sup>. Их выбор может быть

---

<sup>1</sup> См.: Егорова Н. Ю., Курамшев А. В. Современная российская семья: основные тенденции.

<sup>2</sup> См.: Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденция изменений.

<sup>3</sup> См.: Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. С. 220; Новохацкая О. В. Повседневная деятельность селян: гендерный аспект // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 52–59; Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденция изменений; Штылева Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: ПЕР СЭ, 2008. С. 131.

обусловлен социальной средой, в которой они живут (особенно этнической), ориентациями родителей, друзей, личным опытом.

Нельзя говорить о стирании гендерных различий в использовании времени, что особенно проявляется в затратах времени на домашние обязанности, на воспитание детей. В целом мужчины по-прежнему в большей степени включены в зарплатный труд и свободное распоряжение досугом, чем женщины, которые отдают больше времени традиционным женским функциям домохозяйки и воспитанию детей. При этом эгалитарные семейные взаимодействия более активно поддерживают женщины, тогда как среди ориентированных на традиционную модель большинство составляют мужчины.

Отечественные ученые (О. Здравомыслова, М. Арутюнян, Е. Меценцева, О. Кучерова) включают в «традиционную» модель гендерного взаимодействия в семье обязательность брака, материнство как основу статуса женщины в семье и обществе, обязанности кормильца как основу статуса мужчины в семье, главенство мужа в семье, четкое разделение мужских и женских обязанностей внутри семьи, домашние обязанности как исключительно женские и представление о том, что традиционная семья есть наилучший способ организации жизни супругов. Эгалитарный контракт предполагает, что роль кормильца не закреплена за мужем, что материнство есть одно из возможных идентичностей женщины, но не одно материнство определяет ее положение в семье и обществе, наконец, что не существует четкого, раз и навсегда данного распределения семейных обязанностей.

Т. М. Дадаева пишет, что, как показали социологические исследования, проведенные в России за последние 10 лет, структура гендерных отношений постсоветской семьи представляет собой сочетание баланса патриархальных представлений и эгалитарных норм. Это выражается в существовании типа семьи с мужем-кормильцем и женой, занимающейся ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей, причем главенство в семье не определяется финансовым вкладом супругов и распорядителем финансовых ресурсов выступает жена, домашняя работа требует взаимопомощи, женщины ориентированы на занятость и «карьеру», сохраняя ориентацию на семью<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См.: Дадаева Т. М. Динамика гендерной структуры российского общества в период трансформации : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2006. С. 29.

Экономическая зависимость женщин приводит к их уязвимости как в экономическом, так и в социальном плане. Монополия на необходимые женщинам экономические ресурсы обеспечивает провайдерам потенциальную власть над ними, которая в любое время может быть востребована. Динамика социально-экономической зависимости подтверждает тот факт, что частная и публичная сферы тесно переплетены и положение женщин в одной сфере непосредственным образом влияет на положение в другой, что обуславливает существование порочного круга зависимости: экономическая зависимость в семье оправдывает традиционное гендерное разделение труда, ослабляя позицию женщины в «торге» внутри домохозяйства; большая нагрузка в домашнем хозяйстве и перерывы в трудовой карьере снижают востребованность женщин на рынке труда и являются причиной их низких личных доходов; низкие личные доходы обуславливают экономическую зависимость женщин в семье.

Содействовать достижению экономической независимости женщин и в конечном счете — гендерного равенства в экономической сфере — могут не «защитные» меры социального и трудового законодательства, а изменения в частной сфере. Как удачно выразился М. Киммел, вслед за великой социальной трансформацией XX в. — массовым выходом женщин на рынок труда — должна последовать социальная трансформация XXI в.: возвращение мужчин в семью. Шансы женщин и мужчин на рынке труда уравниваются при условии «дегендеризации» домашней работы и ухода за детьми. Если основой советской социальной политики была идея, что работа не должна мешать исполнению женщиной ее семейных обязанностей, то сегодня такая политика должна исходить из того, чтобы семейные обязанности не препятствовали профессиональной карьере женщины.

Сочетание двух эмансипаторских движений — ослабление зависимости детей от родителей и жены от мужа — содействует формированию нового, постсовременного типа семьи. Супруги, по замечанию английского социолога Э. Гидденса, стали рассматриваться

как сотрудники в совместном эмоциональном предприятии, и это приобрело даже большее значение, чем их обязательства по отношению к детям<sup>1</sup>. Дом стал местом, где агент мог получить эмоциональную поддержку по контрасту с инструментальным характером рабочей среды. Представленный тип семьи назван «супружеским»<sup>2</sup>. В этой семье стратегические отношения определяются не родством (как в «патриархальной»), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, акцентируемый как важный элемент постмодернистской семьи.

Супружеская семья — своеобразная кооперация с уникальными возможностями для отхода от зависимых отношений и раскрытия всесторонней деятельной палитры по всем структурным каналам: «муж — жена», «родители — дети», «супруги — родственники», «дети — прародители» (имманентными супружеству ценностями являются «адаптационный синдром», «интимность» и «автономия»). Словом, в границах одного семейного типа возникают богатые и многослойные отношения между полами и поколениями, открывается широкое пространство для самореализации каждого из индивидов.

### **1.3. Ценностное восприятие сексуальности: тенденции и проблемы**

В юношеском возрасте одной из ценностей являются сексуальные отношения и человеческое тело. Сексуальное влечение — универсальное чувство, за которым стоит соответствующая базовая природная потребность. Его реализация идет через выбор и завоевание другого. В обществе этот природный по своему характеру процесс приобретает социокультурные формы. Это значит, что он подчиняется нормам

---

<sup>1</sup> Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford : Stanford Univ. Press, 1992.

<sup>2</sup> См.: Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи.

и ценностям того социокультурного поля, в котором он разворачивается. Исследователи говорят о конструировании и исторической изменчивости маскулинности и фемининности<sup>1</sup>.

В. И. Ильин пишет, что секс превращается в одну из форм потребления. В то же время он выступает и как инструмент завоевания или воспроизводства статуса гражданина общества потребления<sup>2</sup>. Индивидуальные версии сексуальности юношей и девушек развиваются в пространстве, заполненном самыми разнообразными «предложениями»: от возрождения религиозных культов девственности и чистоты, модных постспидовских и проамериканских трендов «здорового образа жизни», телесных практик воздержания и до культа тантрических практик «бесконечного оргазма», унисексуального освобождения, киберсекса и психологических поисков других сексуальных реальностей. Потребление формирует индивида, повышая или понижая его шансы быть избранным в качестве романтического партнера. Многие критерии тесно связаны с потребительскими практиками или их результатами. Так, тело лишь частично дается от природы, а в существенной и во все более возрастающей мере конструируется по принятым в данной культурной программе образцам. Здоровье формируется или разрушается практикуемым стилем потребления. Телосложение формируется в процессе занятий физкультурой и поддержания диеты. Образование — результат приобретенной услуги. Интеллект в той или иной мере оттачивается в процессе обучения. Способность постоять за себя вырабатывается в спортивных секциях, склонность к риску проявляется в занятиях экстремальными видами спорта. А финансовая обеспеченность, которой большое значение придают представители обоих полов, выступает как материальная основа формирования всех востребованных достоинств<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Киммел М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. СПб. : Алетейя, 2008. С. 38–57 ; Омельченко Е. Л. «Жертвы» и/или «наильники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов.

<sup>2</sup> См.: Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб. : Интерсоцис, 2007. С. 122.

<sup>3</sup> Там же. С. 95–97.

Происходящие тенденции объясняются сексуальной революцией 1960-х и 1970-х гг., основными причинами которой явились:

- макросоциальные тенденции (процессы индивидуализации, плюрализации индивидуальных отношений, образов и стилей жизни);

- ситуативные моменты (общий подъем освободительных движений, молодежная революция);

- возникновение контрацепции (впервые разделены сексуальные и репродуктивные стратегии, произошли изменения фундаментальных отношений власти между мужчинами и женщинами).

В связи с этим произошли так называемые сдвиги в сознании и поведении. Перестройка сознания основана на разделении понятий сексуальности и репродукции: сексуальность уже не ассоциируется с деторождением, она представляет собой удовольствие. Это, в свою очередь, не может не вести к индивидуализации и плюрализации гендерных и сексуальных практик.

В России вплоть до конца XIX в. браки были всеобщими: к возрасту 45 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались соответственно неженатыми и незамужними<sup>1</sup>. Стало быть, можно с большой вероятностью утверждать, что институт брака со времен Римской империи<sup>2</sup> обладал монополией на регулирование сексуальных отношений и воспроизводство детей. Отсюда человек «традиционной» эпохи, не состоявший в браке или не имеющий детей, ощущал свою ущербность.

Сексуальная революция трансформировала роль эротических ценностей. Так, Д. Немировский, опросивший в 1970-х гг. молодых людей (379 юношей и 585 девушек) Черновицкой области (Украина) по поводу их ориентации на возможность сексуальных практик до юридического оформления брачного союза, обнаружил, что около 44% мужчин и 34% женщин одобрили такого рода деятельность и, соответственно, 53 и 61% их осудили<sup>3</sup>. Прошло несколько

---

<sup>1</sup> См.: Волков А. Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986. С. 108.

<sup>2</sup> См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана; прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. С. 3.

<sup>3</sup> См.: Немировский Д. Об отношении молодежи к добрачной половой жизни // Социологические исследования. 1982. № 1. С. 115–128.

ко десятилетий, на Украине (в том числе и в Черновицкой области) 2000 супружеских пар, состоящим в браке несколько месяцев, задали аналогичный вопрос. Оказалось, что только 4% респондентов придерживались мнения о недопустимости юридически оформленных сексуальных отношений и еще около 8% затруднились дать по этому поводу однозначный ответ. Большинство же молодежи (66% мужчин и 79% женщин) высказались «за» такие отношения при определенных условиях; а 22% мужей и 7% жен, больше того, посчитали такую практику полезной для здоровья и хорошего самочувствия<sup>1</sup>. Аналогичная тенденция установлена и в России<sup>2</sup>. По данным массовых опросов, в 1965 г. 69% ленинградских студентов имели опыт добрачного секса, в 1995 г. — 89%. Воздержание же многими объяснялось простым «отсутствием случая»<sup>3</sup>. Авторские опросы М. Г. Котовской показывают, что большинство студентов не считает секс до брака аморальным (89%). Более того, большинство респондентов полагают, что опыт совместной жизни с партнером до регистрации нужен или желателен (около 74%), причем по этому признаку не было обнаружено дифференциации между юношами и девушками<sup>4</sup>.

Поступь сексуальной революции проявляется и в снижении возрастной планки начала сексуальной жизни. С. И. Голод пишет, что медианный возраст сексуального дебюта у юношей ниже, чем у девушек: в 1926 г. у юношей — 19,0 лет, у девушек — 21,5, в 1976 г. — 19,2 года у юношей и 21,8 лет у девушек, в 1984 г. — 18,1 и 20,6 (соответственно), в 1997 г. — 17,7 и 18,9 (соответственно)<sup>5</sup>. В конце XX в.,

---

<sup>1</sup> См.: Медина Т. Сексуальная функция молодой украинской семьи: Социологический аспект // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. № 2. С. 75–92.

<sup>2</sup> См.: Архангельский В. Н., Антонова О. И., Никитина С. Ю. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 2–16; Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. С. 80; Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. С. 113.

<sup>3</sup> См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. С. 91.

<sup>4</sup> См.: Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. С. 230.

<sup>5</sup> См.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83–87.

как показывают опросы, абсолютное большинство студентов уже имели сексуальный опыт<sup>1</sup>. Фундаментальная серия обследований (И. Кон, В. Червяков и В. Шапиро) сексуального поведения в России (1993 г., г. Москва, г. Санкт-Петербург,  $N = 1615$  учащихся школ и ПТУ; 1995 г., г. Москва, г. Н. Новгород, г. Борисоглебск, г. Ельц,  $N = 2871$  подростков 16–19 лет; 1997 г., восемь регионов России,  $N = 4000$  школьников 7–9-х классов, их педагоги и родители) продемонстрировала «помолодение» секса, особенно у девушек<sup>2</sup>. По данным репрезентативного исследования сексуального поведения, проведенного в 2001 г. в рамках РМЭЗ (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения), средний возраст первого сексуального контакта для поколения 41–49-летних женщин составил 20,2 года, мужчин — 19 лет; для 31–40-летних — соответственно 19,3 и 18,4; 21–30-летних — 17,8 и 17,1; 14–20-летних — 16,2 и 15,6<sup>3</sup>. Социологические исследования 2001–2002 гг. показали, что наиболее часто юноши (34,6%) и девушки (35,8%) начинают половую жизнь в возрасте 16–17 лет<sup>4</sup>. У юношей зафиксирована взаимосвязь между возрастом, когда состоялся их первый сексуальный опыт, и возрастом, в котором, по их мнению, основная масса молодежи должна начинать половую жизнь. Это подтверждает мнение И. С. Кона относительно того, что решающую роль в формировании нормативных ориентаций молодых людей играет общество сверстников, которое, в частности, подталкивает их к более ранней «сексуальной инициации».

В исследованиях сексуальных мотивов молодежи в советское время были обнаружены следующие мотивы: взаимная любовь, вступление в брак, самоутверждение, приятное времяпрепровождение, желание эмоционального контакта, стремление к получению удовольствия, рас-

---

<sup>1</sup> См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. С. 99.

<sup>2</sup> См.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи.

<sup>3</sup> См.: Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 152.

<sup>4</sup> См.: Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. С. 233, 338.

ширение чувства свободы, престижность, любопытство<sup>1</sup>. Были выделены следующие типы сексуальных отношений: любовный, гедонистический, познавательный, рекреационный, релаксационный<sup>2</sup>, обобщенные до двух основных — эмоционально-коммуникативный и гедонически-развлекательный<sup>3</sup>. Как пишет Канциан, «женщины предпочитают эмоциональную близость и вербальную экспрессию; мужчины предпочитают секс и оказание инструментальной поддержки»<sup>4</sup>.

Данная тенденция подтверждается социологическим исследованием студенческой молодежи в 2001–2002 гг. ( $N = 200$  студентов МГУДТ): 46% девушек и 48% юношей указали, что секс ассоциируется у них с понятиями «удовольствие», «физическое влечение», «страсть». У 31% респондентов секс неразрывно связан с такими понятиями, как «любовь», «взаимная любовь», «способ выразить свою любовь» (более характерно для девушек)<sup>5</sup>. В исследованиях подростковой сексуальности А. А. Темкиной отмечается, что «молодые люди относятся к сексу как к решению, принимаемому соревнующимися между собой людьми на основании личных убеждений; девушки принимают сексуальные решения на основании интимности и вовлеченности в отношения»<sup>6</sup>. В мотивах сексуального дебюта любовь является более распространенной у женщин, чем у мужчин, констатируется многими исследователями<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л. : Наука, 1984. С. 21 ; Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М. : ОГИ, 1997. С. 265.

<sup>2</sup> См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. С. 124–132.

<sup>3</sup> См.: Кон И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М. : ОГИ, 1997. С. 264–278 ; Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Айрис-пресс, 2005. С. 282.

<sup>4</sup> Cancian F. M. Gender Politics: Love and Power in the Private and Public Spheres // Rossi A. S., ed. Gender in the Life Course. N. Y., 1985. С. 253.

<sup>5</sup> См.: Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. С. 227–228.

<sup>6</sup> Темкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 251–252.

<sup>7</sup> См., напр.: Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. С. 21; Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности ; Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 282.

Произошли не только изменения в ориентациях молодых людей на возможность предварительной сексуальной практики до оформления официальной регистрации брачного союза, но и переосмысление моральности «параллельных» супружеству эротических контактов (адюльтера). Данные тенденции зафиксированы С. И. Голодом в 1969 и 1989 гг. ( $N =$  по 250 человек) в Ленинграде<sup>1</sup>. Мужчин и женщин попросили проранжировать восемь факторов (в число которых входила и сексуальность), исходя из важности каждого из них для бесконфликтного протекания брачных отношений. У мужчин в обеих совокупностях «физическая близость» разместилась на третьей ступени шкалы, а удельный вес в течение рассматриваемого промежутка времени практически оставался неизменным. Иное положение дел у женщин. За два десятилетия роль сексуальности в супружестве у них возросла на 10%, фактор «физическая близость» переместился на шкале приоритетов на третье место. Помимо того, выяснилось, что около 40% мужей (в обеих выборках) испытывали эротическое наслаждение (оргазм), среди жен в 1969 г. таких насчитывалось 30%, тогда как в 1989 г. — уже 40%. За тот же период число «безразличных» и «неудовлетворенных» брачной сексуальностью уменьшилось в подвыборках: у мужчин почти вдвое, у женщин — в 2,5 раза. Наряду с количественными трансформациями были отмечены и качественные. Жены, как правило, не просто ждали эффекта от чувственного наслаждения (в отличие от плутарховой спартанки), а предпринимали активные действия, реализуя принцип «отдаваясь — брать». Появилось основание констатировать: в рамках брачного союза женщины стали интенсивнее мужчин усваивать ценности «материально-телесного низа» (М. Бахтин)<sup>2</sup>.

М. Г. Котовская отмечает, что, несмотря на «продвинутость» в сексуальных вопросах, обнаружены довольно устойчивые традиционалистские взгляды студенческой молодежи: 45% юношей и 35% девушек считали, что в браке жена должна удовлетворять сексуальные

---

<sup>1</sup> Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82–90.

<sup>2</sup> См.: Бахтин М. М. Pro et contra. СПб., 2001; Гоготишвили Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 130–133.

желания мужа, даже если самой ей этого в данный момент не очень хочется, а около 25% полагали, что сексуальная удовлетворенность в браке важнее мужчинам, чем женщинам<sup>1</sup>.

Произошел всплеск супружеской (попутно и внесупружеской) эротической раскованности и открытой заинтересованности в достижении взаимоприемлемого психосоматического наслаждения. При этом интенсификация гедонизма достигается, несомненно, как за счет повышения инициативности женщин, так и благодаря росту морального релятивизма и толерантности, свойственного молодым поколениям. С. И. Голод отмечает, что в конце 60-х гг. XX в. 35% женщин оправдывали возможность «параллельных» сексуальных практик, 38% высказались амбивалентно и 27% их осудили. Через 20 лет зафиксировано в принципе близкое соотношение ориентации: 36, 33 и 31%. Важно отметить и другое: если в первом опросе на реальность сексуальных контактов помимо мужа указала треть женщин, то во втором — почти каждая вторая. Установлено рассогласование между аттитюдами и актуальным поведением: в 1969 г. среди замужних женщин из числа оправдывающих адюльтер половина его практиковала, к 1989 г. таких уже насчитывалось более 70%. У осуждающих динамика такова: в первом случае — около 6%, состояли в «параллельных» сексуальных контактах, во втором — 25%<sup>2</sup>.

Социологические исследования населения Санкт-Петербурга (1998 г.) и Тулы (1999 г.) не обнаружили значительных различий в эротических «параллельных» практиках интеллектуалов и других слоев городского населения<sup>3</sup>. В петербургской выборке из 479 человек, состоящих в браке, 41,5% мужчин и 24,5% женщин имели опыт адюльтера, в тульской выборке из 275 человек соответственно — 39 и 17,1%. Иерархия мотивов указанных практик у мужчин из обоих городов тождественна: «случайность», «страстное влечение», «соблазнение», «сексуальная неудовлетворенность женою», «новая любовь», «со-

---

<sup>1</sup> См.: Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты. С. 231.

<sup>2</sup> См.: Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние.

<sup>3</sup> См.: Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности.

страдание». Очередность мотивов у женщин сравниваемых городов заметно отличается. Совпадают лишь два побуждения: на третьем уровне расположилась «любовь», на следующем — «соблазнение». Из других побуждений особо выделяю такие: у петербурженок (кстати, как и у мужчин) ведущий — «случай» (почти каждый третий мотив), у тулячек он замыкает шкалу (всего 13% ответивших); «сексуальная неудовлетворенность мужем» у тулячек расположилась на втором месте (подчеркнула каждая четвертая), тогда как петербурженки поставили ее на пятое место (при охвате 15%). Иными словами, если мотивации прелюбодеяния у петербургских мужчин и женщин в принципе совпадают (исключение — «любовь», на которую «слабый» пол ссылается в четыре раза чаще), то в Туле наблюдается распределение по традиционному стереотипу: доля «любви» и «страстного влечения» (гедонизм) у мужчин составляет 37%, а у женщин — 50%, «соблазнение» и «случайность» у первых — 44%, у вторых — 26%.

Побудительные мотивы нелегитимной практики по большей части коррелируют с типом партнера. А именно: если близость зиждется на «любвном чувстве», то партнерша/партнер обозначается как «любимая/любимый», если на гедонизме — называется «подруга»/«друг», когда же контакт «случайный», партнерша/партнер — «малознакомая женщина/мужчина» или «проститутка»/«хаслер».

Приведенная выше динамика показателей эротической и прокреативной деятельности, несомненно, высветила процесс автономизации матримониального, сексуального и прокреативного поведения.

Для сферы сексуальности молодежи характерно пересечение следующих конфигураций (публичных и частных дискурсов сексуальности):

– сохранение доминирующей гетеросексуальности, признание биологической природы различий между мужчинами и женщинами, поддержание гендерной поляризации (гендерный двойной стандарт: мужчина — субъект/активность, женщина — объект/пассивность), взаимосвязь брака и деторождения (гражданская ответственность перед нацией), проблематизация опасностей, связанных с сексом (секс как «опасный», «рискованный» в контексте проблем СПИДа, проституции, гомосексуальности, наркомании, насилия и т. д.);

– либерализация гендерной иерархии в сфере сексуальности, признание сексуальных потребностей у женщин, рост толерантности по отношению к сексуальным меньшинствам, предполагание брачным режимом сексуальности реализации индивидуального рационального выбора, выстраивание сексуальных отношений через переговоры между партнерами и саморефлексию (сексуальность как средство индивидуализации и идентификации), романтизация отношений (в массмедиа приобретает эротический характер), легитимизация разных форм сексуальных отношений (в том числе добрачных и внебрачных), акцентирование на гедонистическом аспекте сексуальных отношений (пропагандирование и практикование техник достижения максимального удовлетворения в сексе), коммерциализация сексуальности (обмен благами).

Таким образом, появляются более либеральные образцы сексуального поведения, с одной стороны, и усиливается традиционализм — с другой.

Нормативные представления о мужском характере и стилистике поведения в традиционной российской культуре были в значительной степени опосредованы сословной дифференциацией общества, но их общим контекстом являлся патриархальный характер гендерных отношений. Доминирующей была патриархальная маскулинность «домостроевского типа», когда, помимо власти мужчин над женщинами, существовали ярко выраженные отношения соподчинения внутри самого мужского сообщества. Советский тип мужественности определялся политикой гипермаскулинного милитаризованного государства, которая фактически воспроизводила модель патриархальных отношений и утверждала ее посредством институциональной проекции соответствующей идеологии и символично-дискурсивными способами. Причем конструирование традиционных (патриархальных) форм идентичности начиналось буквально с роддома. С детских лет у мальчиков формировали установку на образ сильного человека, их убеждали в том, что нужно быть настоящим мужчиной. И мальчики, а потом и мужчины старались подстроить себя под модель «настоящего мужчины». Они играли в мужские игры, мужской спорт,

мужскую дружбу. Женщина сильна своей слабостью. В соответствии с этим стереотипом формировалась личность девочки. Ей позволялось быть слабой, она имела право на выражение эмоций. Плачущая девочка (женщина) — это норма, а мальчик (мужчина) — аномалия. Если плачущая девочка вызывала у окружающих жалость и сочувствие, то для мальчика это абсолютно недопустимо — к нему надолго приклеивался презрительный ярлык «плакса». Родители были более склонны поддерживать девочек, когда они напуганы или расстроены, поощряли в них эмоциональную открытость, в то время как в мальчиках сдержанность, выдержку и рассудительность. Слабость, смущение, страх, ранимость, нежность, сострадание разрешались девочкам, для мальчиков это было неприемлемо («маменькин сынок»). Индустрия кинобизнеса показывала мужчин-героев, как правило, честолюбивыми, сильными, властными. Общество, таким образом, сконструировало миф о «настоящем мужчине», обязательным атрибутом которого являлись сдержанность, запрет на проявление эмоций, и миф о «другом» — эмоциональной, нуждающейся в покровителе женщине.

В современном российском обществе преодолевается гендерная поляризованность конструктов маскулинности/фемининности и увеличивается их андрогинизированность, что проявляется в преимущественном включении в конструкты в маскулинности как мужчинами, так и женщинами параметров направленности на другого.

Качественные методы (биографические интервью с городскими женщинами и мужчинами Санкт-Петербурга), применяемые А. А. Темкиной<sup>1</sup>, аргументируют радикальные гендерные изменения: современные молодые женщины проявляют в сексуальной сфере активность, компетентность и ответственность, они ориентируются на практики сексуального удовольствия; их жизнь выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальные биографии ко-

---

<sup>1</sup> См.: Темкина А. А. Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия // Гендерные тетради. Вып. 2. СПб. : Филиал Института социологии РАН, 1999. С. 20–54; Темкина А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 336.

торых во многом определялись судьбой и обстоятельствами; данный проект ориентирован на партнерство с высокой степенью эгалитарности. Однако и в этом поколении во многом сохраняются поляризованные гендерные практики. Рациональное поведение женщин сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: им не хватает знаний, они не доверяют врачам-гинекологам, не используют эффективной контрацепции, планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств и пр. Сохраняется гендерная поляризация, а сексуальная жизнь женщин и мужчин оценивается как зависящая от судьбы и обстоятельств. В таких условиях практики безопасного секса и ответственного отношения к рождению детей становятся затруднительными. Поляризация воплощается и в более широком разделении гендерных пространств, в которых от мужчины ожидается функция кормильца, а от женщины — обслуживание. Данная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорирование мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства).

Количественные данные (2004 г.; г. Ростов-на-Дону, г. Батайск, г. Аксай;  $N = 368$  человек)<sup>1</sup> характера гендерных установок населения маркируют в целом эгалитарность ценностного восприятия канонов современной мужественности. При анализе полученных в ходе исследования результатов было установлено, что основную часть спектра характеристик конструкта маскулинности, который был указан респондентами, можно оценить по следующим шкалам: активность — пассивность, подчиненность; инструментальность — экспрессивность; позитивное отношение к себе — направленность на партнера. В конструкте маскулинности у мужчин более ярко выражена активная позиция, направленность на достижение, а у женщин чаще присутствует качества экспрессивности. На обязательное присутствие в современном каноне мужественности инструментальных

---

<sup>1</sup> См.: Шилина Н. А. Трансформация маскулинности в российском обществе: социокультурный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 26 ; Ильиных С. А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 101–109.

характеристик указали около десятой части респондентов-мужчин (умение зарабатывать, обеспечивать семью, быть добытчиком, трудолюбие, работоспособность, ум, интеллект, образованность). С другой стороны, в 6 раз большее число респондентов-женщин (13,6% против 2,2%) указали на необходимое наличие в конструкторе маскулинности экспрессивных качеств: доброта, заботливость, отзывчивость, бескорыстие, щедрость, великодушие, спокойствие, терпение, сдержанность.

По мнению С. Ушакина, дискуссии о «сущности» мужественности сменяются дискуссиями о характере мужских «доспехов», а трактаты по воспитанию чувств — справочниками по основам этикета, в том числе и полового. Форма начинает выполнять не столько репрезентативную, представительскую, отображающую, сколько конституирующую функцию<sup>1</sup>.

В современной России средствами масс-медиа утверждается потребительская активность как символический маркер гендерной компетентности, что выражается в ориентации значительной части мужчин на необходимость моделирования собственного внешнего облика посредством внешней атрибутики. Возникают новые мужчины — метросексуалы. «По мере того как мужчины-натуралы начинают спокойнее воспринимать гей-культуру (или, по крайней мере, меньше бояться ее), они заимствуют у мира геев ключи и средства в самых разных сферах: от ухода за собой и моды до умения общаться и строить отношения»<sup>2</sup>. Массмедиа играют огромную роль в изменении культуры и часто демонстрируют гораздо более сильные ролевые модели, чем семья или местное сообщество.

Эмпирические данные социологического исследования (2004 г.; г. Ростов-на-Дону, г. Батайск, г. Аксай; N = 368 человек)<sup>3</sup> фиксируют, что основная масса опрошенных мужчин считает важным уделять

<sup>1</sup> См.: Ушакин С. Видимость мужественности // О муже(N)ственности : сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 479–503.

<sup>2</sup> Зальцман М., Матагиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин / пер. с англ. А. Стативки. М. : ИД «Коммерсантъ» ; СПб. : ИД «Питер», 2007. С. 255.

<sup>3</sup> См.: Шилина Н. А. Трансформация маскулинности в российском обществе: социокультурный анализ. С. 28.

внимание процессу моделирования собственной внешности (только 5,7% респондентов указали на то, что для них это не значимо). Типичными приоритетными элементами внешней репрезентации мужчин выступают одежда и обувь (32,5 и 28,5% соответственно). Вместе с тем проявляется разница характера потребительских ориентаций, обусловленная возрастной принадлежностью респондентов: для десятой части мужчин в возрасте от 25 лет важны имиджевые аксессуары, значимым для мужчин 18–24 лет является наличие модных деталей делового имиджа (мобильный телефон, органайзер и пр.). Трансформация общего канона маскулинности, сопровождающаяся изменением мужского телесного канона, ярко проявляется и в практиках демонстрации мужской наготы, которая все чаще выставляется напоказ.

Огромные изменения в представлениях о маскулинности, произошедшие за последние десятилетия, говорят о «кризисе» недостатка позитивных мужских ролевых моделей<sup>1</sup>. Мужчины не знают, чего от них ожидают в современном мире, и не знают, как соответствовать неопределенным ожиданиям, которые к ним предъявляются. В гораздо большей степени, чем это было раньше, именно женщина сегодня определяет, каким должен быть мужчина и какие его качества и поведение можно считать допустимыми. Маскулинность находится в процессе изменения, и новый баланс власти требует более «легких» ее версий, учитывающих ценности, которые раньше считались женскими. Сегодня мужчины берут на себя новые обязанности дома и сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны женщин во всех остальных сферах. Поэтому им приходится приобретать навыки, позволяющие женщинам добиваться успеха в этих сферах, например сотрудничать и выполнять одновременно несколько дел. «На протяжении всей истории человечества женщины поддерживали мужчин. Сейчас женщины вырвались вперед, и мужчинам нужно собраться и делать для самих себя то, что раньше делали для них женщины, которые о них заботились... В будущем мужчины станут

---

<sup>1</sup> См.: Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. С. 236–240.

более целостными и самодостаточными, больше похожими на женщин — особенно на тех, которые ставят перед собой цели, связанные с семьей, работой, жизнью в целом. Мужчины станут более искусными «менеджерами проектов»<sup>1</sup>.

В сложной многоуровневой системе, какой является гендерная идентичность, неизбежно наличие множества вариаций и отклонений от подразумеваемой нормы. Одни люди однозначно принимают свою гендерную идентичность, другие чувствуют себя в ней неуютно. Состояние, когда индивид не может принять свой гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им, называется гендерной дисфорией (греческое слово *dysphoria* означает «непереносимость»). На бытовом уровне, когда физический облик или поведение мальчика или девочки не соответствует гендерным нормам и ожиданиям, это часто называют нетипичным поведением, или гендерной неконформностью (описательный термин, за которым не стоит определенный диагноз)<sup>2</sup>.

Самая глубокая, всеобъемлющая форма гендерной дисфории — трансгендеризм или транссексуализм (первый термин подчеркивает, что речь идет не только о половом/сексуальном, а о гендерном статусе): индивид полностью отвергает свой гендерный статус и добивается его перекодирования, включая соответствующую хирургическую операцию, смену паспортного пола и т. д. В более мягком варианте гендерной дисфории индивид не меняет своего анатомического пола, но в определенных ситуациях нарушает гендерные границы, например путем переодевания (трансвестизм). Наконец, существует множество случаев, когда человек не сомневается в своей гендерной идентичности, но не может «определиться» относительно каких-то ее конкретных аспектов, например сексуальных, и это порождает конфликты в его образе «Я».

Признание плюральности эротического ландшафта в современном мире вовсе не означает безоговорочного принятия всех его форм. Так, гомосексуальность в большинстве обществ имеет клеймо амораль-

---

<sup>1</sup> Зальцман М., Мататиа А., О'Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин. С. 347.

<sup>2</sup> См.: Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М. : Олимп ; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. С. 66.

ности. Одно из проявлений сексуальной революции, заключают исследователи — выход гомосексуализма из тени и даже превращение его (по крайней мере, для части молодежи) в моду<sup>1</sup>. Гомосексуальная идентичность получила возможность для публичного конструирования.

Результаты кростабуляционного анализа (2005 г., г. Иваново, N = 361 студент ИГЭУ)<sup>2</sup> демонстрируют неприязнь большинства опрошенных (60%) к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Судя по полученным ответам, более трети опрошенных (38,9%) считают гомосексуальность результатом личного выбора человека, еще четверть (23,2%) — результатом неправильного воспитания и 16,1% респондентов думают, что гомосексуалами рождаются. Около 11% участников опроса полагают, что гомосексуалы хотели бы изменить свою ориентацию, а 43,8% респондентов думают иначе. Таким образом, большинство опрошенных, по-видимому, считают гомосексуальность не врожденным качеством, а результатом собственного желания и выбора представителей сексуальных меньшинств.

Социологическое исследование молодежной сексуальности в г. Ульяновске (1999 г., N = 1330 человек)<sup>3</sup> установило более толерантные и менее категоричные оценки девушек/женщин относительно гомосексуалистов (3,8% против 2,9% у юношей/мужчин). И если у мужчин преобладает требование социально-культурной изоляции гомосексуалистов (изолировать — 33,3%, принудительно лечить — 28,2%,

---

<sup>1</sup> См.: Григорьева М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе: Теория, методология, методы / ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина». Иваново: ПресСто, 2007; Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007. С. 117–121; Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви ; Омельченко Е. Л. «Жертвы» и/или «насилыники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов ; Омельченко Е. Л. «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 582–608.

<sup>2</sup> См.: Григорьева М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе: Теория, методология, методы. С. 172–174, 186–187; Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополрой любви. С. 51–74.

<sup>3</sup> См.: Григорьева М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе: Теория, методология, методы С. 175, 184–186; Омельченко Е. Л. «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи. С. 596.

убивать — 16,4%; у женщин соответственно — 19, 21,1, 3,6%), то женщины демонстрируют снисходительную жалость к трудным жизненным сценариям «ненатуралов» и говорят об их асексуальности (предоставить право самим решать свою судьбу — 24,9%, не замечать — 14,5%, морально поддерживать — 4,5%; у мужчин соответственно — 10,1, 10,8, 1,6%). Юноши/мужчины терпимее относятся к женским нетрадиционным сексуальным ориентациям (лесбийским или бисексуальным), поскольку считают их временным явлением. Бисексуальные истории жизни, видимо в силу того, что лишены «устрашающей однозначности», притягивают внимание, вызывают любопытство.

Данная тенденция прослеживается и в ответах (2005 г., г. Иваново, N = 361 студент ИГЭУ)<sup>1</sup> на вопросы о возможности гомосексуальных мужчин работать учителями, врачами, преподавателями и продавцами: женщины в большей мере, чем мужчины, готовы принять тот факт, что гомосексуалисты могут быть представителями этих профессий. Однако это ни в коей мере не касается такой профессии, как учитель. Видимо, женщины, несмотря на довольно терпимое отношение к гомосексуалистам, все-таки опасаются возможного «тлетворного» влияния с их стороны на детей. Что касается лесбиянок, то различий во мнениях об их профессиональной занятости между мужчинами и женщинами не наблюдается, что еще раз свидетельствует о том, что лесбиянство в нашем обществе менее стигматизировано.

Главным минусом как для мужчин, так и для женщин в гомосексуализме является вовсе не то, что они не способны к деторождению в своих однополых союзах, а то, что они теряют индивидуальный контроль и индивидуальную власть над своей жизнью. Следовательно, и здесь произошло изменение — главное вовсе не в посягательстве на нормы семейного секса, ведущего к продолжению рода, а в перераспределении властных полномочий в пространстве личных взаимоотношений. Процессы либерализации и социальной интеграции, которые являются важными характеристиками современного общества, предполагают

---

<sup>1</sup> См.: Григорьева М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе: Теория, методология, методы. С. 185.

«дедемонизацию» гомосексуальности и, как следствие, изменение отношения к гомосексуалам со стороны гетеросексуальной части общества. Более того, чем толерантнее общественность относится к людям с нетрадиционной ориентацией, тем выше уровень признаний в гомосексуальных контактах и влечениях среди населения.

Вследствие изменения родительских установок сексуальность становится приемлемым сюжетом внутрисемейного общения, а терпимое отношение взрослых побуждает юношей и девушек принимать на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Вместе с ослаблением сложившихся в массовом сознании гендерных и сексуальных стереотипов, с размыванием традиционных идеалов «крутой» маскулинности происходит переориентация подростковой сексуальности с модели «завоевания» женщины мужчиной на модель коммуникации, переговоров и взаимного согласия. Самоидентификация молодого поколения сопровождается индивидуализацией и плюрализацией гендерных и сексуальных практик. «...Шаг в сторону сексуальной перmissивности был сделан не сейчас, а в 70-х, не нынешней молодежью, которая “подхватила эстафету”, а предыдущим поколением... “Послеоттепельное поколение” разрушило старую нормативную структуру и отделило секс от семьи. Можно назвать этот ценностный сдвиг “бархатной сексуальной революцией”, почти незаметно для современников подточившей одну из опор социального порядка»<sup>1</sup>. Нынешнее поколение лишь продолжило эту тенденцию в гораздо более явной, открытой форме.

Наряду с положительными последствиями выхода на поверхность «любовного андеграунда» могут происходить и негативные тенденции:

– ухудшение современной демографической ситуации, которая может связываться с вариативностью, размыванием привычных норм и ценностей («другие» сексуальные практики, искаженно представляемые властными инстанциями, не воспринимаются как равноценная замена семье, браку, любви);

---

<sup>1</sup> Бочарова О. А. Сексуальная свобода: слова и дела // Человек.1994. № 5. С. 98–102.

– моральные паники, связанные со СПИДом, сексуальной распущенностью современной молодежи, «навязчивой пропагандой гомосексуализма как прямой диверсии Запада», ранними абортами, проституцией;

– дискриминация по признаку нетипичной сексуальности посредством ограничения доступа к образованию, трудоустройству и другим важным ресурсам (и как следствие — самоизоляция, суициды).

Таким образом, конструирование и репрезентация молодыми мужчинами/юношами и молодыми женщинами/девушками жизненного самоопределения осуществляется в жизненном пространстве, основным противоречием которого является наличие традиционного типа отношений и рождение нового типа отношений полов.

Новый тип отношений — отношения свободы, сотворчества, сотрудничества — позволяет молодым мужчинам и молодым женщинам реализовать свою собственную свободу — свободу единения, примирения, гармонии и утверждения целостных (универсальных) форм жизни. Решающим аспектом данных отношений является осознание принципа «равенства в различии», единства как связи (а не тождества): мужчина вносит в мир многообразие изменений, а женщина гармонию, любовь, красоту, целостность. Возможности, открывающиеся для самореализации полов, их сотрудничества и сотворчества помогают подметить характер и формы превращения основных сдвигов в гендерных отношениях.

## Глава 2

### **Предпочтения региональной молодежи в семейно-брачной сфере (опыт социологических исследований)**

#### **2.1. Ценностные ориентации молодежи Ульяновской и Самарской областей в семейной и сексуальной жизни**

Будучи первичным институтом социализации личности, семья определяет основные нормы поведения индивида в зависимости от пола и формирует ценности, связанные с организацией приватной жизни человека в рамках континуума фемининности-маскулинности. В связи с этим она является одним из наиболее активных субъектов гендерной политики, но одновременно предстает как объект этой политики со стороны государственных институтов, СМИ, научных учреждений. Субъектно-объектные позиции семьи не остаются неизменными, они вписаны в определенный исторический контекст, который в современном обществе характеризуется особой динамичностью. Тем фоном, на котором разворачиваются основные «сюжеты» семейной жизни сегодня, являются структурные изменения рынков труда и автономизация финансовых рынков, растущая территориальная мобильность и демографическая модернизация. Все эти процессы выступают по отношению к семье как внешняя сила, вызывающая противоречивые и неоднозначные последствия для ее жизнедеятельности. Причем какие бы оценки ни давались тем или иным факторам социального и экономического воздействия на семью, наиболее влиятельными из них становятся сами темпы происходящих изменений и их наложение друг на друга. Социальные трансформации, охватившие все регионы мира, вызывают широкий спектр адаптивных реакций — с одной стороны, в функционировании семьи актуализируются традиционные механизмы самосохранения,

а с другой стороны, происходит пересмотр ранее существовавших норм внутрисемейных отношений в сторону эгалитарности. В результате семьи переходят в другое эволюционное качество или распадаются. Первый опыт взаимоотношений с другими людьми у молодого человека происходит в контексте семьи. Семья — это арена, на которой происходит изучение и понимание мира; определяющий фактор качественного формирования жизненных установок<sup>1</sup>. Ее непосредственное влияние на жизненное самоопределение молодежи свидетельствует о том, что семья как важнейший элемент общественной структуры обладает определенной самостоятельностью в решении своих внутренних проблем.

Исследовать ценностные ориентации молодежи в семейной и сексуальной сферах было частью социологических исследований<sup>2</sup>:

– «Молодежь в современном обществе» — 2002 г; г. о. Тольятти; N = 1000 человек 14–30 лет; при отборе использовался метод квотной, маршрутной выборки и целевой аудитории;

– «Место и роль молодежи в современном обществе» — 2009 г.; г. о. Ульяновск, г. о. Тольятти, населенные пункты сельского типа Приволжского федерального округа (Ульяновской области, Самарской области); N = 3000 человек 14–30 лет, сегментированных на подгруппы по критериям гендерной принадлежности (юноши/мужчины, девушки/женщины), возраста (время надежд — 14–17 лет, этап формирования собственного пути — 18–24 года и пора получения первых устойчивых результатов — 25–30 лет), территории проживания (центр субъекта РФ — г. о. Ульяновск, крупный город в субъекте РФ — г. о. Тольятти и сельская местность — поселки городского типа, села Ульяновской и Самарской областей).

---

<sup>1</sup> См.: Хэвин П. Современные подростки: социально-психологический подход // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. С. 142–146.

<sup>2</sup> См.: Явон С. В. Молодежь в динамике гендерного пространства в условиях трансформации современного российского общества : монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. С. 198–213 ; Явон С. В. Жизненное самоопределение молодежи : монография / С. В. Явон. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. С. 96–143.

Для исследования была выбрана территория Приволжского федерального округа — Ульяновская область и Самарская область: г. о. Ульяновск — областной центр, по количеству жителей близкий к г. о. Тольятти (крупный город в субъекте РФ), а также сельские поселения в Ульяновской области (Инзенский, Николаевский, Сенгилеевский, Базарносызганский, Радищевский и Ульяновский районы) и Самарской области (Волжский, Ставропольский, Красноярский, Привожский, Шигонский, Сызранский, Хворостянский, Камышлинский, Елховский районы). Выборка составлена с учетом статистических данных о численности населения, в нее вошли и крупные, и средние, и маленькие районы, а также территориальное расположение относительно областного центра и крупного города в субъекте (соответственно). Согласно данным российской статистики, уровень жизни населения Ульяновской области существенно ниже<sup>1</sup>, что позволяет сравнивать положение молодежи в разных социально-экономических условиях. Характеристики молодых людей Ульяновской и Самарской областей отражают общие тенденции ситуации, сложившейся в регионе в последние годы.

Респондентам задавались вопросы об основаниях для создания семьи, о назначении семьи, о главных составляющих семьи, о предпочитаемом разделении труда в семье.

Анализируемые ответы на вопрос о целях в жизни позволяют говорить о значимости семейных отношений в молодежной среде (табл. 1). Так, хорошие отношения в семье занимают третье место в ранжированном ряду жизненных целей 12,1% от всей выборки. Значимость семейных отношений более характерна для девушек — 14,2% (юноши — 10,1%), молодежи 25–30 лет — 13,1% (14–17 лет — 10,4%, 18–24 — 12,3%), городской молодежи — 12,6% (сельская молодежь — 11,2%).

---

<sup>1</sup> См.: Статистические данные численности постоянного населения Самарской области (2009) // Демографический ежегодник Самарской области : стат. сб. / Самарастат. Самара : СОПОМ Самарастат, 2009 ; Социально-экономическая характеристика населения городов Приволжского федерального округа. URL // <http://uisrussia.msu.ru/docs/stat>.

Таблица 1

**Жизненные цели молодежи, %**

Жизненные цели	По всей выборке	Пол		Возраст, лет		
		мужчины	женщины	14–17	18–24	25–30
Высокий заработок, материальное благополучие	19,0	19,5	18,5	18,3	19,0	19,4
Дело по душе, интересная работа	15,0	14,6	15,5	17,3	14,9	13,6
Хорошие отношения в семье	12,1	10,1	14,2	10,4	12,3	13,1

Осознание ценности семьи находит свое отражение на фиксации отрицательного отношения к одинокому жизненному сценарию у 62,3% юношей и 70,2% девушек. Прослеживая динамику, по сравнению с результатами аналогичного исследования 2002 г. относительно большинства тольяттинских юношей и девушек, можно констатировать рост отрицательных оценок одиночества. Приоритет в положительных оценках семь лет назад был характерен для девушек — 35,2% (34,8% юношей), сегодня одиночество более приемлемо для юношей — 35,3% (30,9% девушек). Полученные результаты позволяют предположить, что среди молодых мужчин больше несправляющихся с новыми условиями трансформирующегося российского общества, в связи с чем удобнее быть одному и не нести ответственность за кого-либо.

Более положительное отношение к одиночеству проявляют городские жители и старшая молодежь.

В результате исследования были выявлены важнейшие основания для создания семьи:

- 1) стремление проявить свою заботу и любовь к близкому человеку (21,4% молодых людей и 22,8% девушек);
- 2) желание иметь детей (17,3% молодых людей и 19,6% девушек);
- 3) потребность во взаимопонимании, психологической поддержке, защите (15,2% молодых людей и 18,9% девушек);

Сохраняющаяся тенденция основания создания семьи, выражающаяся в «стремлении проявить свою заботу и любовь к близкому человеку», позволяет говорить о некоторой стабильности и закреплённости современных культурных стереотипов в отношении семейных ценностей. Как и в исследовании 2002 г., причины для создания семьи не изменились. Пересмотренным оказалось лишь «желание почувствовать свою самостоятельность» при создании семьи: снижение значимости у юношей на 2,7%, у женщин на 1,1%. Ситуация детности имеет рост в женских устремлениях. Мужчины все больше характеризуются традиционностью в семейных отношениях. В семье они хотят найти психологическую (увеличение на 2,3%) и материальную поддержку (увеличение на 2,2%). У женщин данные показатели снижаются. Подобное положение вещей скорее говорит о том, что мужская часть молодежи (г. о. Тольятти) не может (или не хочет) выдерживать правила конкурентной игры в зарождающейся рыночной среде, являясь истинными потребителями общества потребления.

Потребность в психологической защите высока среди молодых людей младшей возрастной группы — 18,6%, по сравнению с 15% у представителей молодежи 25–30 лет, у которых она заменяется желанием иметь детей (17,8%). Подобная разница — следствие того факта, что в 14–17 лет юноши и девушки еще сами дети в родительских семьях и помощь, поддержка членов семьи преобладает (также данному возрастному периоду более характерен романтизм в межличностных отношениях). Старшая группа часто уже имеет опыт проживания в своей молодой семье, отсюда потребность почувствовать себя взрослыми, поменять статус «ребенка» на статус «родителя».

Некоторые различия имеются в территориальном местоположении респондентов. Например, для ульяновской молодежи желание иметь детей превалирует над потребностью в психологической защите. Молодежь Тольятти, наоборот, на второе место поставила семейное взаимопонимание, а на третье — желание иметь детей.

Дифференцирующим основанием при создании семьи является скорое рождение ребенка. Молодые женщины в меньшей степени (5,3%), чем молодые мужчины (7,9%) ставят в зависимость рождение

ребенка и начало брачно-семейных отношений. Индустриальное общество впервые в истории снимает давление необходимости иметь в семье как можно больше детей. Впервые для женщин сексуальность оказалась отделенной от постоянного круга беременности и деторождения. Этому во многом способствует и широкое распространение эффективных контрацептивных средств<sup>1</sup>. Контрацептивы освобождают женщин от страха перед нежелательной беременностью. Это означает, что фактическое право предотвращать беременность переходит от мужчины к женщине. Следовательно, увеличивает как ее свободу, так и ответственность. Ответственность проявляется и со стороны мужчины — жениться при возникновении беременности партнерши.

Заинтересованность материальным положением партнера более характерна для девушек — 8,4%. Наличием жилплощади, материальной обеспеченностью будущей жены обеспокоены 7,2% молодых мужчин. Субъективными причинами данных устремлений девушек могут выступать корыстная мотивация, желание обеспечить настоящее и будущее своим детям. Объективной детерминантой выступает сложившаяся уязвимость на рынке труда: маргинализация женской рабочей силы, тенденции к феминизации нищеты и безработицы, формирование особого рынка женской рабочей силы, характеризующегося более низкой по сравнению с мужчинами оплатой труда, ограниченным набором профессий, горизонтальной профессиональной мобильностью.

На создание семейно-брачных отношений влияют ближайшее окружение, распространенные стереотипы. Воздействию извне более подвержены юноши/мужчины — 18,2% (девушки/женщины — 15,3%). Их выбор обусловлен сложившейся традицией (рано или поздно все должны жениться), желанием не остаться неженатым, стремлением ответить на ожидания родственников и повысить уважение в глазах окружающих. Традиционное оказалась и старшая молодежь (табл. 2, стр. 68).

---

<sup>1</sup> См.: Анурин В. Ф. Сексуальная революция // Социологические исследования. 2000. № 9. С. 88–95.

Таблица 2

## Основания для создания семьи, %

Основания для создания семьи	По всей выборке	Пол		Возраст, лет			Территория			
		мужчины	женщины	14-17	18-24	25-30	г.о. Ульяновск	г.о. Тольятти	Села Ульяновской обл.	Села Самарской обл.
Сложившаяся традиция, что все должны вступать в брак	7,8	<b>9,3</b>	6,3	6,6	7,6	<b>8,9</b>	<b>8,7</b>	6,4	8,1	8,6
Желание остаться незамужней (неженатым)	3,3	2,9	<b>3,7</b>	<b>4,0</b>	3,2	3,1	4,0	3,1	3,1	2,9
Стремление повысить уважение в глазах окружающих	2,5	<b>3,3</b>	1,8	<b>2,9</b>	2,4	2,4	2,8	1,8	2,7	3,1
Стремление ответить на ожидания родственников	2,1	<b>2,7</b>	1,5	1,2	1,9	<b>2,8</b>	2,5	2,0	1,5	1,8

Ассоциация семейной жизни с удовлетворением важнейших эмоционально-психологических потребностей проявляется и в утверждении, что «семья — это теплота, понимание, взаимная психологическая поддержка» — 34% юношей и 44,8% девушек. По своей значимости это стоит на первом месте (39,3% от общей выборки). Причем этот показатель стоит на первом месте с большим отрывом от других показателей (особенно у девушек), демонстрируя, что то место, которое отводится современной молодежью взаимопониманию в семейных отношениях, является не просто лидирующим, а что оно рассматривается как непереносимое условие счастливой семьи, к которому другие показатели могут присоединяться с разной степенью частоты.

На второе место респонденты поставили утверждение, что «семья приносит человеку наибольшее удовлетворение в жизни»: 11,9% от общей выборки, из которых 12,6% молодых мужчин и 11,3% девушек. 12,7% молодых женщин предполагают, что именно в семье человек может быть самим собой. Для представителей

сильной половины на третьем месте стоит выбор «дети, их воспитание» — 13,4%. За семь лет (г. о. Тольятти, 2002 г., 2009 г.) ценность семьи возрастает (табл. 3), а значимость детей в семейных отношениях имеет тенденцию снижения.

Таблица 3

**Динамика представлений о семье, %**

Семья — это...	Исследование 2002 г.			Исследование 2009 г.		
	В целом по выборке	Мужчины	Женщины	В целом по выборке	Мужчины	Женщины
Теплота, понимание, взаимная психологическая поддержка	54,2	44,8	63,6	44,2	38,9	49,7
Семья — место, где человек может быть самим собой	12,1	12,4	11,8	14,6	15,0	14,2
Именно семья приносит человеку наибольшее удовлетворение	7,7	8,2	7,2	11,6	10,5	12,8
Благодаря семье человек может достичь того, к чему стремится	7,6	9,2	6	9,7	10,5	8,9
Дети, их воспитание	7,3	10,6	4	6,6	7,1	6,1

Анализ ответов разных возрастных групп вносит следующие коррективы. Если для младшей и старшей групп четко можно определить три лидирующие позиции, связанные как с ожиданиями от будущей семейной жизни, так и с опытом существования в своей родительской или молодой семье, то средняя возрастная группа (18–24 года) вкладывает три равнозначных утверждения. Определение семьи как средства достижения своей цели (10,8%), как приносящее наибольшее удовлетворение в жизни (10,7%) и возможности воспитать детей (10,7%) — все это следствие переживания переходного этапа, когда создается новая семья, но большое влияние продолжает оказывать семья родителей. Интересным оказался тот факт, что для тольяттинской молодежи по сравнению с ульяновской менее характерна ассоциация семьи с деторождением: 9,7 и 13,4% соответственно.

Кроме того, сельская молодежь имеет более потребительское отношение к семье, чем городская: 12,5% считают, что «только благодаря семье человек может достичь своей цели», в городе показатели ниже: 8,8% — Ульяновск, 6,6% — Тольятти.

Первостепенность стремления проявить свою заботу и любовь к близкому человеку как основание при создании семьи коррелирует с полученными ассоциациями, возникающими при слове «семья». Большинство респондентов назвали «любовь» (16,6%), «счастье» (11,6%) и «доверие» (10,6%). Значимых расхождений по первым двум позициям не отмечено: молодые люди и девушки главными ценностями считают в семейных отношениях любовь (15,9% — 17,3%) и счастье (11,6% — 11,7%). 11,4% молодых мужчин отметили пункт «покой и уют», а 11,1% девушек предпочитают в семье доверие (третья позиция). Таким образом, предпочтения как юношей, так и девушек более связаны с аффективной поддержкой, а не с функцией материнства/отцовства, т. е. семья является психологическим убежищем от общественных потрясений для обоих полов.

Среди ответов юношей/мужчин зафиксированы более неодобрительные представления о семье. Семья — это:

– «наиболее уязвимое место в личной судьбе человека» — 4,5% (2,1% девушек);

– «потеря личной свободы и своей индивидуальности» — 4,9% (2,3% девушек);

– «монотонный, ненужный и неинтересный домашний труд» — 2,0% (0,9% девушек);

– «проблемы» — 2,4% (1,2% девушек) и «конфликты» — 1,0% (0,7% девушек).

Возможно эти тенденции объясняются большим традиционализмом их гендерной социализации: девушки с возрастом приобретают все более оформленную семейную идентичность, в то время как юноши, оставив позади идеализированный детский образ семьи, более склонны к формированию внесемейной социальной идентичности — профессия, карьера. Отрицательные оценки института семьи,

нежелание воспитывать детей проецируют положительное отношение к одинокому жизненному сценарию и отрицательное социальное самочувствие.

С возрастом у молодых людей в представлениях о семье появляется такое понятие как «дети» (10,8%), и стремление к семейному уюту (11%), что менее выражено у младшей и средней возрастных групп. Также для сельской молодежи свойствен традиционный семейный уклад, о чем свидетельствует 11,3% выборов в пользу ассоциации семьи с детьми. В городе это 8,7% — Ульяновск и 10,3% — Тольятти.

В методике спонтанных ассоциаций, связанных с понятием «семья», кроме прочего содержится вопрос, предполагающий поочередное перечисление лиц, составляющих семью. В этом случае методика рассчитана на автоматическую реакцию, в которой должна выявиться наиболее распространенная иерархия ролей и отношений, характерная для определенной культурной модели<sup>1</sup>. Перечисление членов семьи молодые люди и девушки начинают с мужа — 25,6%, затем жена — 25,2%, следующие дети — 24,0%. Отношения «родители — дети» не являются ведущими в становлении молодой семьи. Можно заметить, что супружеские отношения имплицитно предполагают скорее мужское первенство. Это яркая иллюстрация влияния государственной традиции, выстроенной вокруг фигуры мужа.

Выявление идеального или предпочитаемого разделения домашнего труда в браке производилось в отношении следующих семейных занятий: 1) ведение домашнего хозяйства, 2) зарабатывание денег, 3) распределение семейного бюджета, 4) воспитание детей, 5) уход за родителями, 6) ремонт дома и организация семейного отдыха<sup>2</sup>. Как возможные были предложены следующие варианты ответа о том, кто должен это делать: жена, муж, оба партнера. При анализе данных по всем шести семейным занятиям выявлены

<sup>1</sup> См.: Курильски-Ожвэн Ш. Семья, равенство, свобода: модели права и индивидуальные представления подростков Франции и России // ОНС. 1996. № 2. С. 61–71; Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М., 1996.

<sup>2</sup> См.: Рассадина Т. А. Традиционные ценности русской культуры // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 44–56.

предпочтения их равного выполнения у девушек (соответственно: 67,8; 59,4; 68,8; 72,8, 90,3; 53,4; 83,3%). Аналогичного равноправия по выполнению семейных задач в мужских предпочтениях не наблюдается. Разделяемые виды труда среди супругов — домашнее хозяйство и зарабатывание денег. Большинство юношей/мужчин считают, что ведение домашнего хозяйства — это в основном роль жены — 54,6%, а выполнять функцию основного добытчика и «кормильца» в семье должен муж — 50,1%.

Таким образом, молодые люди имеют установки на традиционный тип семейных отношений в быту, девушки же склоняются к эгалитарному типу, т. е. хотят делить все обязанности поровну.

Молодежь Самарской области характеризуется более либеральным восприятием разделения труда в браке по сравнению с городской и сельской молодежью Ульяновской области. Данная тенденция увеличивается в течение последних семи лет (2002–2009 гг.) — тольяттинские юноши и особенно девушки все больше стремятся к уменьшению специализации в браке.

В реальной жизни нормативность эгалитарной модели отношений в семье наблюдается в малой степени. Домашний труд гендерно маркированный как женский, имеет большое символическое значение в обществе. Это одновременно производство и гендера, и существующей структуры гендерных отношений в обществе. Семейный статус женщины по-прежнему определяется статусом домашней хозяйки и воспитательницы детей. Новое сегодня в том, что девушки/женщины вторгаются в сферу деловой активности быстрее и охотнее, чем молодые люди/мужчины в область домашнего хозяйства. Наблюдения показывают, что на фоне «общей социальной трансформации» женщины стали чаще подвергать сомнению традиционное распределение ролей в семье и добиваться нового гендерного уклада, основанного на равных возможностях в труде и общественной жизни. Социально-культурные нормы, «исповедуемые» конкретной семьей в большей степени влияют на распределение домашнего труда, чем зарплата женщин или объем рабочего времени. Увеличиваю-

щиеся вложения в женский человеческий капитал и изменение норм социализации мальчиков и девочек приводит к более равному распределению домашнего труда между мужчинами и женщинами<sup>1</sup>.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что общественные противоречия способствуют консервации у юношей/мужчин традиционного культурного идеала гендерных отношений в семье, но эти же противоречия толкают девушек/женщин на поддержание эгалитарного типа семьи.

Гендерно-сексуальное самоопределение молодежи происходит внутри пространства, для которого характерны новые ценностные и нормативные измерения. Следуя М. Фуко, важно рассматривать сексуальное поведение как эволюционирующий феномен, чьи значения и истины являются частью продолжающегося производства социальной реальности, а также значимым фактором конструирования современных представлений о человеке в целом<sup>2</sup>. Гендерная и сексуальная идентификация является в определенном смысле стержнем взросления<sup>3</sup>, которое предполагает наличие сексуальной культуры, т. е. ответственности за новую будущую жизнь.

Значимость сексуальности для молодежи проявляется в ответах респондентов относительно целей в жизни. «Удовлетворенность в любви, интимной жизни» занимает пятую позицию в ранжированном ряду жизненных целей как у юношей — 6,5%, так и у девушек — 6,5%. А также более значимо для городской молодежи 7,2% (для 4,8% сельской молодежи). Тольяттинские юноши/мужчины и девушки/женщины все больше уделяют внимание гармоничным сексуальным отношениям (г. о. Тольятти, 2002 г., 2009 г.). Проблемы секса в ряду жизненных неурядиц более беспокоят юношей (2,9%), чем девушек (1,2%), молодежь до 18 лет, сельскую молодежь (табл. 4, стр. 76).

---

<sup>1</sup> См.: Калабихина И. Гендерный фактор в воспроизводстве человеческого капитала // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 171–183.

<sup>2</sup> См.: Омельченко Е. Л. «Жертвы» и/или «насилники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов. С. 238.

<sup>3</sup> См.: Омельченко Е. Л. «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи. С. 585–586.

Среди различных характеристик сексуального поведения особенно выделяют возраст начала половой жизни<sup>1</sup>. Если олицетворением мужественности для большинства мужчин выступает сексуальность, то для большинства юношей начало сексуальной жизни ассоциируется с взрослостью. Стремление скорейшего обретения взрослого статуса стимулирует сексуальную активность молодежи, которая имеет явную тенденцию к омоложению (табл. 5, стр. 76).

Начало сексуальных отношений молодых мужчин определяется юношами и девушками между 17 и 18 годами (41,4 и 48,3% соответственно). Сексуальный дебют у молодых женщин (табл. 6) так же колеблется, по мнению юношей и девушек, между 17–18 годами (52,2 и 50,4% соответственно).

Молодые люди более позитивно, чем девушки, относятся к преждевременному началу половой жизни (до 14 лет) для юношей — 5,7 и 1,8% и для девушек — 3,2 и 0,2% (в целом 3,7 и 1,7%). Результаты же исследования 2002 г. в Тольятти указывали на более ранний возраст сексуального дебюта у юношей — между 15 и 16 годами. Тенденция «взросления» начала половой жизни для молодых людей, возможно, стала следствием государственной социальной политики, направленной на профилактику ранних абортов, венерических заболеваний у молодежи, а также СПИДа, наркомании и алкоголизма. Социальная реклама и пропаганда необратимых последствий, вероятно, заставляет задуматься молодежь и пересмотреть свою сексуальную жизнь в сторону ответственности и безопасности.

Показатели, характеризующие отношение к сексуальному дебюту, свидетельствуют о соответствии молодежи существующему стереотипу: сексуальное развитие мальчиков — это естественное развитие<sup>2</sup>. Толерантность к проявлениям подростковой мальчиковой сексуальности демонстрируют как юноши, так и девушки (особенно до 18 лет). Это подтверждается при сравнении показателей раннего начала половой жизни (до 16 лет) для молодых мужчин и молодых женщин:

<sup>1</sup> См.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи.

<sup>2</sup> См.: Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. С. 119.

юноши одобряют сексуальный дебют до 16 лет как для себя — 39%, так и для девушек — 19,6%; девушки более положительно относятся к ранней сексуальной активности юношей — 28,4%, чем к своей собственной — 10,7%. В отношении молодежи к сексуальному дебюту сохраняется двойной стандарт: юноши вообще терпимее девушек, и оба пола терпимее к юношам, чем к девушкам.

Более раннее начало половой жизни юношей подтверждается и их весьма положительным/положительным отношением к сексуальным связям до брака — 29,7%/38,7% (для девушек характерно — 13,7%/33,3%). Также высока доля одобрительных ответов юношей и девушек по поводу совместной жизни без регистрации брака — 36,6 и 37,7%.

В подавляющем большинстве случаев брачный союз давно уже не предшествует сексуальной близости, а закрепляет ее. Сексуальная удовлетворенность и общая удовлетворенность браком взаимопереплетаются. Данные свидетельствуют об осознанном и ответственном подходе молодежи к созданию семьи. Но в то же время совместная жизнь без регистрации брака снимает ряд обязанностей друг перед другом, сохраняет возможность более легкого «отступа» (без юридических проблем, формальностей). Индивидуализм предполагает не только полную ответственность за свой выбор и свою жизнь, но и облегчение бремени ответственности за чужую.

Сопоставление мнения юношей и девушек о различных формах сексуальных отношений и абортах позволяет констатировать неодобрительное отношение к внебрачным сексуальным связям супругов — 29,5 и 37,9%, абортам — 27,9 и 31,7% и сексуальным связям помимо постоянного партнера (31,2 и 43,5%).

Выявлен диссонанс как расхождение представлений о случайных сексуальных связях. Большинство юношей (29,8%) не осуждают и не оправдывают данную форму сексуальных отношений, девушки же относятся отрицательно — 38%. Различия во мнениях проявляются в более либеральном отношении девушек к женскому (31,4%) гомосексуализму — не осуждают и не оправдывают гомосексуальные

Таблица 4

## Отношение молодежи к проблемам в сексуальной сфере, %

Жизненные проблемы	Пол		Возраст, лет			Территория				
	Мужчины	Женщины	14-17	18-24	25-30	г. о. Ульяновск		г. о. Тольятти		
						Села Ульяновской области	Села Самарской области	Села Самарской области	Населенные пункты сельского типа в целом	
Проблемы секса	2,9	1,2	3,6	2,1	1,2	2,3	1,5	2,8	2,3	2,4

Таблица 5

## Возраст начала половой жизни для юношей, в %

Возраст, лет	Пол		Возраст, лет			Территория				
	Мужчины	Женщины	14-17	18-24	25-30	г. о. Ульяновск		г. о. Тольятти		
						Населенные пункты сельского типа Ульяновской области	Населенные пункты сельского типа Самарской области	Населенные пункты сельского типа Самарской области	Населенные пункты сельского типа в целом	
До 14	3,7	5,7	1,8	5,2	3,0	2,5	4,9	3,3	4,1	3,8
15-16	30,0	26,6	34,8	31,9	24,1	23,0	37,3	28,6	30,3	29,7
17-18	44,8	41,4	48,3	44,8	47,1	45,8	43,3	49,2	43,3	45,4
19-21	16,3	14,7	18,0	13,7	20,3	19,6	12,9	13,6	18,2	16,5

Возраст, лет	По всей выборке		Пол			Возраст, лет				Территория			
	Мужчины	Женщины	14-17	18-24	25-30	г.о. Ульяновск	г.о. Тольятти	Населенные пункты сельского типа Ульяновской области	Населенные пункты сельского типа Самарской области	Населенные пункты сельского типа в целом			
22-25	3,6	3,5	3,7	4,0	3,1	4,0	5,5	1,4	3,6	4,1	3,9		
Позднее	1,5	1,4	1,6	0,7	1,9	1,5	3,6	0,2	1,7	0,2	0,7		

Таблица 6

### Возраст начала половой жизни для девушек, %

Возраст, лет	По всей выборке		Пол		Возраст, лет				Территория			
	Мужчины	Женщины	14-17	18-24	25-30	г.о. Ульяновск	г.о. Тольятти	Села Ульяновской области	Села Самарской области	Населенные пункты сельского типа в целом		
До 14	1,7	3,2	0,2	3,4	1,1	1,6	1,9	2,2	1,3	1,6		
15-16	13,5	16,4	10,5	19,9	12,3	10,4	15,4	15,6	14,4	14,8		
17-18	51,3	52,2	50,4	49,9	52,5	48,3	55,1	51,4	50,2	50,6		
19-21	27,2	22,5	32,0	20,8	27,9	29,0	25,3	24,7	28,8	27,3		
22-25	5,2	4,9	5,4	4,7	5,0	8,7	2,1	4,4	4,8	4,7		
Позднее	1,1	0,7	1,4	1,3	0,9	2,0	0,2	1,7	0,6	1,0		

отношения. Отношение к гомосексуальности меняется по мере изменения в целом дискурса сексуальности: от мифов и стигматизации — к пониманию, поддержке и признанию. Молодые люди негативнее оценивают мужской гомосексуализм (50,3%), чем женский (35,6%).

Сравнительный анализ эмпирических данных исследований тольяттинской молодежи 2002 г. и 2009 г. говорит о некотором увеличении отрицательных оценок внебрачных сексуальных связей супругов, сексуальных связей помимо постоянного партнера, случайных сексуальных отношений, мужского и женского гомосексуализма и аборт. Замечено, что среди положительных оценок гомосексуальных отношений динамика роста свойственна респондентам-юношам. На фоне одобряемой гетеросексуальности в ходе трансформации гендерных отношений выработался такой важный элемент сексуальной культуры, как нормализация гомосексуальности, связанная с ростом социальной толерантности, ослаблением гендерной биполярности и эмансипацией сексуальности от репродукции.

Только по двум из предложенных позиций — сексуальные связи до брака и совместная жизнь без регистрации брака — юноши/мужчины и девушки/женщины отзываются более положительно, чем семь лет назад (табл. 7). Это подтверждает тенденцию увеличения значимости для современной молодежи гармоничных супружеских отношений в гендерном пространстве в условиях трансформации российского общества.

Таким образом, половое поведение молодежи характеризуется следующим:

- юноши раньше, чем девушки, вступают во взрослую жизнь;
- девушки предпочитают более либеральные сексуальные установки, чем юноши;
- значительная часть молодежи предпочитает юридически не оформлять совместную жизнь.

Вследствие изменения родительских установок сексуальность становится приемлемым сюжетом внутрисемейного общения, а терпимое отношение взрослых побуждает юношей и девушек принимать

Таблица 7

**Динамика восприятия различных форм  
сексуальных взаимоотношений, %**

Отношения	Исследование 2002 г.			Исследование 2009 г.		
	В целом по выборке	Мужчины	Женщины	В целом по выборке	Мужчины	Женщины
<b>Сексуальные связи до брака</b>						
Весьма положительно	29,8	38,8	20,8	26,9	35,1	18,5
Положительно	34	32,8	35,4	39,5	40,4	38,5
Не осуждаю и не оправдываю	30	22,4	37,6	28,9	20,5	37,5
Отрицательно	2,9	2,6	3,2	2,6	3,2	2,0
Весьма отрицательно	1,4	1,2	1,6	1,5	0,6	2,4
Затрудняюсь ответить	1,8	2,2	1,4	0,6	0,2	1,0
<b>Совместная жизнь без регистрации брака</b>						
Весьма положительно	17,4	17,2	17,6	12,5	13,6	11,4
Положительно	<b>37,5</b>	<b>33,6</b>	<b>41,4</b>	<b>38,8</b>	<b>39,5</b>	<b>38,1</b>
Не осуждаю и не оправдываю	27,2	27,4	27	33,2	31,6	34,9
Отрицательно	10,2	13	7,4	8,9	8,3	9,5
Весьма отрицательно	3,4	4,8	2	3,8	4,5	3,0
Затрудняюсь ответить	4,3	4	4,6	2,7	2,4	3,0

на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Вместе с ослаблением сложившихся в массовом сознании гендерных и сексуальных стереотипов, с размыванием традиционных идеалов «крутой» маскулинности происходит переориентация подростковой сексуальности с модели «завоевания» женщины мужчиной на модель коммуникации, переговоров и взаимного согласия. Самоидентификация молодого поколения сопровождается индивидуализацией и плюрализацией гендерных и сексуальных практик. «...Шаг в сторону сексуальной перmissивности был сделан не сейчас, а в 70-х, не нынешней молодежи, которая «подхватила эстафету», а предыдущим поколением... «Послеоттепельное поколение» раз-

рушило старую нормативную структуру и отделило секс от семьи. Можно назвать этот ценностный сдвиг «бархатной сексуальной революцией», почти незаметно для современников подточившей одну из опор социального порядка»<sup>1</sup>. Нынешнее поколение лишь продолжило эту тенденцию в гораздо более явной, открытой форме.

Наряду с положительными последствиями выхода на поверхность «любовного андеграунда» могут происходить и негативные тенденции:

– ухудшение современной демографической ситуации, которая может связываться с вариативностью, размыванием привычных норм и ценностей («другие» сексуальные практики, искаженно представляемые властными инстанциями, не воспринимаются как равноценная замена семье, браку, любви);

– моральные паники, связанные со СПИДом, с сексуальной распущенностью современной молодежи, с «навязчивой пропагандой гомосексуализма как прямой диверсии Запада», с ранними абортными, с проституцией;

– дискриминация по признаку нетипичной сексуальности посредством ограничения доступа к образованию, трудоустройству и другим важным ресурсам (и как следствие — самоизоляция, суициды).

Таким образом, как показало проведенное исследование, начинает угасать двойная мораль — гусарская для мужчин, монашеская для женщин; меньше становится невежества и предрассудков; изменяются стереотипы восприятия сексуальных отношений. Превалирующим способом сексуального поведения в настоящее время являются традиционные гетеросексуальные моногамные отношения. Остальные формы удовлетворения полового влечения еще воспринимаются как «прогрессивные», но уже не оцениваются обществом как «отклонение от нормы». Более того, происходит их поступательная легализация.

Высоко оценивая индивидуализацию и плюрализацию жизненных форм и стилей жизни (гендерных и сексуальных практик), нельзя не сказать о значимости духовного начала человека, так как личность обретает себя через акт духовного самоопределения, с обретением смыс-

---

<sup>1</sup> Бочарова О. А. Сексуальная свобода: слова и дела // Человек. 1994. № 5. С. 106.

ла жизни, определением своего жизненного пути, обращением к себе, в формировании нравственных отношений с тем, кто ее окружает, соединяющих в целостное единство личное и общественное. В этом отношении конкретные проявления человеческой сущности выступают творческими актами духовного самоопределения, а способность к самоопределению — важнейшим свойством человеческой личности. Только органическое единство материального и духовного аспектов жизненных сил человека обеспечивает подлинную субстанциональность целостного бытия, позволяет рассматривать человека как *causa sui*, как сложную самоорганизующуюся и самовоспроизводящуюся систему.

Жизненное самоопределение молодежи в условиях трансформации российского общества напрямую зависит от духовно-нравственного состояния личности. Так, благодаря духовности и наполненности любовью как высшим гармонизирующим чувством (чувство любви в широком плане означает разные ее формы и проявления: сексуальную любовь, любовь к родным и близким в семье, любовь к детям, добросердечность и любовь к людям, любовь к труду, к творчеству — в искусстве, науке, мастерстве и т. п., любовь к Богу как высшей мировой гармонии, любовь к Родине (патриотизм), к животным, растениям, к природе в целом и т. д.) человек ощущает мощный прилив жизненных сил, толчок к достижениям в разных видах деятельности. Любовь — это самое сжатое, самое сгущенное воплощение всех человеческих сил — физических и духовных. Счастлив тот, кто способен любить и любит.

## **2.2. Семья и брак в предпочтениях молодежи Оренбургской области**

Отношение к семье и браку каждого поколения отражает черты времени и психологии людей, несет отпечаток условий жизни и нравственно-эстетических принципов, сложившихся в данном обществе. В зависимости от воспитания, условий проживания, семейных традиций и т. п. у людей формируется определенное отношение к различным явлениям,

а также создается образ той семьи, которую каждый человек создает для себя. В последние годы традиционная форма брака часто заменяется на иные формы отношений между людьми. Такое явление быстро распространяется в основном в странах Европы и США. В России же часто перенимаются западные тенденции, таким образом, меняя само общество и демографическую ситуацию. На примере проведенного социологического исследования можно выявить, насколько актуальна в нашей стране традиционная семья со всеми ее особенностями (появление альтернативных форм брачно-семейных отношений, упрощение процедуры расторжения брака, увеличение числа детей, родившихся вне брака, ослабление родственных семейных связей, изменение состава семьи).

Исследовать предпочтения молодежи в семейно-брачных и сексуальных отношениях было частью социологического исследования «Молодежь Оренбургской области» (февраль — март 2018 г.; N = 420 человек в возрасте 18–35 лет, анкетирование).

Для респондентов было предложено 16 выборов жизненно важных целей с выделением первой, второй и третьей степени значимости. По всей выборке на первом месте стоит «высокий заработок, материальное благополучие» — 58,9%, на втором месте — «дело по душе, интересная работа» — 44,2%, на третьем — «хорошие отношения в семье» — 38,7% (табл. 8). Наиболее актуальная проблема для участвующей в опросе молодежи — это нехватка денег. Как следствие, на первое место у молодых людей вышла цель — высокий заработок и материальное благополучие. Но, как показали результаты исследования, молодежь волнует решение не только насущных материальных проблем. Важным остается нахождение своего места в жизни, реализация своих мечтаний и взаимоотношения в семье.

На вопрос: «В каком возрасте лучше всего вступать в брак?» — 85,7% респондентов указали возраст от 20 до 30 лет; 9,0% выбрали возраст от 30 лет и старше; 5,2% не считают нужным вступать в брак. При этом из числа опрошенных состоят в браке 42,8%, большинство из которых зарегистрировали отношения в возрасте от 20 до 30 лет. 50,9% ответили, что еще не замужем/не женаты, 6,2% не собираются вступать в брак.

Таблица 8

**Жизненные цели молодежи, %**

№ п/п	Жизненные цели	По всей выборке
1	Высокий заработок, материальное благополучие	58,9
2	Дело по душе, интересная работа	44,2
3	Хорошие отношения в семье	38,7
4	Хорошие, верные друзья	30,4
5	Удовлетворенность в любви, интимной жизни	19,0
6	Возможность поехать по миру	16,7
7	Душевное равновесие	15,3
8	Свое дело, успех в предпринимательстве	11,6
9	Самостоятельность, свобода	10,8
10	Знакомства, связи, возможность все достать	8,5
11	Возможность проявить себя, свои способности	7,9
12	Профессионализм, мастерство	8,8
13	Нетрудная работа, спокойная жизнь	8,4
14	Уверенность в безопасности	6,6
15	Признание окружающих, слава	5,9
16	Власть, возможность командовать людьми	3,5

Главной причиной вступления в брак 67,1% респондентов считают любовь. Остальные варианты были выбраны значительно реже. Например, ради рождения детей вступили бы в брак 14,7% людей, 6,9% выбрали причину «потребность в заботе о ком-либо», 5,9% ответили, что основная причина заключения брака — боязнь одиночества. Самыми непопулярными вариантами (по 2,2%) стали «материальное благополучие» и «нежелание жить с родителями».

Оптимальным возрастом для рождения детей 54,0% опрошенных считают возраст от 25 до 30 лет, 36,2% — от 20 до 25 лет. Остальные 9,7% выбрали вариант «от 30 лет и старше».

Большинство респондентов (67,1%) определяют оптимальное количество детей в современной семье — два ребенка. Поровну были выбраны варианты один и трое детей. Интересно, что никто не выбрал вариант более трех детей.

У большинства опрошенных нет детей, у 15,9% есть один ребенок, у 13,6% — двое детей, у 5,9 — более двух детей. На вопрос: «Если у вас нет детей, то ответьте, почему?» — 40,0% респондентов ответили, что еще не нашли подходящего партнера, по 17,9% — «нет собственного жилья» и «нет материальной базы», 12,4% — не считают себя достаточно зрелыми, 8,1% — не считают нужным заводить детей и 2,1% — не любят детей.

Далее были заданы вопросы о конфликтах и ссорах в семье. Большинство молодых мужчин и женщин ответило, что не испытывает никаких проблем и в их семье нет конфликтов. 20,0% опрошенных испытывают жилищные и материальные проблемы, 8,1% выбрали вариант «проблемы со здоровьем кого-то из членов семьи», 6,2% испытывают проблемы в интимных отношениях. Наименьшее число респондентов выбрали варианты «проблемы в отношениях с детьми» и «проблемы с зависимостью одного из членов семьи».

Из числа тех, у кого есть ссоры в семье, 25,9% указали причину «непонимание членами семьи друг друга», по 8,2% приходится на варианты «неуважительное отношение кого-то из членов семьи» и «проблемы во взаимоотношениях с родителями супруга/супруги». Также одинаковое количество респондентов (6,9%) выбрали варианты «злоупотребление алкоголем кем-то из членов семьи» и «разногласия по поводу распределения семейного бюджета».

Далее были заданы вопросы, касающиеся отношения молодых мужчин и женщин к различным феноменам, таким как, сожительство людей без официальной регистрации брака и рождение детей в этих условиях, рождение детей девушками несовершеннолетнего возраста (табл. 9), заключение брачного контракта, а также альтернативные формы брака.

Большинство молодежи относится к сожительству без официальной регистрации брака нейтрально, к рождению детей вне брака и несовершеннолетнему материнству — отрицательно.

Заключение брачного контракта (соглашение супругов, определяющее их имущественные права и обязанности) одобрили 39,5% респондентов, 21,9% — не поддержали оформление договора и 38,6% —

не знают, как поступить. При этом 51,2% молодежи не считает заключение брачного контракта признаком недоверия, 25,9% ответили, что считают, 22,8% — затрудняются с ответом.

Таблица 9

**Отношение молодежи к сожительству  
без официальной регистрации брака,  
рождению детей вне брака, несовершеннолетнему материнству, %**

Отношение	Соительство без официальной регистрации брака	Рождение детей вне брака	Рождение детей несовершен- нолетними девушками
Положительно	15,9	7,1	1,2
Скорее положительно	6,9	1,2	0,7
Нейтрально	41,2	34,2	19,3
Скорее отрицательно	20,0	28,1	30,7
Отрицательно	15,7	28,8	47,9

Молодым мужчинам и женщинам был задан вопрос об отношении к следующим формам брака: фиктивный, однополый, открытый, свингерство, Годвин-брак, девственный брак, сезонный, коммунальный, брак *Childfree* и брак по расчету. Были даны четыре варианта ответа: не слышал(а) о таком, положительное, нейтральное и отрицательное (табл. 10).

Таблица 10

**Отношение к альтернативным формам брака, %**

Альтернативные формы брака	Отношение			
	Не слышал(а) о таком	Положи- тельное	Нейтраль- ное	Отрица- тельное
Фиктивный брак	0,2	9,0	47,9	42,8
Однополый брак	0,2	3,8	14,0	81,9
Открытый брак	0,5	2,2	16,9	80,5

Альтернативные формы брака	Отношение			
	Не слышал(а) о таком	Положительное	Нейтральное	Отрицательное
«Свингерство»	1,7	0,2	12,1	85,9
Годвин-брак	5,9	1,7	30,7	61,7
Девственный брак	4,0	0,2	22,4	73,3
Сезонный брак	5,9	0,2	25,7	68,1
Коммунальный брак	4,2	0,2	9,8	85,7
Брак <i>Childfree</i>	2,2	2,9	33,1	61,7
Брак по расчету	0,2	8,1	44,3	47,4

К фиктивному браку большинство респондентов относятся нейтрально — 47,9%, 42,8% — отрицательно, а 9,0% — положительно.

К однополому браку 81,9% относятся отрицательно, 14,0% — нейтрально, 3,8% — положительно.

Открытый брак (когда супруги допускают половые связи с другими людьми) 80,5% оценивают отрицательно, 16,9% относятся к нему нейтрально, 2,2% — положительно, 0,5% не слышали о такой форме брака.

«Свингерство» (участие обоих супругов в половой связи с другими парами) 85,9% оценивают отрицательно, 12,1% относятся к этому нейтрально, 1,7% не слышали о таком.

Отношение к браку, при котором супруги живут отдельно, но при этом владеют общим имуществом (Годвин-брак) несколько другое: 61,7% относятся к нему отрицательно, 30,7% — нейтрально, 5,9% не слышали о таком браке, 1,7% — положительно.

К виргинальному, т. е. девственному браку, 73,3% опрошенных относятся отрицательно, 22,4% — нейтрально, 4,0% ответили, что не слышали о такой форме брака.

5,9% из числа опрошенных никогда не слышали о сезонном браке, который закрепляется на определенный временной срок, 25,7% относятся к нему нейтрально, 68,1% — отрицательно.

4,2% респондентов не слышали о коммунальном браке — семье, состоящей из нескольких мужчин и женщин, связанных общим бытом, половыми связями и воспитанием детей. 9,8% из опрошенных относятся к такой форме брака нейтрально, подавляющее большинство (85,7%) относятся к такому браку отрицательно.

Большинство респондентов отрицательно относятся к бездетному браку (*Ghildfree*) — 61,7%. 33,1% относятся к нему нейтрально, 2,2% о таком не слышали, а 2,9% относятся к нему положительно.

К браку по расчету около половины относится нейтрально — 44,3%, 8,1% — положительно, 47,4% — отрицательно.

В молодежной среде не происходит создание альтернативных, нетрадиционных сценариев, что коррелирует с сексуальным поведением. Результаты исследования в аспекте молодежной сексуальности позволяют констатировать следующее:

- равноправная инициация ухаживаний и сексуальных действий (это проявляется чаще, когда отношения между партнерами становятся доверительными и стабильными) — как со стороны молодых мужчин (41,2%), так и со стороны молодых женщин (38,6%);

- для девушек определяющую роль в качестве мотивов вступления в сексуальные отношения играет любовь (68,9%), эмоциональная близость (54,2%) и обязательства (38,7%), в то время как молодые люди отмечают потребность в удовольствии (72,2%), сексуальном влечении (63,8%);

- молодые люди проявляют больше инициативы и стремятся использовать любые возможности, предполагающие сексуальное взаимодействие, в то время как девушки откладывают сексуальную близость, пока не установится тесный эмоциональный контакт;

- ответственность за вопросы, связанные с использованием контрацептивов, как правило, несет юноша: молодые мужчины чаще, чем молодые женщины отмечают, что они «постоянно используют контрацептивы» — 63,8 и 50,6%; молодые женщины чаще отмечают, что «вообще не пользуются контрацептивами» (16,4%), среди молодых мужчин доля таких почти в два раза ниже (9,4%);

– основной мотив использования контрацептивов молодыми женщинами — «боязнь нежелательной беременности» (80,5%), у молодых мужчин использование мотивировано «боязнью заразиться болезнями, передающимися половым путем» (85,9%).

Таким образом, исследование показало, что большинство из опрошенной молодежи Оренбургской области к альтернативным формам брака чаще относятся отрицательно, чем нейтрально или положительно. Наиболее лояльное отношение было выявлено к фиктивному браку и браку по расчету.

На вопрос: «Есть ли у традиционной семьи достойная альтернатива?» — 56,4% респондентов ответили отрицательно, 40,9% затруднились ответить. 2,4% вписали в вариант «да, другое» такие альтернативные формы, как фиктивный, брак по расчету, однополый, открытый и *Ghildfree*.

Таким образом, можно говорить о том, что традиционные представления молодых людей о браке, семье и отношениях преобладают. Большинство считает нужным вступление в брак, оптимальный возраст — от 20 до 30 лет. Главная причина заключения брака — любовь.

Вопросы, касающиеся детей, также показали достаточно традиционные взгляды респондентов. Возраст для рождения детей — от 25 до 30 лет. Возможно, в связи с трудными условиями жизни, вариант от 20 до 25 лет выбирали реже, так как в настоящее время в таком раннем возрасте не принято погружаться в семейные заботы, большинство предпочитают сначала получить образование и повышение по карьерной лестнице. Оптимальное количество детей в семье — двое. Но при этом никто из опрошенных не выбрал вариант «более трех».

Очевидными оказались и результаты вопроса о проблемах в семьях: кроме тех, кто не имеет никаких проблем, наиболее распространенными оказались ответы «жилищные и материальные проблемы». На сегодняшний день наиболее остро стоит вопрос о финансовой обеспеченности людей. Что касается жилищного вопроса, в нашей стране многие живут либо с родителями, либо выбирают съемное жилье, поскольку покупка квартиры очень дорогостоящее удовольствие.

О причинах ссор и конфликтов в семье большинство предпочли не рассказывать, выбрав ответ «в моей семье нет конфликтов». Среди остальных был распространен ответ «непонимание членами семьи друг друга». Скорее всего, имелись в виду мелкие неурядицы, с которыми сталкиваются в семейной жизни.

Достаточно очевидными стали результаты вопроса о совместном проживании людей без официального брака: большинство относится к такому явлению нейтрально, поскольку в нашей стране это очень распространенный вид отношений. Причиной этого обычно является раннее желание молодых пар жить вместе, что затем перерастает в привычку. Но наиболее опасным является последующее рождение детей вне брака. В вопросе об отношении к этому явлению опять же большинство относится нейтрально. Как правило, семьи распадаются именно после рождения детей, в связи с возникающими трудностями. Пара начинает испытывать экономические, психологические, педагогические и другие проблемы, а это чаще всего приводит к их расставанию. Гораздо чаще это происходит именно среди незарегистрированных браков, поскольку не приходится сталкиваться с процедурой развода и распределением прав на детей, разделом имущества и т. д.

В связи с непростыми условиями жизни, а также неуверенностью людей в завтрашнем дне многие стали положительно относиться к таким видам «страховки», как брачный контракт. По результатам исследования, большинство поддержали бы предложение любимого(ой) заключить такое соглашение. Также немалое число респондентов затруднились ответить на этот вопрос, поскольку не до конца понимают все недостатки и преимущества брачных договоров. Но при этом подавляющее большинство опрошенных не считает предложение о заключении этого соглашения признаком недоверия. Даже несмотря на крепкие доверительные отношения, многие пары заключают такой контракт, понимая, что после заключения брака он поможет без лишних проблем и судебных тяжб распределить имущество, нажитое до и во время совместной жизни. Такое явление уже давно стало неотъемлемой частью жизни западного мира и доказало свои плюсы и преимущества.

В рамках исследования также было выявлено негативное отношение к альтернативным формам брака. Наибольшее число отрицательных ответов набрали следующие виды отношений: однополый брак, открытый, свингерство, коммунальный брак. Чуть лояльнее люди относятся к Годвин-браку, виргинальному, сезонному и браку *Childfree*. Наиболее неоднозначное отношение было выявлено к фиктивному браку и браку по расчету: примерно пополам были выбраны варианты «нейтрально» и «отрицательно», кроме того, немногие указывали вариант «положительно». Социальное конструирование сексуального поведения происходит на фоне принятия традиционных ролей и сценариев. Либерализация сексуальных отношений проявляется более интенсивно среди девушек/женщин.

Аналогичные результаты касаются вопроса о том, считают ли люди подходящими для себя лично нетрадиционные формы брака: подавляющее большинство ответили отрицательно. Также большинство не считает ни одну из этих форм достойной альтернативной традиционной семье. Из этого следует, что официальный брак, подразумевающий нормальные супружеские отношения, где чтут традиционные семейные ценности, является наиболее предпочтительным и подходящим для современного российского общества. Лояльность к некоторым нетрадиционным формам, несомненно, растет, но все еще не считается нормой для большинства общества.

### **2.3. Жизненные сценарии раннего материнства (г. о. Тольятти)**

В сегодняшней России наблюдается снижение порога материнства, что исторически достаточно закономерно — в сложные периоды социально-экономического развития ожидается, что дети вырастут раньше. С одной стороны, это положительное явление. С другой стороны, из общественных рассуждений часто выпадает то обстоятельство, что раннему социальному взрослению должно сопутствовать

просвещение подростков по многим вопросам, включая развитие их правового сознания, а также создание системы служб помощи для адаптации их к взрослой жизни.

Исследования последнего десятилетия свидетельствуют о том, что возраст начала сексуальной жизни подростков также снижается, причем интенсивнее среди девушек<sup>1</sup>. В результате, в частности, возникают незапланированные беременности среди несовершеннолетних, исходы которых всегда проблематичны: аборты у нерожавших; раннее материнство; стимулированные ранние браки; оставление ребенка на время в Доме малютки; отказ от ребенка.

Характеризуя демографическую ситуацию в Самарской губернии, нельзя не отметить низкий уровень рождаемости, который специалисты связывают в первую очередь с так называемой деформацией репродуктивного поведения граждан. Сегодня коэффициент суммарной рождаемости 1,75 (он выше, чем в России — 1,34), но все равно не достигает того коэффициента, при котором хотя бы обеспечивается простое воспроизводство, т. е. когда число родившихся и умерших через 30 лет будет равно. При этом в Самарском регионе один из самых низких уровней младенческой смертности — 5 промилле. То есть, все больше женщин ставят на первое место успешную карьеру и образование, а отнюдь не материнство. Для того чтобы такая нулевая ситуация сохранилась, необходимо, чтобы каждая женщина за свой детородный возраст **родила 2,13 ребенка** — это как бы порог, после которого можно говорить либо о естественном росте населения, либо о снижении.

В 2007 г. из медицинских учреждений в городской центр Тольятти «Семья» поступило 30 сообщений о несовершеннолетних беременных и 12 — о несовершеннолетних родителях. По результатам совместной работы с медицинскими учреждениями 30 несовершеннолетних беременных и 7 несовершеннолетних родителей взяты под социальный патронаж.

---

<sup>1</sup> См.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи ; Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности ; Гурко Т. А. Брак и родительство в России ; Котовская М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты.

С целью изучения практик раннего материнства, общественного и экспертного мнений в 2007 г. и начале 2008 г. было проведено социологическое исследование (г. о. Тольятти) в форме экспресс-опроса, в котором участвовали 50 мужчин и 50 женщин по трем возрастным категориям: до 21 года, 21–35, от 35 и старше, а также 10 экспертов<sup>1</sup>.

На вопрос: «Как Вы относитесь к рождению ребенка девушкой до 18 лет?» — положительно ответили 6% мужчин и 9% женщин. Они объясняли это тем, что организм в этом возрасте здоровый. В основном данный вариант ответа приходится на возраст 21–35. Причем почти всегда шло дополнение, что положительно они воспринимают рождение ребенка с 17 лет. Одна девушка 21 года добавила, что «рожать можно и до 18, если удачно замужем».

Отрицательно относятся к данному явлению 49% мужчин и 52% женщин. Возрастные группы представлены почти равномерно. Дело здесь, видимо, в принятии западного опыта, когда на первое место выходят самореализация и карьера. Около 4% от всех опрошенных к данной проблеме относятся нейтрально. 41% мужчин и 35% женщин считают раннее материнство личным делом каждого. Таким образом, превалирует все-таки отрицательное отношение. Так склонны считать девушки 21–35 лет.

На вопрос о причинах, по которым девушки рожают в раннем возрасте, 65% мужчин и 54% женщин отвечают «неправильное воспитание». Возрастная категория здесь в основном от 35 лет. Еще 13% мужчин и 24% женщин склонны винить СМИ, пропагандирующих сексуальную свободу. Это характерно для возрастной группы от 21–35 лет. Еще 10% и 9% мужчин указывают на акселерацию. 13% женщин и 12% мужчин считают, что подростки недостаточно знают о способах предохранения, что и приводит к ранней беременности. По мнению 24% мужчин и 41% женщин, к ранней рождаемости общество относится равнодушно (возраст ответивших подобным образом в своем большинстве — до 21 года).

---

<sup>1</sup> Скутнева С. В. (Явон С. В.) Раннее материнство // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 114–118.

На вопрос: «В чьей поддержке, по-вашему, в первую очередь, нуждаются юные матери?» 60% опрошенных заявили: «родителей». 10% мужчин и 16% женщин уповают на государство, 4% мужчин и 7% женщин — на общество (возраст — до 21 года). А 36% сильного пола считают, что юные матери должны заботиться о себе сами (в основном это молодые люди 21–35 лет). Аналогично думают лишь 13% женщин, в основном из возрастной группы 21–35 лет.

Отношения в семье, где воспитывалась несовершеннолетняя мать, 60% всех опрошенных вне зависимости от возраста определяют как «скорее плохие, чем хорошие». Неблагополучными их считают 34% мужчин и 23% женщин возраста. 5% уверены, что отношения в семье, воспитавшей несовершеннолетнюю мать, были благополучными. 1% мужчин и 12% женщин из возрастной группы до 21 года называют данные отношения «скорее хорошими, чем плохими».

Около 80% мужчин и 92% женщин считают, что несовершеннолетние матери «часто» или «скорее часто, чем редко» оставляют детей, а 3% женщин уверены, что подобным образом юные мамы поступают редко. Остальные опрошенные высказались в сторону «скорее редко, чем часто».

Второй метод, использованный в исследовании, — глубинное интервью с несовершеннолетними беременными и матерями, родившими в возрасте до наступления 18 лет. Всего было проинтервьюировано 10 девушек. Сначала каждой из них было предложено написать краткую автобиографию, в которой бы упоминались наиболее значимые и приятные для нее события жизни. Затем проводилось интервью.

Респондентка А., 17 лет, не замужем, живет с матерью и братом. Мать с отцом в разводе, у них конфликтные отношения. Мать узнала о беременности дочери на 31 неделе. Они вдвоем пришли в Комсомольский центр «Семья», чтобы отказаться от будущего ребенка. Специалистами центра с обеими была проведена длительная работа по мотивированию к воспитанию новорожденного в семье, которая не дала результатов. В семье мать работает одна, есть материальные трудности. По словам обеих, отцом ребенка якобы «был цыган, имеющий проблемы с психикой». В мае 2006 г. родила девочку. Ребенка

удочерили. Автобиографию писать отказалась. Это был единственный случай неблагоприятного несовершеннолетнего материнства в проведенном исследовании — девушка отказалась от рожденного ею ребенка. В данном случае налицо были все признаки психологической незрелости, свойственные возрасту А. За нее все решала мать.

Респондентка Е., 16 лет. Девушка из очень обеспеченной семьи. Учится в колледже на экономиста. Живет с мамой и старшим братом. Родители с шести лет в разводе. Находится на шестом месяце беременности. Семья не знала ни о чем до последнего. На момент проведения интервью было подано заявление в ЗАГС. Отцу ребенка — 18 лет, не учится и не работает — «в связи с переездом и ремонтом», скрывается от армии. Семья Е. (исключая ее отца, которому на момент интервью ничего не было известно) во всем ее поддерживает, хотя необходимо отметить, что и мать, и старший брат шокированы произошедшим и волнуются по поводу будущего Е. Для прояснения ситуации респондентке было предложено нарисовать групповой портрет своей семьи. Анализируя нарисованное, можно было прийти к выводу, что для Е. равнозначно близки ее будущий муж и мать. Именно их и себя она включает в понятие «семья». Характерно, что, по результатам проективной методики, парень более неустойчив в понимании Е., чем она сама. Интересно его местоположение — между респонденткой и ее матерью. Это говорит о том, что обе женщины старательно хотят удержать его рядом, дабы не повторилось одиночество матери. Говоря об отношениях с будущим мужем, Е. утверждает, что они стали более равными, когда последняя забеременела, так как парень почувствовал на себе ответственность. Респондентка призналась в процессе интервью, что «еще не нагулялась» и жалеет об этом. Данная девушка, явно, к беременности готова не была. Морально она еще очень незрела, хотя, по-видимому, быстро входит в роль. Это классический пример акселерации. Скорее всего, причина здесь кроется в эмоциональной нестабильности, желании быть нужной, довериться. Сама Е. на вопрос: «Почему рожают до 18 лет?» ответила: «Из-за их распутности». Радует то, что молодой человек оказался «порядочным» и сам предложил взять на себя ответственность.

Респондентка Т., 18 лет. Не замужем. Живет в однокомнатной малосемейной квартире с матерью, старшим братом и сыном. Забеременела в 17 лет. Делая вывод по данному интервью, хочется отметить, что описанная выше семья — исключительно порядочная. Очень открытые и доброжелательные люди. Мать с дочкой производят впечатление наивности. Обе, рассказывая о себе, не могли сдержать слез. Необходимо сказать, что Т. великолепно разбирается в уходе за ребенком и с первого взгляда ясно, что она его не оставит ни при каких обстоятельствах. В своей ситуации держится очень зрело.

Респондентка Н., 18 лет. Не замужем. В декабре родила мальчика. Отцу ребенка 20 лет. Они с ней расстались еще до того, как она узнала, что беременна. С тех пор ни разу не появился и не навестил ребенка, звонил один раз с вопросом, уверена ли она, что ребенок его. Н. с родителями, учится в колледже на менеджера по туризму. Несмотря на то что на момент интервью Н. была одинока, ее опыт материнства можно назвать положительным. Налицо огромная любовь к ребенку, целеустремленность и самостоятельность.

Респондентка Е., 18 лет. Учится в САГЕ на психолога. Замужем с 22 ноября 2006 г. Есть ребенок, мальчик. На момент интервью ребенок находился в больнице по причине недоношенности. После свадьбы снимали квартиру, но потом из-за осложнений в протекании беременности переехали к родителям. Муж 1985 г. рождения, работает на ВАЗе, имеет средне-специальное образование. Снова интервью показало порядочную семью, где причиной раннего материнства для девушки послужило желание эмоциональной близости и стремление вырваться из-под власти родителей.

Респондентка К., 18 лет. Заканчивает колледж по специальности «правовед». Живет с родителями, братом и отцом ребенка, с которым «состоит в гражданском браке». В марте родила девочку. «Муж» 1989 г. рождения, образование — среднее, нигде не учится, работает монтажником, они якобы ждут совершеннолетия, чтобы пожениться. Интервью показало очень интересный случай переплетения жизненных сценариев респондентки и ее гражданского мужа. Несмотря на возраст, К. рассуждает и совершает поступки вполне зрелой женщины и отвечает за свои действия.

Респондентка А., 17 лет. Заканчивает 11-й класс в вечерней школе. Замужем, на седьмом месяце беременности. Муж 1986 г. рождения, работает на СК слесарем КИПа. Полная семья. Есть старшая сестра, работает психологом. Это было самое приятное интервью в данном исследовании. Приятно, но почти что странно было наблюдать отношения в семье респондентки. Редко встречаются такие здоровые семьи, построенные на любви и взаимоуважении. А., несомненно, производит впечатление маленькой женщины. Она мудрая и тактичная.

Респондентка Н., 20 лет. На данный момент находится в разводе. Есть пятилетняя дочь. Работает парикмахером в салоне. Образование — профессиональное. Таким образом, в данной ситуации видно, что раннее материнство не сделало Н. счастливой как женщину, так как она изначально выбрала «не того человека» согласно своему детскому опыту.

Респондентка Э., 19 лет. Воспитывает трехлетнюю дочь. С мужем находится в разводе по причине его криминальной жизни. Мать погибла в автокатастрофе. У отца — другая семья. Э. живет вместе с братом, работает. Э. производит впечатление сильного человека. Она в настоящее время научилась самостоятельно принимать последствия своих ошибок, но раннее материнство привело ее к сложной ситуации.

Респондентка Л., 18 лет. Замужем, имеет годовалую дочку. Муж старше нее на семь лет. Семья обеспеченная. Живут отдельно от родителей. Учится в СамГУ на юриста. Данное интервью показало наличие в некоторых семьях «традиций», по которым девушка становится матерью рано. Видимо, и молодой человек выбирал Л. первоначально именно как мать его будущих детей.

Анализ глубинных интервью привел к неожиданным результатам. Дело в том, что реальное положение дел во многом расходится с общепринятым мнением о несовершеннолетних матерях. Так, большинство опрошенных жителей считают, что отношения в семье, где выросла молодая мама, были плохие, неблагоприятные. Однако, по мнению самих юных мам, у семи из них в семьях было полное взаимопонимание; скорее хорошие, чем плохие взаимоотношения, у девяти. В основном девушки были из хороших семей и зачастую вели образ жизни даже

более «правильный», чем окружающие. Было поразительно наблюдать, как юные девушки ловко обращались с ребенком, рассуждали на темы его воспитания и тонкостей ухода за малышом.

По итогам исследования было выделено еще несколько позиций, по которым мнения юных мам и опрошенных жителей края резко расходятся. Одним из них стал вопрос о том, насколько часто несовершеннолетние оставляют своих детей на попечение государства. Большинство жителей, которые были опрошены в ходе исследования, считают, что юные мамы довольно часто оставляют своих детей в роддомах и Домах ребенка. У самих же несовершеннолетних мам (9 из 10) не возникало желания отказаться от ребенка. Единственный случай отказа от ребенка в данном исследовании объясняется тяжелым материальным положением семьи.

К причинам, по которым девушки рожают до 18 лет, большинство опрошенных жителей отнесли «неправильное воспитание». На самом деле в основном ранние сексуальные связи случались не по вине распушенности, а из-за недостатка эмоциональной близости — в 7 случаях и невысокой ознакомленностью о правильной контрацепции; а в 2 случаях — по большой любви и обоюдному с парнем желанию создать семью и иметь ребенка.

Большинство опрошенных жителей уверены в негативном отношении к юным мамам со стороны общества. Однако все 10 девушек утверждали, что не чувствуют никакого осуждения со стороны окружающих. По их мнению, несовершеннолетнее материнство в наше время стало нормой, и этим уже никого особо не удивит. Родители же, как правило, после получения первого известия о беременности приходят в шок, но затем принимают ситуацию и поддерживают дочь. Среди девушек были такие, которые действовали по жизненному сценарию, идентичному с материнским, т. е. когда мать в возрасте дочери тоже была беременной, но, например, сделала аборт.

Почти все респондентки рассказывали, что единственными людьми, которые к ним плохо относились во время беременности, были врачи женской консультации. В 8 случаях девушек агрессивно агитировали на аборт, в 2 случаях придумывали несуществующие болезни матери или ребенку.

Среди потребностей, высказанных молодыми матерями, на первом месте стоял жилищный вопрос. Далее — недоступность детских садов, где бы ребенка можно было оставить на время работы. Интересный момент был, когда одна активная молодая мама пожаловалась, что в Тольятти «плохие дороги, с ребенком нормально прогуляться невозможно — коляска подсакивает, и малыш просыпается».

Разница между мнением жителей города и реальным положением дел говорит о том, что, несмотря на знакомство с этой проблемой по материалам прессы и телевидения или получение информации об этой проблеме от знакомых, родных, мало кто реально оценивает это явление, в основном же люди мыслят стереотипами.

Третий метод, использованный при проведении исследования, — экспертный опрос специалистов центров «Семья» и Комитета по вопросам семьи, материнства и детства г. о. Тольятти по следующим вопросам:

1. Несовершеннолетнее материнство — плюсы и минусы.
2. Основные причины ранней рождаемости.
3. Отношение общества к несовершеннолетним матерям.
4. Способы профилактики ранней рождаемости.
5. Потребность данной категории в дополнительной социально-правовой защите.

Эксперты в основном были единодушны.

1. Семь экспертов из десяти выразили мнение, что в явлении несовершеннолетнего материнства больше минусов, чем плюсов и что это — ненормально и неестественно — рожать так рано для большинства. Но было замечено, что цифра родов среди подростков в общем-то остается стабильной, и поэтому для какой-то части девушек данное явление закономерно и плюсы гармонично нейтрализуют минусы. Так или иначе, к основному минусу отнесли материальную несамостоятельность подростков, так как в большинстве случаев заботу о молодой семье и их новорожденном приходится брать на себя дедушкам и бабушкам, недостаток образования. Также была выделена эмоциональная нестабильность. К плюсам отнесли относительное здоровье молодой матери и то, как у нее легко обычно протекают

роды, соответственно, и здоровье будущего ребенка. Один эксперт выразил мнение, что при хорошем исходе обстоятельств молодые родители смогут больше понимать своих детей, конфликт поколений будет менее выраженным.

2. К основным причинам ранней рождаемости были отнесены: пропаганда в СМИ вседозволенности, сексуальная революция; воспитание подростка как свободного человека, который самостоятельно выбирает свою жизнь. Один из экспертов добавил, что раньше стиль воспитания был авторитарным — с подростками обращались как с неопытными личностями, которые должны во всем слушать старших, признавался авторитет родителей. В настоящее время к детям относятся более гуманно, признавая их право на свободу выбора, что иногда и приводит к несовершеннолетнему материнству. Еще одной причиной является, по словам специалистов, отсутствие у несовершеннолетнего ответственности за собственные действия.

Все эксперты сошлись во мнении, что корни ранней рождаемости следует искать в эмоциональной отчужденности «отцов» и «детей». С одной стороны, подростку не хватает душевной теплоты дома, он склонен доверяться другим людям. С другой — недостаток информации от родителей на тему сексуального воспитания. На самом деле, много молодежи понятия не имеет о правильном использовании методов контрацепции, так как серьезно никто им это не объяснял.

3. Шесть специалистов на вопрос об отношении общества к несовершеннолетним матерям ответили, «что общество сейчас ничего не волнует». Остальные уверены, что молодых матерей осуждают и их ровесники, так как сейчас «мода по-западному: рожать после 30», и уж тем более «бабушки на лавках». Родственники, конечно после первого шока в основном принимают данное событие более или менее терпимо в зависимости от обстоятельств, смиряются.

4. Эксперты утверждают, как уже ранее было замечено, что на самом деле количество родов среди несовершеннолетних — достаточно стабильная величина, однако восемь из десяти высказали опасения роста этих явлений. В рамках профилактики все специалисты высказали пожелание, чтобы до подростков доводилось больше ин-

формации о проблемах пола и методах контрацепции. Дело в том, что в школах этот вопрос начинает освещаться специалистами центров «Семья» примерно лет с 15, тогда как необходимо — с 11–12, так как позднее многие из подростков уже самостоятельно пройдут фазу сексуального дебюта и менять что-либо будет поздно. В данном случае встает проблема согласия родителей — обычно они против, чтобы «их малышу» рассказывали про «это». Также эксперты предлагают давать подросткам больше информации о сознательном материнстве, ввести в школах уроки семействования.

5. Большинство экспертов говорят о льготах при поступлении ребенка в детский сад, дабы мать могла самостоятельно зарабатывать, о бесплатном детском питании, незначительном повышении материальных выплат. Другие уверены, что не стоит как-то выделять и уж тем более поощрять эту категорию. Но все однозначно сошлись во мнении, что любые льготы для несовершеннолетних матерей должны быть косвенными, а не прямыми, так как могут привести к своей противоположности. Также была высказана интересная мысль, что вообще денежные выплаты никогда никого не стимулировали на роды и не будут стимулировать. Дело тут в изменении ценностных ориентаций и социальной политики в стране.

Таким образом, результаты экспертного опроса подтвердили данные, полученные методами экспресс-опроса и глубинного интервью:

- у большинства опрошенных жителей г. о. Тольятти неверное мнение о несовершеннолетних матерях, мало кто из них реально оценивает это явление, в основном же люди мыслят стереотипами;

- к основным причинам раннего материнства можно отнести эмоциональную отчужденность «отцов» и «детей», пропаганду в СМИ вседозволенности, недостаток информации от родителей на тему сексуального воспитания;

- количество родов среди несовершеннолетних — достаточно стабильная величина;

- потребности данной категории вытекают из ее специфики, которая кроется в материальной и моральной незрелости.

## 2.4. Семейные ценности молодежи Самарской области и Республики Татарстан

В современном российском обществе для значительной части населения традиционная семья не представляется лучшей формой семейно-брачных отношений. На это обращали внимание российские социологи 1990-х — начала 2000-х годов, видя в этом феномене признаки кризиса института семьи, включая и его правовые аспекты<sup>1</sup>. К тому времени сожитительство еще не приобрело масштабов общественного явления, охватывающего прежде всего молодежь. В 2010-х гг. в России это уже не так, что нашло отражение в исследованиях<sup>2</sup>; произошло изменение семейно-брачных отношений, это затронуло характер социализации<sup>3</sup>, и это в этом проявляется мировая тенденция либерализации половых отношений<sup>4</sup>. Брак не представлен в общественном сознании как единственно возможный способ проживания жизни, а семья сегодня перестает быть обязательным условием рождения и воспитания детей. Более того, институт семьи не в полной мере удовлетворяет потребности социума из-за ряда имеющихся у него проблем, которые в свою очередь препятствуют благополучному функционированию института семьи в российском обществе.

---

<sup>1</sup> См.: Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М. : Изд-во Моск. ун-та : Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996 ; Борисов В. А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М. : НИИ семьи, 1995 ; Короткова Л. П., Вихров А. П. Семья — только в рамках закона // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 159–163 ; Косова О. Ю. «Фактические браки» и семейное право // Правоведение. 1999. № 3. С. 105–120 ; Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001.

<sup>2</sup> См.: Луков В. А., Тихомиров Д. А. Добрачные сексуальные отношения молодежи: дилемма социальной нормы и отклонения. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012.

<sup>3</sup> См.: Ковалева А. И. Методологические проблемы исследования социализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 19–24 ; Ковалева А. И., Луков В. А. Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания // Философия и культура. 2012. № 3. С. 27–35.

<sup>4</sup> См.: Тихомиров Д. А. Либерализация половой морали в современном мире // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 93–108.

Приволжский федеральный округ (ПФО) состоит из 14 субъектов Российской Федерации и имеет выгодное экономико-географическое положение. Находясь в центральной части России, он простирается вдоль среднего течения Волги и ее притоков (прежде всего Вятки и Камы), граничит с высокоразвитыми в экономическом отношении регионами Центра и Урала, а на севере — с богатыми природными ресурсами (Республикой Коми и Архангельской областью), на юге — с аграрно-индустриальными регионами ЮФО и Казахстаном. ПФО имеет высокую плотность населения и населенных пунктов, значительные и квалифицированные трудовые ресурсы, многонациональный и многоконфессиональный состав жителей, ряд значимых месторождений природных ресурсов, плотную транспортную сеть (железнодорожный, автомобильный транспорт). Развитая сеть транспортных путей связывает ПФО с другими регионами страны и со странами Центральной Азии<sup>1</sup>.

Социально-культурное развитие субъектов РФ является важной составляющей уровня и качества жизни населения. Социально-культурные элементы отражают не только удовлетворенность жизнью, уровень производительности труда, участие в общественной жизни, но и характер отношений в семье. Сами же социально-культурные характеристики определяются следующими составляющими: досуговой, интеллектуальной, медицинской, демографической, психологической, социальной, культурной, образовательной, которые, в свою очередь, могут быть оценены количественными и качественными показателями<sup>2</sup>.

Досуговая составляющая благосостояния населения характеризуется как количественными, так и качественными показателями: число спортивных залов, библиотечный фонд общедоступных библиотек на 1000 человек, число отправленных туристов (граждан России);

---

<sup>1</sup> См.: Федеральные округа России. Региональная экономика / под ред. В. Г. Глушковой, Ю. А. Симагина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : КноРус, 2013. С. 125–148.

<sup>2</sup> См.: Домнина С. В. Социально-культурные составляющие благосостояния населения Самарского региона // Основы экономики, управления и права. 2013. № 3(9). С. 16–21.

содержательность досуга. Интеллектуальная составляющая: число созданных передовых производственных технологий, внутренние затраты на научные исследования и разработки; коммерциализация объектов интеллектуальной собственности. Социальная составляющая: уровень безработицы, расходы на социальную политику в консолидированном бюджете субъекта РФ; качество социальной защиты населения. Медицинская составляющая: Индекс обеспеченности врачами (численность врачей на 10 000 человек населения), заболеваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые); доступность и качество услуг здравоохранения. Демографическая составляющая: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, соотношение количества браков и разводов; качество института семьи, воспроизводства населения. Психологическая составляющая: заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения в среднем на 100 000 населения; психологическая и душевная комфортность. Культурная составляющая: численность зрителей театров на 1000 человек, число посещений музеев на 1000 человек населения; качество развития культурной сферы. Образовательная составляющая: число студентов образовательных учреждений ВО на 10 000 человек, численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений СПО на 10 000 человек; доступность и качество услуг образования.

Положение Самарской области и Республики Татарстан в аспекте социально-культурных составляющих благосостояния населения отражено в табл. 11.

По сравнению с прошлыми годами, в 2015 г. ухудшился ранг Самарской области по медицинской, демографической (опустившись с 7-го на 9-е место), социальной и досуговой составляющим. По культурной, интеллектуальной, психологической и образовательной составляющим Самарская область не изменила своих позиций. Необходимо добавить, что ни по одной составляющей Самарская область за последние годы не усиливает своих позиций.

Таблица 11

**Самарская область и Республика Татарстан  
по социально-культурным составляющим благосостояния  
населения среди регионов Приволжского федерального округа**

Составляющая благосостояния	Место	
	Самарская область	Республика Татарстан
Медицинская	11	7
Демографическая	9	1
Культурная	9	4
Досуговая	7	4
Интеллектуальная	3	2
Психологическая	1	6
Социальная	4	5
Образовательная	5	4

Иначе дела обстоят в Республике Татарстан. Там наблюдается наиболее благоприятное положение по медицинской, демографической (за счет большей продолжительности жизни и поднявшись с 2-го на 1-е место), культурной, досуговой, интеллектуальной и образовательной составляющим. По оставшимся составляющим более высокие показатели в Самарской области. Однако в республике за последние годы наблюдается улучшение структурных составляющих благосостояния.

Остановимся подробнее на такой составляющей социально-культурного благосостояния населения Российской Федерации, как демографическая, а в частности на ее количественной составляющей — соотношении регистрации актов о заключении и расторжении браков в Самарской области и Республике Татарстан.

Статистические сведения о зарегистрированных актах гражданского состояния традиционно являются одним из важных социально-экономических индикаторов. Они позволяют судить об изменении актуальных трендов общественного развития, своевременно корректировать основные направления государственной политики.

Согласно данным, озвученным на расширенном совещании управления записи актов гражданского состояния Самарской области, в 2015 г. зарегистрировано актов: о заключении брака — 25 795 актов; о расторжении брака — 14 224 акта. По сравнению с 2015 г., в 2014 г. количество записей актов о заключении брака составило 27 897. Этот показатель сократился на 2102 акта (–7,53%). По-прежнему, большинство браков регистрируются в торжественной обстановке (78%, 21 616 актов)<sup>1</sup>. В 2016 г. тенденция сокращения регистрации браков и разводов продолжилась: заключение брака — 21 554 актов (–16,44); расторжение брака — 14 070 акта (–16,44). Торжественная регистрация зафиксирована у 87% пар<sup>2</sup>.

В Самарской области в 2016 г. в брак вступили представители 47 иностранных государств. Жители Самарского региона создали семью с представителями 47 иностранных государств. Большинство — 89,8% (1204 акта) — это браки с гражданами стран СНГ. Чаще всего супружескими узами связывают себя с гражданами Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана и Украины. Союзы с иностранцами составили 6% (1340) от общего числа браков (2015 г. — 5,2%). Число браков с иностранными гражданами превышает показатель 2014 г. на 91 акт, когда было зарегистрировано 1249 таких браков (4,5% от общего числа браков).

В последние годы наблюдается устойчивая динамика «взросления» браков. Общее число мужчин и женщин, вступающих в брак в возрасте от 18 до 24 лет, снизилось на 24%, по сравнению с 2000 г., количество актов о заключении брака в отношении несовершеннолетних лиц — на 73%.

Практически равное количество мужчин и женщин в 2016 г. вступили в первый брак: 68,5% мужчин и 67% женщин (в 2015 г. — 69,3% мужчин и 67,9% женщин). Количество повторных браков в сравнении с 2014 г. незначительно увеличилось.

---

<sup>1</sup> См.: Статистическая информация за 2015 год. URL: <http://www.zags63.ru/statist2015>.

<sup>2</sup> См.: Статистическая информация за 2016 год. URL: <http://www.zags63.ru/statist2016>.

По итогам 2016 г. в сравнении с 2014 г. отмечается значительное снижение зарегистрированных актов о расторжении брака — более чем на 14% (–2348 акта) (2015 г. — 13,4%). Из 14 070 тыс. зарегистрированных в 2016 г. разводов 75% актов составлено на основании решения суда о расторжении брака; 24% — по взаимному согласию супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, 1% — по другим основаниям, указанным в статье 34 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Почти 10 тыс. детей остались на попечении одного родителя в связи с расторжением брака 7968 семей. Критический возраст разводов у мужчин — 40–49 лет; у женщин — 25–39 лет.

По итогам работы управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан в 2016 г. 25 778 пар скрепили брачный союз подписями, что на 4794 пары меньше (15,7%), чем за 2015 г. В 2015 г. зарегистрировано 30 572 браков, что на 1975 пар меньше (6,1%), чем за 2014 г. Количество браков в 2016 г. (по сравнению с 2015 г.) в г. Казани уменьшилось на 13% (3,2% — 2015–2014 гг.), в г. Набережные Челны отмечено уменьшение на уровне 14,6% (7,9% — 2015–2014 гг.). По районам республики отмечено уменьшение количества регистрации браков на 18,4% в сравнении с 2015 г. (8% — 2015–2014 гг.). По итогам 2016 г. в среднем по республике на 1000 человек населения пришлось 6,7 браков (7,9 — за 2015 г., 8,5 — в 2014 г.)<sup>1</sup>.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» лица, вступающие в брак, указывают национальность по желанию, в связи с чем, статистика учитывается на основании сведений, указанных в заявлениях о заключении брака. Каждый пятый брак, зарегистрированный в Республике Татарстан, межнациональный. Так, за 2016 г. зарегистрировано 5251 межнациональных браков, что составило 20% от общего количества зарегистрированных браков (2015 г. — 18%).

---

<sup>1</sup> См.: Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2016 года (09.01.2017), URL: <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=2> ; Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2015 года (11.01.2016). URL: <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=5>.

С 2010 г. наблюдается тенденция увеличения количества российских граждан, желающих вступить в брак с иностранными гражданами. Количество браков в 2016 г. с иностранцами составило 1350 (1184 — за 2014 г.).

Число женщин, вступивших в первый брак в 2016 г. в Татарстане, составило 24,8%, а количество женщин, вступивших в повторный брак, было зафиксировано 75,2% (2015 г. — 23,2 и 76,8%). Мужчин, вступивших в первый брак, 24,8%, в повторный брак — 75,2% (2015 г. — 22,8 и 77,2%)<sup>1</sup>.

По возрасту вступивших в брак мужчин третий год подряд отмечается тенденция к взрослению.

Наиболее активным возрастным периодом вступления в брак среди мужчин является возраст от 25 до 34 лет, что по итогам 2016 г. составило 55,5% от общего числа вступивших в брак мужчин (55% — в 2015 г., 53% — в 2014 г.). Число женихов от 18 до 24 лет составило 22,5% (25% — в 2015 г., 26,5% — в 2014 г.), а от 35 лет и старше — 22% от общего числа брачующихся мужчин (20% — в 2015 г., 20,5% — в 2014 г.)<sup>2</sup>.

По возрасту вступающих в брак женщин тоже отмечается тенденция к взрослению. Так, по итогам 2016 г. наибольшее количество вступающих в брак женщин были в возрасте от 25–34 лет — 44,5% (43% — в 2015 г., 42% — в 2014 г.). Наиболее активно вступающие в брак из года в год невесты в возрасте от 18 до 24 лет второй год подряд уступают возрастной группе от 25–34 лет, данный показатель по итогам 2016 г. составил 38% (41% — в 2015 г., 42% — в 2014 г.). По итогам 2016 г. 17,1% составили невесты в возрасте от 35 лет и старше (15,5% — в 2015 г. и в 2014 г.)<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Итоги работы Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2016 год (20.01.2017). URL: <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=2>; Статистические показатели работы органов ЗАГС Республики Татарстан за 2015 год (20.01.2016). URL: <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=5>.

<sup>2</sup> См.: Итоги работы Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2016 год (20.01.2017); Статистические показатели работы органов ЗАГС Республики Татарстан за 2015 год (20.01.2016).

<sup>3</sup> Там же.

Необходимо выделить тот факт, что в 2016 г. в республике было зарегистрировано 105 пар (2015 г. — 159 пар, 2014 г. — 168 пар) вступивших в брак до достижения совершеннолетия, что, в свою очередь, составило 0,5% от общего числа зарегистрированных браков. Среди пар, вступивших в брак до достижения совершеннолетия, 104 девушки и 10 юношей<sup>1</sup>.

В настоящее время в Республике Татарстан наблюдается положительная тенденция по снижению количества зарегистрированных актов о расторжении брака. Так, по итогам 2015 г. число регистраций расторжения брака уменьшилось на 11% и составило 13 450 актов. Данный показатель остался неизменным и в 2016 г. В г. Казани по итогам 2016 г. количество актов о расторжении брака увеличилось в сравнении с 2015 г. на 1,2%, в г. Набережные Челны увеличение отмечено на уровне 3,2%. В районах Республики Татарстан отмечено уменьшение количества регистрации расторжения брака на 1,8%<sup>2</sup>.

В 2016 г. в Татарстане 9511 ребенок вместе с родителями пережил кризисные ситуации в семье, которые закончились расторжением брака. 64% семей, чей развод зарегистрирован органами ЗАГС в 2016 г., распалось, не просуществовав и 10 лет.

Проанализировав статистическую отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния Управления ЗАГС Самарской области и Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан, заметим, что почти треть из всех разводов приходится на молодые семьи, чей стаж совместной жизни составляет от одного до пяти лет. Из общего количества зарегистрированных записей актов о расторжении брака за 2016 г. в Республике Татарстан 80% составлено по решению суда, 19% — по обоюдному согласию, 1% — по при-

---

<sup>1</sup> См.: Итоги работы Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2016 год (20.01.2017); Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2015 года (11.01.2016). URL: <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=5>.

<sup>2</sup> См.: Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2015 года (11.01.2016); Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2016 года (09.01.2017). <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=2>.

говору суда. В Самарской области 75% актов составлено по решению суда о расторжении брака; 24% — по взаимному согласию супругов, 1% — по приговору суда.

Анализ статистики разводов как в республике, так и в области за 2014–2016 гг. и опрос граждан показал, что основными причинами являются несовместимость характера супругов, непонимание и отсутствие общих интересов; материальные, финансовые и жилищные проблемы; измена супругов; злоупотребление алкоголем одним из супругов, насилие в семье.

Таким образом, количество зарегистрированных браков в 2016 г. снизилось в сравнении с 2014 г. Причем в Республике Татарстан число актов о заключении брака сократилось на 6769, а в Самарской области на 6343 акта (табл. 12).

Таблица 12

**Сведения о количестве зарегистрированных актов  
гражданского состояния в 2014–2015 гг. в двух субъектах  
Приволжского федерального округа РФ, чел.**

Наименование субъекта ПФО	Численность населения субъекта	Регистрация заключения брака			Регистрация расторжения брака		
		2014 г.	2015 г.	2016 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Республика Татарстан	3 855 037	32 547	30 572	25 778	15 106	13 450	13 450
Самарская область	3 212 676	27 897	25 795	21 554	16 418	14 224	14 070

На том же промежутке времени наблюдается и спад числа актов о расторжении брака. Так, в республике зарегистрировано в 2016 г. на 1656 актов меньше, чем в 2014 г. В области на 2016 г. количество разводов составило 14 070, что на 2 348 меньше, чем в два года назад.

Анализ семейно-брачных отношений в Самарской области и Республике Татарстан позволяет констатировать следующие тенденции:

– снижение количества зарегистрированных актов о заключении брака (большинство браков регистрируются в торжественной обстановке);

- снижение количества зарегистрированных актов о расторжении брака (критический возраст разводов у мужчин — 40–49 лет, у женщин — 25–39 лет; около 80% — по решению суда);
- более 75% мужчин и женщин вступают в повторный брак;
- увеличение числа браков с иностранными гражданами;
- устойчивая динамика «взросления» браков;
- почти треть из всех разводов приходится на молодые семьи, чей стаж совместной жизни составляет от 1 до 5 лет.

С целью исследования отношения молодежи к брачности, сексуальности, прокреации и ценностям семейной жизни в ноябре 2016 г. проведено социологическое исследование среди молодежи Самарской области и Республики Татарстан ( $N = 484$  человека; из них 217 жителей Самарской области, 267 — Республики Татарстан; молодежь в возрасте от 14 до 20 лет — 75%, от 21 до 30 лет — 25%; мужчины — 48%, женщины — 52%)<sup>1</sup>.

По данным проведенного анкетирования выяснилось, что молодежь, а именно 59% от общего числа опрошенных, не знают, что такое «гражданский брак» (зарегистрированный в органах ЗАГСа), путая его с другим понятием «фактический брак» (сожительство, не зарегистрированный).

95% опрошенных положительно относятся к браку. Респонденты в своем большинстве считают для себя приемлемым типом брачно-семейных отношений именно официальный брак — 81%, для 10% приемлемо сожительство, а оставшиеся 9% выбрали вариант ответа «предпочитаю быть один/одна».

46% респондентов ответили «да» на вопрос о том, придерживаются ли они традиционной последовательности: «брак — сексуальность — прокреация», такой же процент опрошенных ответили нет, а 8% и вовсе затруднились ответить на данный вопрос.

Самым интересным оказался тот факт, что 83% участников анкетного опроса положительно относятся к сексуальным отношениям до заключения брака и лишь 17% отрицательно относятся к добрачному сексуальному дебюту.

---

<sup>1</sup> Явон С. В., Кудрявцева К. А. Семейно-брачные отношения: региональные аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 177–187.

На вопрос о том, сколько, по мнению респондентов, детей должно быть в семье, 37% ответили, что два, 31% — три, 27% — более трех детей, 3% ответили, что в семье должен быть один ребенок. Только 2% опрошенных считают, что в семье ни одного ребенка не должно быть, поскольку рождение детей мешает супружеству.

17% молодежи на вопрос: «Как Вы относитесь к рождению детей вне брака?» дали положительный ответ, 56% выступили против внебрачной рождаемости, а 27% затруднились ответить.

Среди опрошенных 49% считают, что правильный исход незапланированной беременности — это роды; 42% затруднились ответить, так как считают, что сделают выбор в зависимости от обстоятельств; 9% респондентов выбрали такой вариант ответа, как искусственное прерывание беременности.

Большинство участников анкетного опроса, а именно 67% не имеют опыта добрачного сожительства, тогда как 33% имеют опыт совместного проживания с партнером.

Количество респондентов, состоящих в официальном браке, составляет 68%, остальные 32% не состоят в брачном союзе.

Причинами для развода, по мнению опрошенных, являются супружеская измена (47%), несходство характеров (25%), противоречивые взгляды в вопросе воспитания детей (12%), необустроенный быт (9%), материальные трудности (7%). Поскольку данный вопрос является открытым, были получены и другие ответы. Наиболее распространенные из них: ложь одного из супругов; физическое, моральное и сексуальное насилие в семье; чрезмерная ревность супруга/супруги; алкогольная или наркотическая зависимость одного из супругов, игровая зависимость.

В целом молодежь обоих регионов относится к официальному браку положительно и считает его для себя приемлемым. Несмотря на то что половина респондентов ответили, что они придерживаются традиционной последовательности «брак — сексуальность — прокореакция», подавляющее большинство всех опрошенных положительно относится к добрачным сексуальным отношениям. Высок процент и тех респондентов, кто не имеет опыта добрачного сожительства.

На создание многодетной семьи нацелена большая часть опрошенных. Кроме того, большинство считает, что дети должны быть рождены в браке. Почти половина правильным исходом незапланированной беременности считают роды, остальные утверждают, что приняли бы решение по обстоятельствам, и только малая часть являются сторонниками искусственного прерывания беременности.

Самыми вескими причинами для развода, по мнению опрошенных, являются: супружеская измена и несходство характеров, а также ложь одного из супругов; физическое, моральное и сексуальное насилие в семье; чрезмерная ревность супруга/супруги; алкогольная или наркотическая зависимость одного из супругов, игровая зависимость.

Семья как общность и институт адаптируется к новым социокультурным условиям: европейский тип брака, новая возрастная модель рождаемости, нормализация добрачных связей, повторные браки, торжественные церемонии бракосочетания и т. д. В качестве руководящего принципа семейно-брачных отношений выступает приоритет интересов индивида, личностная самореализация.

## Заключение

Современное общество характеризуется многовекторностью взросления молодежи: сетью выборов и наличием барьеров. Расширение пространства выборов предполагает интенсификацию рисков при преодолении барьеров. Обстоятельства неизвестности провоцируют молодых мужчин и молодых женщин на мобильность в процессе жизненного самоопределения. Молодежь имеет значительный потенциал в освоении многовариативной реальности.

Противоречие современного процесса взросления молодежи проявляется, с одной стороны, в увеличении времени поиска, позднем наступлении зрелости, с другой — более активном поиске себя в различных коммуникативных, деятельностных сферах. Одновременность сжатия и растяжения взросления как явление современного общества стимулирует самоопределение и развитие личности.

Социальные практики российской молодой семьи (вторичный анализ эмпирических работ 80-х гг. XX в. — 10-х гг. XXI в.) характеризуются сочетанием патриархальных представлений и эгалитарных норм. Это выражается в существовании типа семьи с мужем-кормильцем и женой, занимающейся ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей (сближение мужской и женской ролей в воспитательном процессе), причем главенство в семье не определяется финансовым вкладом супругов, и распорядителем финансовых ресурсов выступает жена, домашняя работа требует взаимопомощи, женщины ориентированы на занятость и карьеру, сохраняя ориентацию на семью. Эгалитарные семейные взаимодействия более активно поддерживают городские молодые женщины, тогда как среди ориентированных на традиционную модель семейных отношений большинство составляют молодые мужчины.

Цели супружества все больше становятся ориентированными на создание условий для всестороннего развития личности супругов, полноценного воспитания детей, эмоционального, духовного, сексуального удовлетворения, т. е. прежде всего на личностную само-

реализацию. Семейно-брачным отношениям (примерно 30% молодежи) предшествует сожительство, которое наиболее распространено в молодом возрасте (до 20 лет) и сельских поселениях.

Репродуктивное поведение характеризуется:

- популярностью европейского типа брака, особенностью которого является относительно позднее вступление в брак (после 24 лет) и значительная доля лиц, никогда не состоявших в браке;

- увеличением доли внебрачных рождений: по возрастному фактору — у женщин моложе 20 лет, по поселенческому — у молодых женщин проживающих в сельских поселениях;

- снижением суммарного коэффициента рождаемости.

Конструирование молодежной сексуальности осуществляется на фоне пересечения следующих конфигураций (публичных и частных дискурсов сексуальности):

- сохранение доминирующей гетеросексуальности, признание биологической природы различий между мужчинами и женщинами, поддержание гендерной поляризации (гендерный двойной стандарт: мужчина — субъект/активность, женщина — объект/пассивность), взаимосвязь брака и деторождения (гражданская ответственность перед нацией), проблематизация опасностей, связанных с сексом (секс как «опасный», «рискованный» в контексте проблем СПИДа, проституции, гомосексуальности, наркомании, насилия и т. д.);

- либерализация гендерной иерархии в сфере сексуальности, признание сексуальных потребностей у женщин, рост толерантности по отношению к сексуальным меньшинствам, предположение брачным режимом сексуальности реализации индивидуального рационального выбора, выстраивание сексуальных отношений через переговоры между партнерами и саморефлексию (сексуальность как средство индивидуализации и идентификации), романтизация отношений (в массмедиа приобретает эротический характер), легитимизация разных форм сексуальных отношений (в том числе добрачных и внебрачных), акцентирование на гедонистическом аспекте сексуальных отношений (пропагандирование и практикование техник достижения максимального удовлетворения в сексе), коммерциализация сексуальности (обмен благами).

Либерализация сексуальных отношений проявляется более интенсивно среди девушек/женщин, что характеризуется снижением возраста начала сексуальной жизни (эмоционально-коммуникативные мотивы), легитимацией сексуальных меньшинств, нормализацией добрачных связей, активизацией в интимных отношениях с партнером, усилением значимости сексуальной сферы.

В современном российском обществе средствами массмедиа формируется потребительская активность как символический маркер гендерной компетентности, что выражается в трансформации общего канона маскулинности, сопровождающейся изменением мужского телесного канона, ориентацией значительной части мужчин на необходимость моделирования собственного внешнего облика посредством внешней атрибутики.

В настоящее время процесс мультипликации характерен для основных составляющих бинарного образца, т. е. наблюдается множественность маскулинностей и фемининностей, связанных между собой многообразием гендерных контрактов.

Автором монографии осуществлено изучение семейных ценностей молодежи Самарской области, Ульяновской области, Оренбургской области и Республики Татарстан (социологические исследования 2002–2018 гг.).

Статистические данные констатируют в регионах следующие тенденции: снижение количества зарегистрированных актов о заключении брака; снижение количества актов о расторжении; более 75% мужчин и женщин вступают в повторный брак; увеличение числа браков с иностранными гражданами; устойчивая динамика «взросления» браков; почти треть из всех разводов приходится на молодые семьи, чей стаж совместной жизни составляет от 1 до 5 лет.

По данным социологических исследований выяснилось, что на сегодняшний день общество живет традиционными формами брака. Респонденты предпочитают заводить семьи по любви и в подходящем для этого возрасте, не вступая в брак слишком рано или слишком поздно. Молодежь относится к официальному браку положительно и считает его для себя приемлемым. Многие желают заключить брач-

ный контракт, который не воспринимается как недоверие со стороны супруга. Большинство региональной молодежи не готово воспринимать альтернативные формы брака с положительной точки зрения.

Половина респондентов придерживаются традиционной последовательности: брак — сексуальность — прокреация. При этом подавляющее большинство положительно относится к добрачным сексуальным отношениям. Большинство считает, что дети должны быть рождены в браке. Почти половина правильным исходом незапланированной беременности считают роды, остальные утверждают, что приняли бы решение по обстоятельствам, и только малая часть являются сторонниками искусственного прерывания беременности. Количество родов среди несовершеннолетних — достаточно стабильная величина. Основные причины раннего материнства — эмоциональная отчужденность «отцов» и «детей», пропаганда в СМИ вседозволенности, недостаток информации от родителей на тему сексуального воспитания. Потребности данной категории вытекают из ее специфики, которая кроется в материальной и моральной незрелости.

Молодые люди имеют установки на традиционный тип семейных отношений в быту, девушки же склоняются к эгалитарному типу, т. е. хотят делить все обязанности поровну. Проблемы и ссоры в семьях возникают по самым предсказуемым причинам — жилищные и материальные трудности, а также банальное непонимание людьми друг друга. Самыми вескими причинами для развода, по мнению молодежи, являются: супружеская измена и несходство характеров, а также ложь одного из супругов; физическое, моральное и сексуальное насилие в семье; чрезмерная ревность супруга/супруги; алкогольная или наркотическая зависимость одного из супругов, либо игровая зависимость.

Половое поведение молодежи характеризуется следующим: юноши раньше, чем девушки, вступают во взрослую жизнь; девушки предпочитают более либеральные сексуальные установки, чем юноши. Превалирующим способом сексуального поведения в настоящее время являются традиционные гетеросексуальные моногамные отношения. Остальные формы удовлетворения полового влечения еще

воспринимаются как «прогрессивные», но уже не оцениваются обществом как «отклонение от нормы». Более того, происходит их поступательная легализация.

Вследствие изменения родительских установок сексуальность становится приемлемым сюжетом внутрисемейного общения, а терпимое отношение взрослых побуждает юношей и девушек принимать на себя большую ответственность за последствия своих поступков. Вместе с ослаблением сложившихся в массовом сознании гендерных и сексуальных стереотипов, с размыванием традиционных идеалов «крутой» маскулинности происходит переориентация подростковой сексуальности с модели «завоевания» женщины мужчиной на модель коммуникации, переговоров и взаимного согласия.

В целом семья как общность и институт адаптируется к новым социокультурным условиям. Содержательные установки сознания опираются, прежде всего, на стандарты общества потребления: европейский тип брака, новая возрастная модель рождаемости, нормализация добрачных связей, повторные браки, торжественные церемонии бракосочетания и т. д. Потребность в браке, наличие семейного статуса является одной из ведущих в структуре личности. В качестве руководящего принципа семейно-брачных отношений выступает приоритет интересов индивида, личностная самореализация. Инерция в семейно-брачном поведении плавно скользит к конструированию социальной реальности.

## Список использованных источников

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. — М., 1980. — 260 с.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. — М. : Мысль, 1991. — 229 с.
3. Агранат, Д. Л. Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Д. Л. Агранат. — М., 2010. — 39 с.
4. Агранат, Д. Л. Социализация личности в военизированных организациях: проблемы нормы и отклонения: монография [Текст] / Д. Л. Агранат. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 230 с.
5. Агранат, Д. Л. Субъектность социальная молодежи [Текст] / Д. Л. Агранат // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 500–501.
6. Адресная социальная поддержка молодой семьи в Российской Федерации (региональный аспект): монография [Текст] / под ред. Т. Н. Кузнецовой, В. Т. Посохова. — Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2006. — 204 с.
7. Аксенов, К. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство Ленинград — Санкт-Петербург. 1989–2002 [Текст] / К. Аксенов, И. Браде, Е. Бондарчук. — СПб. : Геликон Плюс, 2006. — 284 с.
8. Актуальные проблемы исследования социального здоровья молодежи. Ч. II. Информационно-аналитические материалы : учеб. пособие [Текст] / под ред. Р. А. Зобова. — СПб., 2005. — 292 с.
9. Алещенок, С. В. К проблеме новой концептуализации молодежи [Текст] / С. В. Алещенок // Методологические проблемы исследования молодежи : материалы и дискуссии / НИЦ при Институте молодежи. — М., 1998. — С. 34–37.
10. Антонюк, Е. В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи : дис. ... канд. психол. наук [Текст] / Е. В. Антонюк. — М., 1992. — 169 с.
11. Анурин, В. Ф. Сексуальная революция [Текст] / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. — 2000. — № 9. — С. 88–95.

12. Архангельский, В. Н. Основные результаты пилотажного обследования «Семья и рождаемость» [Текст] / В. Н. Архангельский, О. И. Антонова, С. Ю. Никитина // Вопросы статистики. — 2006. — № 10. — С. 2–16.
13. Архангельский, В. Н. Факторы рождаемости [Текст] / В. Н. Архангельский. — М. : ТЕИС, 2006. — 399 с.
14. Ашвин, С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости [Текст] / С. Ашвин // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 63–72.
15. Ашвин, С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России [Текст] / С. Ашвин // Рубеж. — 2001. — № 16/17. — С. 5–24/7-22.
16. Бабочкин, П. И. Молодежь в структуре современного российского общества [Текст] / П. И. Бабочкин // Методологические проблемы исследования молодежи : материалы и дискуссии / НИЦ при Институте молодежи. — М., 1998. — С. 25–33.
17. Баксанский, О. Е. Когнитивное конструирование реальности: Философия образования [Текст] / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 256 с.
18. Баркова, Э. В. К проблеме культурного пространства [Текст] / Э. В. Баркова // Искусство, образование, наука в преддверии III тысячелетия. — Волгоград, 1999. — С. 130–345.
19. Бахтин, М. М. Pro et contra [Текст] / М. М. Бахтин. — СПб., 2001. — 134 с.
20. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
21. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания : пер. с англ. [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
22. Бессонова, О. Э. Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России [Текст] / О. Э. Бессонова // Социологические исследования. — 2008. — № 1. — С. 13–23.

23. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний [Текст] / Готтхард Бехманн ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко, В. В. Каганчук, С. В. Месяц. — 2-е изд. — М. : Логос, 2012. — 248 с.

24. Биченко, И. Г. Ценностные ориентации студентов российских вузов в условиях социальной аномии : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / И. Г. Биченко. — М., 2009. — 21 с.

25. Богдан, В. В. Информатизация и технологизация социального пространства: проблемы предотвращения катастроф, взрывов и напряжений [Текст] / В. В. Богдан, В. Н. Иванов // Информатизация и технологизация социального пространства. — М. ; Н. Новгород, 1994. — С. 5–29.

26. Богданова, В. В. Траектории социализации как социологический феномен [Текст] / В. В. Богданова // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 70–74.

27. Бок, Г. История, история женщин, история полов [Текст] / Г. Бок // THESIS. — 1994. — № 6. — С. 170–200.

28. Боряз, В. Н. Молодежь: методологические проблемы исследования [Текст] / В. Н. Боряз. — Л. : Наука, 1973. — 287 с.

29. Бочарова, О. А. Сексуальная свобода: слова и дела [Текст] / О. А. Бочарова // Человек. — 1994. — № 5. — С. 98–102.

30. Бояк, Т. Н. Духовно-нравственные ценности сельской молодежи (на материалах Бурятии и Читинской области) [Текст] / Т. Н. Бояк // Социологические исследования. — 2009. — № 4. — С. 117–122.

31. Бурилкина, С. А. Труд в системе жизненных ценностей населения провинциального промышленного города: гендерный анализ : дис. ... канд. социол. наук [Текст] / С. А. Бурилкина. — Екатеринбург, 2006. — 147 с.

32. Бурова, С. Н. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «Социологические исследования» 1975–2006 гг. ) [Текст] / С. Н. Бурова, А. В. Демидова // Социологические исследования. — 2008. — № 12. — С. 97–103.

33. Введение в практическую социальную психологию: учеб. пособие для высших учебных заведений [Текст] / под ред. Ю. М. Жукова, Л. А. Петровской, О. В. Соловьевой. — 2-е изд., испр. — М. : Смысл, 1996. — 373 с.
34. Вдовина, М. В. Регулирование межпоколенческого конфликта в российской семье : монография. — М. : Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. — 244 с.
35. Веселкова, Н. В. Социальная компетентность взросления [Текст] / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2005. — 290 с.
36. Вишневский, Ю. Р. Практикум по социологии молодежи [Текст] / Ю. Р. Вишневский, А. И. Ковалева, В. А. Луков, Б. А. Ручкин, В. Т. Шапко. — М. : Социум, 2000. — 296 с.
37. Вишневский, Ю. Р. Парадоксальный человек [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 26-36.
38. Вишневский, Ю. Р. Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя) [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. — Нижний Тагил, 2000. — 224 с.
39. Вишневский, Ю. Р. Социология молодежи : учеб. пособие [Текст] / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. — Екатеринбург ; Нижний Тагил, 1995. — 320 с.
40. Вовченко, О. М. Гендерное равенство как социально-философская проблема [Текст] / О. М. Вовченко. — М. : Институт молодежи, 2000. — 195 с.
41. Вознесенская, Е. Д. «Кончить курс и место достать...»: Исследование вторичной занятости студентов [Текст] / Е. Д. Вознесенская, Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко // Социологический журнал. — 2001. — № 3. — С. 101–120.
42. Возьмитель, А. А. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа [Текст] / А. А. Возьмитель, Г. И. Осадчая // Социологические исследования. — 2009. — № 8. — С. 58–65.
43. Волков, А. Г. Семья — объект демографии [Текст] / А. Г. Волков. — М. : Мысль, 1986. — 168 с.

44. Волков, Ю. Е. К выработке современного представления о сущности труда [Текст] / Ю. Е. Волков // Социологические исследования. — 2009. — № 3. — С. 27–35.
45. Ворона, М. А. Мотивы студенческой занятости [Текст] / М. А. Ворона // Социологические исследования. — 2008. — № 8. — С. 106–115.
46. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. [Текст] / Л. А. Выготский. — М. : Педагогика, 1984. — 433 с.
47. Гегель, Л. А. Выбор профессий: проблемы становления современного специалиста [Текст] / Л. А. Гегель, С. П. Бабочкина // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 5. — С. 221–231.
48. Герчиков, В. И. Феномен работающего студента вуза [Текст] / В. И. Герчиков // Социологические исследования. — 1999. — № 8. — С. 87–94.
49. Гидденс, Э. Пол, патриархат и развитие капитализма [Текст] / Э. Гидденс // Социологические исследования. — 1992. — № 7. — С. 127–145.
50. Гидденс, Э. Современность и самоидентичность [Текст] / Э. Гидденс // Социология. Сер. 11. — 1994. — № 2. — С. 26–31.
51. Гинзбург, М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема [Текст] / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. — 1988. — № 2. — С. 19–26.
52. Гинзбург, М. Р. Психология личностного самоопределения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук [Текст] / М. Р. Гинзбург. — М., 1996. — 40 с.
53. Гогтишвили, Л. А. Варианты и инварианты М. М. Бахтина [Текст] / Л. А. Гогтишвили // Вопросы философии. — 1992. — № 1. — С. 130–133.
54. Голенкова, З. Т. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов [Текст] / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социологические исследования. — 2008. — № 7. — С. 75–85.
55. Голенкова, З. Т. Социальные характеристики трудовой занятости в регионе [Текст] / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян, И. М. Орехова, Ю. В. Черевко // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 108–118.

56. Голиусова, Ю. В. Рефлексия [Текст] / Ю. В. Голиусова, Ю. А. Зубок // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 398-399.

57. Головаха, Е. И. Жизненные перспективы и профессиональное самоопределение [Текст] / Е. И. Головаха. — Киев, 1988. — 143 с.

58. Голод, С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи [Текст] / С. И. Голод // Социологические исследования. — 2008. — № 1. — С. 40-49.

59. Голод, С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние [Текст] / С. И. Голод // Социологические исследования. — 2008. — № 12. — С. 82-90.

60. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ [Текст] / С. И. Голод. — СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 272 с.

61. Голод, С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты [Текст] / С. И. Голод. — Л. : Наука, 1984. — 184 с.

62. Голод, С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности [Текст] / С. И. Голод. — М. : Ладомир, 2005. — 293 с.

63. Голод, С. И. Эмансипация сексуальности в России: рубеж XIX-XX вв. [Текст] / С. И. Голод // Социологические исследования. — 2009. — № 9. — С. 69-79.

64. Горин, Д. Г. Производство смысла и коды социального опыта в России [Текст] / Д. Г. Горин. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 352 с.

65. Горошко, Е. И. Информационно-коммуникативное общество в гендерном измерении: Монография [Текст] / Е. И. Горошко. — Харьков. : ФЛП Либуркина Л. М., 2009. — 816 с.

66. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении [Текст] / М. К. Горшков // Социологические исследования. — 2009. — № 3. — С. 15-26.

67. Горшков, М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ) [Текст] / М. К. Горшков. — М. : РОС-СПЭМ, 2000. — 185 с.

68. Гофман, И. Гендерный дисплей [Текст] / И. Гофман // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. — Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетейя, 2001. — С. 306–335.
69. Григорьева, М. В. Гомосексуальность в современном российском обществе: Теория, методология, методы [Текст] / М. В. Григорьева / ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина». — Иваново : ПресСто, 2007. — 252 с.
70. Гришина, Е. А. Гражданская идентичность российской молодежи. Опыт мониторингового исследования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Е. А. Гришина. — М., 1999. — 43 с.
71. Гришина, Н. В. Гендерные аспекты урбанизации (на примере африканского населения ЮАР) [Текст] / Н. В. Гришина. — М. : Институт Африки РАН, 2007. — 169 с.
72. Грошева, М. А. Модальная личность: портрет с отклонениями [Текст] / М. А. Грошева // Социологические исследования. — 2009. — № 3. — С. 82–88.
73. Гудина, Ю. В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практики [Текст] / Ю. В. Гудина // Полис. — 2003. — № 1. — С. 112–123.
74. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России [Текст] / Т. А. Гурко. — М. : Институт социологии РАН, 2008. — 325 с.
75. Гурко, Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства [Текст] / Т. А. Гурко // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 90–97.
76. Гурко, Т. А. Развитие личности подростков в различных типах семей [Текст] / Т. А. Гурко, Н. А. Орлова // Социологические исследования. — 2011. — № 10. — С. 99–108.
77. Гурко, Т. А. Становление молодой семьи в крупном городе: (условия и факторы стабильности) : дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Т. А. Гурко. — М., 1983. — 141 с.
78. Гусев, Б. Б. Стратегия государственной молодежной политики (с комментариями) [Текст] / Б. Б. Гусев, А. М. Лопухин. — М. : Изд-во РГСУ, 2007. — 148 с.

79. Давыдов, Ю. Н. Социология контркультуры (инфантилизм как социальная болезнь) [Текст] / Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская. — М., 1980. — 196 с.

80. Дадаева, Т. М. Динамика гендерной структуры российского общества в период трансформации : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Т. М. Дадаева. — Саранск, 2006. — 42 с.

81. Деболт, Дж. У. Причины и следствия неудач модернизации в России. Социокультурный анализ [Текст] / Дж. У. Деболт // Социологические исследования. — 2006. — № 1. — С. 20–31.

82. Дементьева, В. Ю. Профессиональное самоопределение студенческой молодежи среднего российского города : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / В. Ю. Дементьева. — Новочеркасск, 2006. — 27 с.

83. Денисенко, М. Б. Сексуальное поведение российской молодежи [Текст] / М. Б. Денисенко, Ж. -П. Далла Зуанна // Социологические исследования. — 2001. — № 2. — С. 83–87.

84. Дивисенко, К. С. Динамика ценностей школьников (по материалам автобиографий и сочинений) [Текст] / К. С. Дивисенко // Социологические исследования. — 2008. — № 8. — С. 118–122.

85. Дидковская, Я. В. Динамика профессионального самоопределения студентов [Текст] / Я. В. Дидковская // Социологические исследования. — 2001. — № 7. — С. 132–135.

86. Добрынин, В. Молодежь как социально-демографическая группа транзитивного общества [Текст] / В. Добрынин, Т. Емчура. — М. : ИЧРАН, 2004. — 325 с.

87. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Б. Гофмана; прим. В. В. Сапова. — М. : Канон, 1996. — 353 с.

88. Егорова, Н. Ю. Современная российская семья: основные тенденции [Текст] / Н. Ю. Егорова, А. В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 4. — С. 106–118.

89. Емчура, Т. Институты социализации молодежи транзитивного общества : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Т. Емчура. — М., 2005. — 60 с.

90. Ентелис, Г. С. Возраст и возрастные пределы категории молодежь [Текст] / Г. С. Ентелис // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы и дискуссии / НИЦ при Институте молодежи. — М., 1998. — С. 38–48.

91. Жеребкина, И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии: учеб. пособие [Текст] / И. Жеребкина. — СПб. : Алетейя, 2007. — 312 с.

92. Зальцман, М. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин [Текст] / М. Зальцман, А. Матаиа, Э. О'Райли; пер. с англ. А. Стативки. — М. : ИД «Коммерсантъ»; СПб. : ИД «Питер», 2007. — 352 с.

93. Запесоцкий, А. С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции [Текст] / А. С. Запесоцкий. — СПб. : ИГУП, 1996. — 143 с.

94. Зарубина, Н. Н. Бизнес в зеркале русской культуры [Текст] / Н. Н. Зарубина. — М., 2004. — 345 с.

95. Заславская, Т. И. К новой парадигме рынка труда [Текст] / Т. И. Заславская // Вопросы экономики. — 1998. — № 2. — С. 14–20.

96. Заславская, Т. И. Постсоциалистический трансформационный процесс в России [Текст] / Т. И. Заславская // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1998. — № 3. — С. 130–142.

97. Здравомыслов, А. Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности [Текст] / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов // Социология в СССР. Т. 2. — М., 1996. — С. 197–210.

98. Здравомыслова, О. М. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования) [Текст] / О. М. Здравомыслова, М. Ю. Арутюнян. — М. : Эдиториал УРСС, 1998. — 176 с.

99. Здравомыслова, О. М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации [Текст] / О. М. Здравомыслова. — М. : Эдиториал УРСС, 2003. — 152 с.

100. Здравомыслова, Е. А. Категоризация взаимодействий: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере [Текст] / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Российский гендерный порядок: со-

циологический подход: монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — С. 250–264.

101. Здравомыслова, Е. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе [Текст] / Е. Здравомыслова, А. Темкина // О муже(N)ственности: сб. ст. ; сост. С. Ушакин. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — С. 432–452.

102. Здравомыслова, Е. А. От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности [Текст] / Е. А. Здравомыслова // Российский гендерный порядок: социологический подход: монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — С. 213–226.

103. Здравомыслова, Е. А. Советский этакратический гендерный порядок [Текст] / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Социальная история — 2002. Спец. выпуск, посвященный гендерной истории; отв. ред. Н. Пушкарева. — М. : РОССПЭН, 2002. — С. 34–52.

104. Зубаревич, Н. В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода [Текст] / Н. В. Зубаревич. Изд. 5-е. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 264 с.

105. Зубок, Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок. — М. : Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003. — 268 с.

106. Зубок, Ю. А. Рискологическое направление в изучении молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок. // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 404–406.

107. Зубок, Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества [Текст] / Ю. А. Зубок. — М. : Социум, 1998. — 168 с.

108. Зубок, Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок. — М. : Мысль, 2007. — 288 с.

109. Зубок, Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. — 266 с.

110. Зубок, Ю. А. Становление и развитие отечественной социологии молодежи [Текст] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. — 2008. — № 7. — С. 108–117.

111. Зубок, Ю. А. Транзиция социальная [Текст] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 515–517.

112. Зубок, Ю. А. Трансгрессивность [Текст] / Ю. А. Зубок, Т. И. Яковук // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 517–518.

113. Иваненков, С. П. Проблемы социализации современной молодежи : монография [Текст] / С. П. Иваненков; изд. 3-е, испр. и доп. — СПб. : ООО «Архей», 2008. — 336 с.

114. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность: теория и практика [Текст] / Н. Л. Иванова, Т. В. Румянцева. — М. : Изд-во СГУ, 2009. — 455 с.

115. Ивякин, В. А. Семья в процессе социальных отношений: монография [Текст] / В. А. Ивякин, М. П. Гарбузова. — М. : Экслибрис-Пресс, 2008. — 168 с.

116. Изменение образа жизни человека на постсоветском пространстве (1982–2008 гг.) [Текст] // Информационно-аналитический бюллетень. — М. : Изд-во РГСУ, 2008. — 48 с.

117. Иконникова, С. Н. Молодежь в социальной структуре развитого социалистического общества [Текст] / С. Н. Иконникова // Молодежь: проблемы формирования и воспитания. — М., 1978. — С. 3–36.

118. Иконникова, С. Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ [Текст] / С. Н. Иконникова. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 166 с.

119. Ильин, В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления [Текст] / В. И. Ильин. — СПб. : Интерсоцис, 2007. — 388 с.

120. Ильинский, И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» [Текст] / И. М. Ильинский // Знание. Понимание. Умение. — 2004. — № 1. — С. 5–7.

121. Ильинский, И. М. Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего [Текст] / И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. — 664 с.
122. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория [Текст] / И. М. Ильинский. — М. : Голос, 2001. — 696 с.
123. Ильинский, И. М. Между будущим и прошлым. Социальная философия происходящего [Текст] / И. М. Ильинский. — М. : Голос, 2006. — 345 с.
124. Ильинский, И. М. Прошлое в Настоящем. Избранное [Текст] / И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. — 840 с.
125. Ильиных, С. А. Множественная маскулинность [Текст] / С. А. Ильиных // Социологические исследования. — 2011. — № 7. — С. 101–109.
126. Инглхард, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхард // Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6–32.
127. Интернет в общественной жизни [Текст]. — М. : Идея-Пресс, 2006. — 160 с.
128. Ионин, Л. Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие [Текст] / Л. Г. Ионин. — М. : Логос, 2000. — 278 с.
129. История средних веков [Текст] / под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. Т. 1. — М. : Госполитиздат, 1952. — 747 с.
130. Исупова, О. Материнский отказ от новорожденного: как и почему [Текст] / О. Исупова. — СПб. : ЦНСИ, 2003. — 300 с.
131. Итоги работы Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан за 2016 год (20. 01. 2017) [Электронный документ]. — <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=2>
132. Калабихина, И. Гендерный фактор в воспроизводстве человеческого капитала [Текст] / И. Калабихина // Женщина. Гендер. Культура. — М. : МЦГИ, 1999. — С. 171–183.
133. Карпухин, О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения [Текст] / О. И. Карпухин // Социологические исследования. — 2000 — № 3. — С. 124–128.

134. Карцева, Л. В. Семья и брак как предмет исследования социологии [Текст] / Л. В. Карцева // Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 94–102.

135. Киммел, М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности [Текст] / М. Киммел // Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики; под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 38–57.

136. Ковалев, В. И. Психологические особенности личностной организации времени жизни : автореф. дис. ... канд. псих. наук [Текст] / В. И. Ковалев. — М., 1979. — 22 с.

137. Ковалева, А. И. Социализационная норма в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / А. И. Ковалева. — М., 1997. — 32 с.

138. Ковалева, А. И. Социализация [Текст] / А. И. Ковалева // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 442–445.

139. Ковалева, А. И. Социализация личности: норма и отклонение [Текст] / А. И. Ковалева / Ин-т молодежи. — М., 1996. — 224 с.

140. Ковалева, А. И. Социология молодежи: Теоретические вопросы [Текст] / А. И. Ковалева, В. А. Луков. — М. : Социум, 1999. — 351 с.

141. Ковалева, А. И. Тезаурусная концепция молодежи [Текст] / А. И. Ковалева // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 507–508.

142. Коган, Л. Н. Человек и его судьба [Текст] / Л. Н. Коган. — М. : Мысль, 1998. — 286 с.

143. Когда наступает время выбора (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебного заведения) [Текст] / отв. ред. Г. А. Чередниченко. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — 568 с.

144. Козлова, О. Н. О реальности и целостности поколения современной российской молодежи [Текст] / О. Н. Козлова // Молодежь-97: надежды и разочарования. — М., 1997. — С. 30–57.

145. Колесникова, М. И. Российская молодежь 60-х и 90-х: сравнительный анализ моделей интеграции в общество: автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / М. И. Колесникова. — Ростов н/Д, 2006. — 25 с.
146. Коллонтай, А. Новая мораль и рабочий класс [Текст] / А. Коллонтай. — М., 1919. — 228 с.
147. Коллонтай, А. Социальные основы женского вопроса [Текст] / А. Коллонтай. — СПб., 1909. — 310 с.
148. Коллонтай, А. Труд женщин в эволюции народного хозяйства [Текст] / А. Коллонтай. — М., 1923. — 204 с.
149. Кон, И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви [Текст] / И. С. Кон. — М. : Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — 496 с.
150. Кон, И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся обществе [Текст] / И. С. Кон // Введение в гендерные исследования. Ч. I: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. — С. 562–605.
151. Кон, И. С. Психология половых различий [Текст] / И. С. Кон // Вопросы психологии. — 1981. — № 2. — С. 47–57.
152. Кон, И. С. Психология ранней юности [Текст] / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1989. — 255 с.
153. Кон, И. С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности: учеб. пособие [Текст] / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1979. — 175 с.
154. Кон, И. С. Ребенок и общество [Текст] / И. С. Кон. — М. : ИПЛ, 1988. — 270 с.
155. Кон, И. С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке [Текст] / И. С. Кон. — М. : ОГИ, 1997. — 464 с.
156. Кон, И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке [Текст] / И. С. Кон; 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Айрис-пресс, 2005. — 326 с.
157. Кон, И. С. Социология личности [Текст] / И. С. Кон. — М. : Политиздат, 1967. — 384 с.
158. Кононова, Т. М. Социологическая концепция формирования личности XXI века : дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Т. М. Кононова. — Тюмень, 2005. — 371 с.

159. Коннел, Р. Маскулинность и глобализация [Текст] / Р. Коннел // Введение в гендерные исследования. Ч. II: хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. — Харьков : ХЦГИ, 2001; СПб. : Алетейя, 2001. — С. 851–879.
160. Константинов, А. С. Динамика жизненных ориентаций выпускников средних школ Архангельска (1985–2005) [Текст] / А. С. Константинов // Социологические исследования. — 2007. — № 12. — С. 121–124.
161. Константиновский, Д. Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х годов: планы и их реализация [Текст] / Д. Л. Константиновский. — М. : Центр социологии образования РАО, 2000. — 224 с.
162. Константиновский, Д. Л. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы [Текст] / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко, Ф. А. Хохлушкина. — М. : ЦСПиМ, 2011. — 296 с.
163. Константиновский, Д. Л. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы [Текст] / Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Е. Д. Вознесенская. — М., 2009. — 255 с.
164. Королева, С. В. Трансформация гендерных отношений в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / С. В. Королева. — М., 2006. — 23 с.
165. Котовская, М. Г. Гендерный очерк: история, современность, факты [Текст] / М. Г. Котовская. — М. : ИЭА РАН, 2004. — 358 с.
166. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе [Текст] / В. В. Кривошеев // Социологические исследования. — 2009. — № 3. — С. 15–26.
167. Крутецкий, В. А. Очерки психологии старшего школьника [Текст] / В. А. Крутецкий, Н. С. Лукин. — М., 1963. — 205 с.
168. Крыштановская, О. В. Элита и возраст: путь наверх [Текст] / О. В. Крыштановская, Ю. В. Хуторянский // Социологические исследования. — 2002. — № 4. — С. 49–60.
169. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации [Текст] / Т. И. Варзанова, Г. Г. Воробьев, С. И. Григорьев, Л. А. Гегель и т. д. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — 224 с.

170. Курильски-Ожвэн, Ш. Семья, равенство, свобода: модели права и индивидуальные представления подростков Франции и России [Текст] / Ш. Курильски-Ожвэн // ОНС. — 1996. — № 2. — С. 61–71.
171. Курильски-Ожвэн, Ш. Образы права в России и Франции [Текст] / Ш. Курильски-Ожвэн, М. Ю. Арутюнян, О. М. Здравомыслова. — М., 1996. — 215 с.
172. Лапин, Н. И. Пути России: социокультурная трансформация [Текст] / Н. И. Лапин. — М.: Институт философии РАН, 2000. — 288 с.
173. Лахова, Е. Ф. Перспективы паритетной демократии в России [Текст] / Е. Ф. Лахова. — М., 1997. — 46 с.
174. Левикова, С. И. Молодежная субкультура [Текст] / С. И. Левикова. — М., 2004. — 218 с.
175. Левин, К. Теория поля в социальных науках [Текст] / К. Левин. — СПб., 2000. — 218 с.
176. Левичева, В. Ф. Молодежь в границах концептуального дискурса современной социологии [Текст] / В. Ф. Левичева // Человек и общество: тенденции социальных изменений: Материалы Междунар. науч. -практ. Конференции, 24–26 сент. 1997 г. — Санкт-Петербург — Минск — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 136–139.
177. Левичева, В. Ф. Самоопределение социальное молодежи [Текст] / В. Ф. Левичева // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М.: Academia, 2008. С. 417–418.
178. Левичева, В. Ф. Социальное самоопределение [Текст] / В. Ф. Левичева // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С 322–324.
179. Леонтьев, Д. А. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования [Текст] / Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипенко // Вопросы психологии. — 1995. — № 1. — С. 15–32.
180. Лисаускене, М. В. Поколение NEXТ — прагматичные перфекционисты или романтики потребления [Текст] / М. В. Лисаускене // Социологические исследования. — 2006. — № 4. — С. 111–115.
181. Лисовский, А. В. В поисках идеала. Диалог поколений [Текст] / А. В. Лисовский, В. Т. Лисовский. — Мурманск, 1994. — 286 с.

182. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие [Текст] / В. Т. Лисовский. — СПб., 2000. — 225 с.
183. Лисовский, В. Т. Когда наступает взрослость [Текст] / В. Т. Лисовский // Молодежь и современность. — Л., 1975. — С. 30–56.
184. Лисовский, В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья. Социологическое исследование [Текст] / В. Т. Лисовский. — СПб. : Наука, 2003. — 368 с.
185. Лисовский, В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях [Текст] / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 110–122.
186. Лисовский, В. Т. Эскиз к портрету [Текст] / В. Т. Лисовский. — М., 1969. — 194 с.
187. Локосов, В. В. Российское общество: трансформация целей, интересов, ценностей [Текст] / В. В. Локосов. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. — 128 с.
188. Ломова, Т. Е. Стереотипы в гендерных установках современной российской молодежи : автореф. дис. ... канд. культур. наук [Текст] / Т. Е. Ломова. — Владивосток, 2004. — 27 с.
189. Лорбер, Дж. Принципы гендерного конструирования [Текст] / Дж. Лорбер, С. Фаррелл // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. — С. 187–192.
190. Луков, А. В. «Картины мира» молодежи как результат культурной социализации в условиях становления глобальных систем коммуникации : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / А. В. Луков. — М., 2007. — 17 с.
191. Луков, А. В. Следствия «теоремы Томаса» в условиях становления информационной цивилизации [Текст] / А. В. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 4. — С. 220–222.
192. Луков, Вал. А. И. М. Ильинский о молодежи и молодежной политике [Текст] / Вал. А. Луков // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 5. — С. 158–178.

193. Луков, Вал. А. О свойствах междисциплинарности (к развитию теорий молодежи) [Текст] / Вал. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 3. — С. 30–42.
194. Луков, Вал. А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи [Текст] / Вал. А. Луков // Социологические исследования. — 1998. — № 8. — С. 27–36.
195. Луков, Вал. А. Самочувствие социальное молодежи [Текст] / Вал. А. Луков. // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 422–423.
196. Луков, Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография [Текст] / Вал. А. Луков. — М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 528 с.
197. Лукьянова, Е. Высшее образование в системе социальной стратификации: опыт пилотажного исследования [Текст] / Е. Лукьянова // Другое поле. Социологические практики / под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Перфильева. — Ульяновск : Изд-во Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000. — С. 100–108.
198. Лушников, Д. А. Социальная дезорганизация на микроуровне социальной реальности: монография [Текст] / Д. А. Лушников. — Ставрополь : СевКавГТУ, 2005. — 265 с.
199. Магун, В. С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание [Текст] / В. С. Магун // Мир России. — 1998. — № 4. — С. 130–148.
200. Малышева, М. М. Современный патриархат. Социально-экономическое эссе [Текст] / М. М. Малышева. — М. : Academia, 2001. — 352 с.
201. Мальковская, И. А. Метаморфозы субъектности в современном мире [Текст] / И. А. Мальковская // Социологические исследования. — 2008. — № 5. — С. 16–25.
202. Мальцева, И. О. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда [Текст] / И. О. Мальцева, С. Ю. Рошин; Государственный университет — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 295 с.

203. Мансуров, В. А. Социология профессий. История, методология и практика исследований [Текст] / В. А. Мансуров, О. В. Юрченко // Социологические исследования. — 2009. — № 8. — С. 36–46.
204. Манхейм, К. Диагноз нашего времени [Текст] / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. М. И. Левина и др. — М. : Юрист, 1994. — 700 с.
205. Маринов, М. Б. Влияние социальной индивидуализации на стратегию жизни личности [Текст] / М. Б. Маринов // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 4. — С. 249–254.
206. Мартынюк, И. О. Проблемы жизненного самоопределения молодежи [Текст] / И. О. Мартынюк. — Киев, 1993. — 178 с.
207. Маршак, А. Л. Досуг [Текст] / А. Л. Маршак // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 107–108.
208. Медина, Т. Сексуальная функция молодой украинской семьи: Социологический аспект [Текст] / Т. Медина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 2. — С. 75–92.
209. Меркулова, Т. П. Оптимизация вторичной занятости учащейся молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Т. П. Меркулова. — М., 1998. — 27 с.
210. Мещеркина, Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса [Текст] / Е. Мещеркина // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — С. 268–287.
211. Миллет, К. Теория сексуальной политики [Текст] / К. Миллет // Вопросы философии. — 1994. — № 9. — С. 147–172.
212. Мишле, Ж. Народ [Текст] / Ж. Мишле. — М., 1965. — 208 с.
213. Молодежь России. 2010 [Текст] : Статист. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. — 190 с.
214. Молодежь России на рубеже 90-х годов [Текст]; Кн. 1–2. — М., 1992. — 180 с.
215. Молодежь России: Тенденции, перспективы [Текст] / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. — М. : Молодая гвардия, 1993. — 365 с.
216. Мудрик, А. В. Время поисков и решений, или старшеклассникам о них самих [Текст] / А. В. Мудрик. — М., 1990. — 189 с.

217. Мудрик, А. В. Социализация человека: учеб. пособие [Текст] / А. В. Мудрик. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010. — 624 с.
218. Мустаева, Ф. А. Социальные проблемы современной семьи [Текст] / Ф. А. Мустаева // Социологические исследования. — 2009. — № 7. — С. 109–113.
219. Надолинская, Л. Н. Стереотипы любовных отношений в европейской культуре (историческая трансформация) : дис. ... канд. филос. наук [Текст] / — Ростов н/Д, 2001. — 158 с.
220. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый демографический доклад [Текст] / отв. ред. А. Г. Вишневский. — М. : Наука, 2006. — 267 с.
221. Население России 2001. Десятый ежегодный демографический доклад [Текст] / отв. ред. А. Г. Вишневский. — М. : Книжный дом «Университет», 2002. — 250 с.
222. Наслаждение быть мужчиной: западные теории маскулинности и постсоветские практики [Текст] / под ред. Ш. Берд и С. Жеребкина. — СПб. : Алетей, 2008. — 296 с.
223. Немировский, Д. Об отношении молодежи к добрачной половой жизни [Текст] / Д. Немировский // Социологические исследования. — 1982. — № 1. — С. 115–128.
224. Нечаева, Н. А. Патриархатная и феминистическая картина мира: анализ структуры массового сознания [Текст] / Н. А. Нечаева // Гендерные тетради. Вып. 1; СПб. филиал Института социологии РАН. — СПб., 1997. — С. 17–44.
225. Новокрещенов, А. В. «Невидимая рука» избирательного процесса [Текст] / А. В. Новокрещенов // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 29–34.
226. Новохацкая, О. В. Повседневная деятельность селян: гендерный аспект [Текст] / О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2008. — № 3. — С. 52–59.
227. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография [Текст] / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. — 524 с.

228. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. — М. : Советская Энциклопедия, 1968. — 900 с.
229. Омельченко, Е. Л. «Жертвы» и/или «насилыники». Феномены подростковой сексуальности в фокусе западных теоретических дискурсов [Текст] / Е. Л. Омельченко // Другое поле. Социологические практики / под ред. Е. Л. Омельченко, С. А. Перфильева. — Ульяновск : Изд-во Государственного научного учреждения «Средневолжский научный центр», 2000. — С. 238–255.
230. Омельченко, Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв. : дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Е. Л. Омельченко. — М., 2005. — 345 с.
231. Омельченко, Е. Л. «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи [Текст] / Е. Л. Омельченко // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — С. 582–608.
232. Омельченко, Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры [Текст] / Е. Л. Омельченко. — М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. — 264 с.
233. Омельченко, Е. Л. Молодежь. Открытый вопрос [Текст] / Е. Л. Омельченко. — Ульяновск : Изд-во «Симбирская книга», 2004. — 184 с.
234. Омельченко, Е. Л. От пола к гендеру? Опыт секс-дискурсов молодежных российских журналов [Текст] / Е. Л. Омельченко // Женщина не существует: современные исследования полового различия / под ред. И. Аристарховой. — Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского университета, 1999. — С. 77–115.
235. Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования [Текст] / Науч. ред. Е. Г. Слуцкий. — СПб., 2002. — 358 с.
236. Отчет по итогам социологического исследования «Молодежь и социокультурная сфера г. Тольятти» (мониторинг досуговой деятельности старшеклассников) [Текст]. — Тольятти : Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2001. — 26 с.
237. Отчет по итогам социологического исследования «Молодежь Тольятти: сегодня и завтра» [Текст]. — Тольятти : Изд-во Фонда «Развитие через образование», 2002. — 65 с.

238. Оуэн, Р. Новый взгляд на общество, или Опыты об образовании человеческого характера [Текст] / Р. Оуэн // Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. — М. : Просвещение, 1981. — 528 с.
239. Пасовец, Ю. М. Самореализация молодежи как предмет социокультурного анализа : автореф. дис. ... канд. социол. наук. [Текст] / Ю. М. Пасовец. — Курск, 2006. — 22 с.
240. Парамонова, С. Типы морального сознания молодежи [Текст] / С. Парамонова // Социологические исследования. — 1997. — № 10. — С. 75–82.
241. Петров, А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденция изменений [Текст] / А. В. Петров // Социологические исследования. — 2008. — № 2. — С. 83–90.
242. Першиц, А. И. Возрастные классы [Текст] / А. И. Першиц // Народы России. — М., 1994. — С. 420–462.
243. Петрова, Т. Э. Здоровье российской молодежи: комплексный подход [Текст] / Т. Э. Петрова, А. А. Каравашкин // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 5. — С. 252–269.
244. Петрова, Т. Э. Российское студенчество и высшее образование [Текст] / Т. Э. Петрова. М., 1995. — 196 с.
245. Пешкова, О. И. Социальные изменения в современном обществе [Текст] / О. И. Пешкова // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 6. — С. 330–336.
246. Поваляева, О. Н. Развитие социологического знания о риске [Текст] / О. Н. Поваляева // Социологические исследования. — 2011. — № 11. — С. 136–140.
247. Поколения. net: хроники событий [Текст] / под ред. Е. Омельченко. — Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного университета, 2007. — 200 с.
248. Попкова, Л. Н. Профессиональные стратегии менеджеров среднего звена (гендерный аспект) [Текст] / Л. Н. Попкова, И. Н. Тартаковская // Социологические исследования. — 2011. — № 7. — С. 48–57.
249. Попов, В. Г. Социокультурные ориентации и адаптация молодежи к общественным преобразованиям в современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / В. Г. Попов. — Екатеринбург, 1997. — 38 с.

250. Прогноз изменения численности учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации (2007/08–2012/2013 учебные годы) [Текст]. — М. : ЦСП, 2008. — 128 с.
251. Психологические проблемы юности [Текст]. — М., 1990. — 213 с.
252. Психология: словарь [Текст] / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
253. Пушкарева, Н. В. Социальная динамика жизненного пространства человека : автореф. дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Н. В. Пушкарева. — Саратов, 2004. — 29 с.
254. Раскин, В. Г. Деятельностный подход как метод исследования социально-экологического пространства [Текст] / В. Г. Раскин // Проблемы социальной экологии. — Кемерово, 1993. — С. 5–20.
255. Рассадина, Т. А. Нравственные ориентации жителей российской провинции [Текст] / Т. А. Рассадина // Социологические исследования. — 2004. — № 7. — С. 52–61.
256. Рассадина, Т. А. Традиционные ценности русской культуры [Текст] / Т. А. Рассадина // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 1. — С. 44–56.
257. Революция притязаний и изменений жизненных ориентаций молодежи: 1985–1995 [Текст] / под ред. В. С. Магуна. — М., 1998. — 244 с.
258. Режабек, Е. Я. Что такое постиндустриализм. Инновационные подходы в науке [Текст] / Е. Я. Режабек. — Ростов н/Д, 1995. — 215 с.
259. Резник, Т. Е. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование [Текст] / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник // Социологические исследования. — 1996. — № 6. — С. 110–119.
260. Резник, Т. Е. Жизненные стратегии личности [Текст] / Т. Е. Резник, Ю. М. Резник. — М., 1985. — 185 с.
261. Римашевская, Н. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году [Текст] / Н. Римашевская, Д. Ванной, М. Малышева и др. — М. : Academia, 1999. — 272 с.
262. Ринкявичус, Л. Концепции общности (Gemeinschaft/community) в виртуальном пространстве [Текст] / Л. Ринкявичус, Э. Буткявичене // Социологические исследования. — 2007. — № 7. — С. 3–11.

263. Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество [Текст] / Д. Рисмен // Социологические исследования. — 1993. — № 5–7. — С. 21–34.
264. Рогачева, О. А. Социокультурные факторы формирования трудовых ценностей молодежи (региональный контекст) : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / О. А. Рогачева. — Ростов н/Д, 2006. — 27 с.
265. Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. ст. / Институт Кеннана [Текст] / под ред. Э. А. Паина и О. Д. Волкогоновой. — М. : Три квадрата, 2008. — 416 с.
266. Российское студенчество на рубеже веков: материалы Всероссийского студенческого форума [Текст] / под ред. Ю. В. Коврижных, Г. В. Куприяновой; науч. ред. Т. Э. Петрова. — М. : Логос, 2001. — 200 с.
267. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. — М. : Педагогика, 1973. — 423 с.
268. Рузова, Л. А. Молодежь Тольятти: анализ опыта социологического исследования : монография [Текст] / Л. А. Рузова, О. В. Кораблева, Е. В. Головина, С. В. Скутнева. — Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2009. — 108 с.
269. Рыклина, В. Красивый сам собою. Мода на метросексуалов закончилась, а на парней-мачо — вернулась [Текст] / В. Рыклина // Русский Newsweek. — 2005. — № 36 (66). — С. 56–58.
270. Сафин, В. Ф. Психологический аспект самоопределения личности [Текст] / В. Ф. Сафин, Г. П. Ников // Психологический журнал. — 1984. — № 4. — С. 65–73.
271. Силласте, Г. Г. Эволюция духовных ценностей россиян в новой социокультурной ситуации [Текст] / Г. Г. Силласте // Социологические исследования. — 1995. — № 10. — С. 88–95.
272. Скутнева, С. В. Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи: монография [Текст] / С. В. Скутнева; — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Изд-во РГСУ, 2009. — 136 с.
273. Скутнева, С. В. Раннее материнство [Текст] / С. В. Скутнева // Социологические исследования. — 2009. — № 7. — С. 114–118.
274. Словарь русского языка [Текст]: в 4 т. — М., 1985–1988. — 800 с.

275. Словарь современного русского языка [Текст]. Т. 3. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1972. — 760 с.

276. Современное понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) [Текст] / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. — М. : Изд. дом «МАГИСТР-ПРЕСС», 2000. — 242 с.

277. Соколова, Е. В. Смысложизненные ориентации студенческой молодежи в условиях реформирования российского общества (на материалах исследований в Красноярском крае с 1998 по 2004 г. ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Е. В. Соколова. — Красноярск, 2006. — 23 с.

278. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи [Текст] / П. А. Сорокин // Ежемесячный журнал. — 1916. — № 2. — С. 170–187.

279. Сорокин, П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии [Текст] / П. А. Сорокин // О России и русской философской культуре. — М., 1990. — С. 404–480.

280. Социальная идентификация личности. Годичный отчет за 1993 г. по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в Российском обществе» [Текст] / под ред. В. А. Ядова. — М. : Институт социологии, 1993. — 168 с.

281. Социально-экономическая характеристика населения городов Приволжского федерального округа [Электронный документ]. — <http://uisrussia.msu.ru/docs/stat>.

282. Социально-экономические проблемы тольяттинской молодежи [Текст] // Информационно-аналитическое издание МУ «Центр социальных технологий». — 2000. — № 9. — С. 29–45.

283. Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках [Текст] / Ред. -коорд. академик РАН Г. В. Осипов. — М. : Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1998. — 488 с.

284. Социология молодежи : учебник [Текст] / под ред. проф., чл. -корр. РАН В. Н. Кузнецова. — М. : Гардарики, 2005. — 335 с.

285. Статистические данные численности постоянного населения Самарской области [Текст] // Демографический ежегодник Самарской области. — Самара : СОПОМ Самарстат, 2009. — 332 с.
286. Статистическая информация за 2015 год [Электронный документ]. — <http://www.zags63.ru/statist2015>
287. Статистическая информация за 2016 год [Электронный документ]. — <http://www.zags63.ru/statist2016>
288. Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2015 года (11.01.2016) [Электронный документ]. — <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=5>
289. Статистическая отчетность по государственной регистрации актов гражданского состояния в Республике Татарстан по итогам 2016 года (09.01.2017) [Электронный документ]. — <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=2>
290. Статистические показатели работы органов ЗАГС Республики Татарстан за 2015 год (20.01.2016) [Электронный документ]. — <http://zags.tatarstan.ru/rus/statisticheskie-dannie.htm?page=5>
291. Студент-2003 [Текст]. — Екатеринбург, 2003. — 158 с.
292. Сурина, И. А. Ценностные ориентации [Текст] / И. А. Сурина // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 559–561.
293. Сурина, И. А. Ценностное пространство общества: теоретико-методологическая концепция : автореф. дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / И. А. Сурина. — М., 2000. — 42 с.
294. Тарасова, М. В. Гендерные стереотипы на рынке труда: дис. ... канд. социол. наук [Текст] / М. В. Тарасова. — Ростов н/Д, 2005. — 202 с.
295. Тезаурус социологии: темат. слов. -справ. [Текст] / по ред. Ж. Т. Тощенко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 487 с.
296. Темкина, А. А. Динамика сценариев сексуальности в автобиографиях современных российских женщин: опыт конструктивистского исследования сексуального удовольствия [Текст] / А. А. Темкина // Гендерные тетради. Вып. 2. — СПб. : Филиал Института социологии РАН, 1999. — С. 20–54.

297. Темкина, А. А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой [Текст] / А. А. Темкина. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 376 с.
298. Титма, М. Х. Молодежь: ориентации и жизненные пути [Текст] / М. Х. Титма, М. Е. Ашмане, А. А. Матуленис. — Рига, 1988. — 215 с.
299. Толстых, Н. Н. Использование методики неоконченных предложений для изучения временной перспективы [Текст] / Н. Н. Толстых // Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психодиагностических методик: сб. науч. тр. — М., 1988. — С. 25–37.
300. Гоффлер, Э. Третья волна [Электронный документ]. — <http://exbicio.ru>.
301. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек [Текст] / Ж. Т. Тощенко. — М., 2001. — 258 с.
302. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики [Текст] / под ред. А. Б. Гофмана. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. — 543 с.
303. Узнадзе, Д. Экспериментальные основы психологических установок [Текст] / Д. Узнадзе // Психологические исследования. — М., 1966. — С. 150–173.
304. Ушакин, С. Видимость мужественности [Текст] / С. Ушакин // О муже(N)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — С. 479–503.
305. Федотова, В. Г. Хорошее общество [Текст] / В. Г. Федотова. — М. : Процесс-Традиция, 2005. — 544 с.
306. Федотова, Н. Н. Глобализация и изучение идентичности [Текст] / Н. Н. Федотова. // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 1. — С. 72–80.
307. Фельдштейн, Д. И. Проблемы развития личности в современных условиях [Текст] / Д. И. Фельдштейн // Мир психологии и психология в мире. — 1995. — № 3 (4). — С. 5–11.

308. Филоненко, В. И. Современное российское студенчество в транзитивном обществе: противоречия и парадоксы социализации. Монография [Текст] / В. И. Филоненко. Ростов-на-Дону : ИПО ПИ ЮФУ, 2009. — 336 с.
309. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Ред. -сост. Е. Ф. Губский и др. — М. : ИНФРА-М, 1997. — 575 с.
310. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: пер с англ. [Текст] / под общ. ред. А. В. Александровой. — М. : АСТ ; Ермак, 2004. — 474 с.
311. Хабермас, Ю. Политические работы [Текст] / Ю. Хабермас. — М., 2005. — 355 с.
312. Хайнце, Э. Сексуальная ориентация: право человека: эссе о международном законодательстве о правах человека: пер. с англ. З. Баблюяна, М. Дмитриевой, Н. Иванова [Текст] / под ред. Н. Иванова. — М. : Идея-Пресс, 2004. — 366 с.
313. Харчева, В. Г. Высшая школа в зеркале социологии [Текст] / В. Г. Харчева, Ф. Э. Шереги // Социологические исследования. — 1994. — № 12. — С. 41–50.
314. Ховрин, А. Ю. Решение демографической проблемы: социальное партнерство молодежи, власти, общества [Текст] / А. Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 2. — С. 141–162.
315. Хрестоматия по зарубежной педагогике [Текст]. — М., 1981. — 387 с.
316. Хэвин, П. Современные подростки: социально-психологический подход [Текст] / П. Хэвин // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. — М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. — С. 142–146.
317. Чвякин, В. А. Семья в процессе социальных отношений: монография [Текст] / В. А. Чвякин, М. П. Гарбузова. — М. : Экслибрис-Пресс, 2008. — 168 с.
318. Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник-2007. Семья. Традиции и современные тенденции [Текст] / Гл. ред. Л. В. Скворцов и др. ; ред.-сост. О. В. Летов / РАН ИНИОН Центр гуманит. научн.-информ. исслед., Центр социал. науч.-информ. исслед. — М., 2007. — 258 с.

319. Чередниченко, Г. А. Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи [Текст] / Г. А. Чередниченко // Социологические исследования. — 2011. — № 9. — С. 101–110.
320. Черкасова, Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема : дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Т. В. Черкасова. — М., 2004. — 358 с.
321. Чернова, Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ [Текст] / Ж. В. Чернова. — СПб. : Норма, 2008. — 328 с.
322. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии [Текст] / И. И. Чеснокова. — М., 1977. — 226 с.
323. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола [Текст] / Н. Чодороу // Антология гендерных исследований: сб. пер. / сост. и комм. Е. И. Гаповой и А. Р. Усмановой. — Мн. : ПроPILEI, 2000. — С. 29–76.
324. Чупров, В. И. Концепция молодежной политики: поиск взаимодействия общества и молодежи [Текст] / В. И. Чупров // Социально-политические науки. — 1991. — № 3. — С. 31–40.
325. Чупров, В. И. Социология молодежи [Текст] / В. И. Чупров // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 461–466.
326. Чупров, В. И. Социология молодежи: учебник [Текст] / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. — 336 с.
327. Чупров, В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве [Текст] / В. И. Чупров // Социологические исследования. — 1998. — № 3. — С. 93–106.
328. Чупров, В. И. Методология целостного подхода в социологии молодежи [Текст] / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок // Россия: новые цели и приоритеты; под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, В. В. Локосова. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. — С. 84–107.
329. Чупров, В. И. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы [Текст] / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. — М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. — 116 с.
330. Чупров, В. И. Молодежь в обществе риска [Текст] / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. Уильямс. — М. : Наука, 2003. — 184 с.

331. Чупров, В. И. Ценности [Текст] / В. И. Чупуров // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. — М. : Academia, 2008. С. 558–559.
332. Шаламова, Л. Ф. Социальное самочувствие и социальная активность молодежи [Текст] / Л. Ф. Шаламова // Социально-гуманитарные знания. — 2008. — № 2. — С. 172–184.
333. Шилина, Н. А. Трансформация маскулинности в российском обществе: социокультурный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Н. А. Шилина. — Ростов н/Д, 2005. — 29 с.
334. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. — М. : Аспект-пресс, 1996. — 416 с.
335. Штылева, Л. В. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ [Текст] / Л. В. Штылева. — М. : ПЕР СЭ, 2008. — 316 с.
336. Щеглова, С. Н. К концепции социального конструирования детства [Текст] / С. Н. Щеглова // Социологический сборник. Вып. 5. — М. : Социум, 1999. — С. 135–155.
337. Щеглова, С. Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к зрелости [Текст] / С. Н. Щеглова // Молодежь 97: надежды и разочарования. — М., 1997. — С. 157–166.
338. Щеглова, С. Н. Роль родителей в конструировании современного детства: гендерный аспект [Текст] / С. Н. Щеглова // Социологический сборник. Вып. 6. — М. : Социум, 2000. — С. 135–155.
339. Эйдман, И. В. Прорыв в будущее: Социология интернет-революции [Текст] / И. Эйдман. — М. : ОГИ, 2007. — 384 с.
340. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 ч. Т. 3. — М. : Политиздат, 1985. — С. 211–283.
341. Эриксон, Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эриксон. — СПб. : Университетская книга, 1996. — 592 с.
342. Эриксон, Э. Жизненный цикл: эпигенез идентичности [Текст] / Э. Эриксон // Архетип. — 1995. — № 1. — С. 105–114.
343. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон; пер. с англ. ; общ. ред. и пред. А. В. Толстых. — М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. — 344 с.

344. Ювенология в XXI веке: комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении [Текст] / под ред. Е. Г. Слуцкого и В. В. Журавлева. — СПб. : ООО ИД «Петрополис», 2007. — 216 с.
345. Явон, С. В. Жизненное самоопределение молодежи: монография [Текст] / С. В. Явон. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2012. — 170 с.
346. Явон, С. В. Молодежь в динамике гендерного пространства в условиях трансформации современного российского общества: монография [Текст] / С. В. Явон. — М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. — 332 с.
347. Явон, С. В. Семейно-брачные отношения: региональные аспекты С. В. Явон, К. А. Кудрявцева [Текст] // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 4. — С. 177–187.
348. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В. А. Ядов. — 3-е изд., испр. — М. : Омега-Л, 2007. — 567 с.
349. Ядова, М. А. Нормативные поведенческие установки молодежи постсоветского поколения (на примере исследования контрастных социальных групп) : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / М. А. Ядова. — М., 2006. — 24 с.
350. Ядова, М. А. Поведенческие установки молодежи постсоветского поколения [Текст] / М. А. Ядова // Социологические исследования. — 2006. — № 10. — С. 78–88.
351. Яковлев, Л. С. Пространство социализации : дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Л. С. Яковлев. — Саратов, 1998. — 382 с.
352. Яковук, Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи : дис. ... д-ра социол. наук [Текст] / Т. И. Яковук. — М., 2006. — 330 с.
353. Ashwin, S. Male Social Exclusion in Contemporary Russia [Текст] / S. Ashwin. Paper presented to the 5th ESA Conference. Helsinki, August-September, 2001.
354. Cancian, F. M. Gender Politics: Love and Power in the Private and Public Spheres [Текст] / F. M. Cancian // Rossi A. S., ed. Gender in the Life Course. — New York, 1985. 253–264.

355. Carrigan, T., Connell, R., Lee, J. Toward a New Sociology of Masculinity [Текст] / T. Carrigan, R. Connell, J. Lee // Theory and Society. — 1985. — V. 14. — 592 p.

356. Connell, R. Masculinities [Текст] / R. Connell. — Cambridge: Polity Press, 1995. — 77 p.

357. Giddens, A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies [Текст] / A. Giddens. — Stanford: Stanford Univ. Press, 1992. — 26 p.

358. Parsons, T., Bales, R. F. Family, Socialization and Interaction Process [Текст] / T. Parsons, R. F. Bales. — New York: Free Press, 1955.

359. Rubin, G. The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex / Toward an Anthropology of Women. Ed. By R. Reiter [Текст] / G. Rubin. — New York, 1975.

360. Scheler, M. Wissensformen und die Gesellschaft [Текст] / M. Scheler // In: Probleme einer Soziologie des Wissen. — Bern, 1960.

*Научное издание*

**Явон Снежана Владимировна**

**СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ**

**Монография**

Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой

Подписано в печать 02.11.2018. Формат 60×84/16.  
Тираж 300 экз. Печ. л. 9,5. Изд. № 559. Заказ № 137.

Издательство Московского гуманитарного университета  
111395, Москва, ул. Юности, 5

